

ФРАНЧЕСКА КЛЕМЕНТИС

БОЛЬШИЕ ДЕВОЧКИ НЕ ПЛАЧУТ

Мы едим что хотим!

Мы никогда не взвешиваемся!

Мы ни во что не ставим моду

и правила, выдуманные

диктаторами, которые

издают журналы

в глянцевых обложках.

На свете нас больше,

чем тощих фотомоделей,

и когда-нибудь мы победим.

РОМАНТИЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ

Роман современной английской писательницы Ф. Клементис посвящен едва ли не самой актуальной в наши дни теме. Лишний вес и как с ним бороться? Стоит ли это делать? Изменяется ли наше внутреннее «я», когда мы меняем свой облик? Ответы на все эти вопросы вы найдете в этой забавной и остроумной книге. * * * Дебютный роман молодой английской писательницы Ф. Клементис «Большие девочки не плачут» имел ошеломительный успех после выхода в свет. Проблемы, с которыми сталкиваются ее героини, знакомы большинству женщин. Лишний вес и как с ним бороться? Стоит ли ради этого страдать? Что важнее: форма или содержание? Меняется ли наша личность вместе с нашим обликом? Прочитав эту книгу, вы будете смеяться, плакать, а также почувствуете неумолимое желание съесть что-нибудь вкусное.

- [Франческа Клементис](#)

- [ПРОЛОГ](#)
- [ГЛАВА 1](#)
- [ГЛАВА 2](#)
- [ГЛАВА 3](#)
- [ГЛАВА 4](#)
- [ГЛАВА 5](#)
- [ГЛАВА 6](#)
- [ГЛАВА 7](#)
- [ГЛАВА 8](#)
- [ГЛАВА 9](#)
- [ГЛАВА 10](#)
- [ГЛАВА 11](#)
- [ГЛАВА 12](#)
- [ГЛАВА 13](#)
- [ГЛАВА 14](#)
- [ГЛАВА 15](#)
- [ГЛАВА 16](#)
- [ГЛАВА 17](#)
- [ГЛАВА 18](#)
- [ГЛАВА 19](#)
- [ГЛАВА 20](#)
- [ГЛАВА 21](#)
- [ГЛАВА 22](#)
- [ГЛАВА 23](#)
- [ГЛАВА 24](#)
- [ГЛАВА 25](#)

-

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)

- [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)
  - [33](#)
  - [34](#)
  - [35](#)
  - [36](#)
  - [37](#)
  - [38](#)
  - [39](#)
  - [40](#)
  - [41](#)
  - [42](#)
  - [43](#)
-

Франческа Клементис

Большие девочки не плачут

ПРОЛОГ

Дэвид Сэндхерст по-отечески ласково разглядывал своих мышей. Капризуля и Пампушка безучастно смотрели на него. Ему доставляло удовольствие придумывать клички животным в зависимости от препаратов, которые на них испытывались. Разумеется, об оксиметабулине как о средстве предупреждения приступа астмы, каким он задумывался, было давно забыто. Как это часто случается в медицине, в ходе экспериментов неожиданно было открыто побочное воздействие препарата. Тут выяснилось, что инвесторы фармацевтической компании «Перрико» именно этого и ждали, причем давно.

Дэвид достал мышей из клетки и отнес их на весы. Те знали, что происходит, и, пока Дэвид производил измерения, сидели не шелохнувшись. Он с улыбкой просмотрел предыдущие записи. Отлично. Все идет точно так, как он и предполагал.

Глядя на тридцатичетырехлетнего ученого со стороны, можно было бы подумать, что он настолько погружен в работу, что не придает решительно никакого значения своему внешнему виду: белый халат в пятнах, выцветшие джинсы, волосы, в беспорядке свисающие на лоб, простые очки в металлической оправе, под ногтями скопилась трехнедельная грязь неопределенного происхождения.

Но это ошибочное впечатление. Под белым халатом скрывалась рубашка от Версаче, а джинсы были от Армани. На то, чтобы придать волосам столь нарочито взъерошенный вид, ушло двадцать минут и известное количество лака для волос, нанесенного в несколько приемов. На его очках при ближайшем рассмотрении можно было разглядеть логотип ISL^[1]. Линзы были очень маленькие, чтобы его темно-голубые глаза никого не свели с ума. После того как одна из тех немногих женщин, которые отвергли его ухаживания, упрекнула его в щегольстве, он и присущей ему чистоплотности научился противиться и перестал ухаживать за ногтями.

Но подобное тщеславие ничуть не мешало серьезному отношению к работе. Дэвид Сэндхерст был честолюбив настолько, насколько честолюбивым и должен быть мужчина с годовыми потребностями на сто тысяч фунтов и с жалованьем в двадцать пять тысяч. Пока ему лишь удавалось поддерживать дорогой стиль жизни при посредничестве одной управляющей банка, которая охотно увеличивала неуклонное, по спирали, превышение его кредита в обмен на клятвенное обещание Дэвида пригласить ее на ужин («ну очень скоро»).

Но его исследования наконец удостоились внимания. Работа над оксиметабулином совпала с громким открытием в США «жирного» гена в мышцах. Как оказалось, этот ген контролирует гормон, который отвечает за увеличение или уменьшение потребления энергии тела таким же образом, каким термостат регулирует температуру. Если бы он не работал эффективно, то мышь была бы либо очень жирной, либо очень тощей. Группе американских исследователей удалось за короткое время создать протеин, непосредственно воздействующий на этот ген, который «включает» сжигатель жира мышцы, что ведет к быстрой потере веса.

Если проблема тучных мышей занимает вас больше всего на свете, то считайте, что ваши молитвы уже почти услышаны.

К сожалению, мышцы не вносят сколько-нибудь значительный вклад в многомиллиардную диетическую индустрию, и это хорошо известный факт. Они не покупают диетическое питание, журналы, книги или видеокассеты. Жирные мышцы не тратят

тысячи фунтов стерлингов на то, чтобы сбросить лишний жир, они не посещают спортивные залы, а частные хирурги не подтягивают им подбородки. Они не глотают ведрами пилюли и не летают на курорты в Аризону на пару недель каждые полгода и всякое такое. Они не нуждаются в двух совершенно разных комплектах одежды — на толстые и тонкие дни. Они не платят за то, чтобы им вкалывали вытяжку разжиженного утробного овечьего плода, и вряд ли отправляют по почте счет на 29 фунтов 95 пенсов за обтягивающие штаны, которые призваны прибрать кое-что с тыльной стороны. В целом мыши — весьма ограниченный рынок для столь революционного открытия.

Ну а как же люди, и в частности женщины? Можно ли изобрести таблетку, которая позволит им есть, что они хотят, двигаться так мало, как нравится, но чтобы при этом они еще и в весе теряли без всяких на то усилий? В результате опросов, опубликованных в некоторых модных женских журналах, выяснилось: более девяноста процентов женщин утверждают, что большинству из них требуется для счастья только одно — скинуть один стоун^[2].

Похудение они ставят выше, чем получение пяти тысяч фунтов стерлингов. Это даже более желательно, нежели блестящая карьера. Ближе к сердцу, чем прекрасные и прочные семейные отношения. Важнее, чем любовь. Почти все женщины на Западе, независимо от того, есть у них лишний вес или нет, полагают, что жизнь их улучшится, если можно будет похудеть, и для достижения этой цели готовы пойти на что угодно, включая любые расходы.

Неудивительно, что новый мышинный препарат подхлестнул отчаянную гонку в поисках безопасного и эффективного аналога для человека.

По иронии судьбы компания «Перрико» даже и не мыслила включаться в эту гонку. На фармацевтическом рынке они были мелкими игроками и не могли себе позволить вкладывать миллионы фунтов в необходимые исследования. Они продолжали менее престижные разработки по лечению астмы. На эту работу и взяли Дэвида сразу после университета. Результатом стал оксиметабулин.

Выяснилось, что оксиметабулин имеет кое-какие незначительные, но весьма положительные воздействия на астму, однако все мыши, которым вкалывали препарат, теряли в весе. Поначалу это рассматривалось как потенциальная проблема. Необъяснимая потеря веса часто служит показателем серьезной болезни. Потом Дэвид понял, почему препарат имеет такое воздействие. Совершенно случайно он подобрал состав, который произвел переворот в обмене веществ у мышей.

Не было решительно никаких причин считать, что этот состав будет воздействовать и на людей. В конце концов, американский протеин тоже, очевидно, не был готов оказывать нужное воздействие на человека, и маловероятно, чтобы скромное открытие Дэвида оказалось более эффективным. А работая в маленькой лондонской лаборатории с ограниченными средствами, он никогда бы не довел проект до такой стадии, когда можно было бы начать испытывать препарат на людях.

Неукротимое стремление к славе и слабеющая поддержка управляющей банка заставили его пойти на огромный риск. Презрев все этические нормы и правила, он сам принял пробную дозу оксиметабулина. Он чувствовал, что терять ему нечего, а обрести можно все.

Спустя месяц он сбросил двенадцать фунтов. Теперь ему было предназначено стать объектом внимания всего мира.

Аппетит за обедом разгорался все больше и больше. Марина Ризенталь исполняла роль толстушки, которой не следует переедать на людях, и потому она ковырялась в жаренной на гриле рыбе и салате в надежде на то, что новый клиент их фирмы, Пол Джером, спишет ее комплекцию в пятнадцать стоунов на редкое заболевание желез.

— Как насчет ликера, Марина? — спросил Пол. — Я бы выпил, если выпьете и вы.

Марина уступила, и после третьей порции «куантро» беседа незаметно перетекла в пошное русло. Пол рассказывал ей о своих женщинах так, будто и она была мужчиной, а не тем, кем обычно, — бесполом коллегой.

Марина пришла к заключению, что о таком мужчине остается лишь втайне мечтать. Еще будучи юной толстушкой, она поняла, что все мужчины, которые не принадлежат к отбросам общества, не безобразны от природы и не имеют склонностей психопата, просто не попадают в круг ее общения. С этим она и жила. Когда официант уносил их бокалы, Марина окинула Пола оценивающим взглядом. Все на месте. Темно-карие глаза под цвет волос и ни капли жира. Явно в отличной форме. Интересно, о чем он думает, глядя на ее огромное рыхлое тело? Она попыталась скрыть неподдельную симпатию к нему, неумело изобразив на своем свиньячем лице нелепую пародию на сексуальную привлекательность, отчего Пол громко рассмеялся.

— Как насчет сигары, Пол? — спросила она. — Я бы закурила, если закурите и вы.

И они закурили.

Пол выпускал сигарный дым ровными колечками.

— Обед был превосходный, Марина. Первый из многих, надеюсь.

Марина взглянула на него, широко раскрыв глаза, и произнесла с притворной застенчивостью:

— Вы наш клиент, мистер Джером. Если вы твердо настаиваете на том, чтобы я ходила с вами по баснословно дорогим ресторанам, то мне остается лишь повиноваться. В конце концов, и без меня в ТНСВ найдется немало коммерческих директоров, готовых страдать подобным образом.

Пол рассмеялся.

— Да, но ведь они все мужчины. А я всегда предпочитал женское общество.

Марина ощутила трепет, оттого что в ней признали женщину, и глубоко затянулась сигарой. Эту привычку она завела недавно в стремлении привести в гармонию свою индивидуальность и габариты. На какое-то время повисло молчание. Они оказались настолько похожи друг на друга, что она едва не заплакала.

Помолчав еще немного. Пол вторгся в ее грезы.

— Не о том ли вы думаете, о чем думаю я?

Марина выдала свою лучшую заговорщицкую улыбку.

— А о чем думаете вы?

(Сильно сомневаюсь, чтобы вы заметили, как официант только что отнес к соседнему столику две порции «Смерти от шоколада». И вряд ли вы думали о том, как бы тайком пронести одну порцию в женский туалет и съесть ее там под шум сливающейся воды — чтобы никто не слышал, как вы глотаете. Вот о чем я думаю.)

Пол огляделся.

— Я думал о том, как нам повезло, что мы можем вот так жить.

Он с любопытством взглянул на Марину.

— Знаете, что мне в вас нравится?

Марина съежилась от страха. Она знала, что это не ее прекрасные глаза, хотя она и потратила десять минут, накладывая тени для век, чтобы глаза казались больше. Как и не то, что она одевается со вкусом, хотя и отдала больше ста фунтов стерлингов за кусок роскошного шелка, перекроенного в накидку, которая якобы скользит по бедрам, скрашивает недостатки фигуры и маскирует грудь. Да и не рост в пять футов десять дюймов, который, будь она менее тяжеловесной, был бы прекрасным дополнением к шести футам двум дюймам Пола.

— Удивите меня, — сухо произнесла она.

— То, что я могу с вами разговаривать. И не только о делах, хотя вы наверняка знаете и о «Спарклиз», и о рынке средств для мытья посуды не меньше, чем я. Я могу говорить с вами о чем угодно. Как с другом. Или с сестрой.

То была не его вина. Он и не понимал, сколь обидным может быть сравнение с другом/сестрой для женщины, которая мечтает о том, чтобы в ней видели страстную сирену, бездумную куклу, сексуальный объект — все что угодно, но только не друга или сестру.

И тем не менее Марина была удовлетворена тем, что с деловой точки зрения обед прошел успешно. Да и друзей много не бывает. И Пол ни разу не взглянул на ее огромный живот. Может, не заметил? Ха-ха.

Еще как заметил. Он все заметил. Она ему понравилась. Она смешила его, ему было с ней хорошо. Она разожгла в нем чувство, которое предшествует физическому сближению или подразумевает его. И все же... Ну конечно, нет... Нет, эта женщина совсем, ну совсем не его тип. Под этим он подразумевал то, что она вообще ничей тип, а значит, и не его. Выстроив в мозгу эту логическую цепочку, он отвел Марине подобающее место в своей классификации и мысленно причислил ее к кругу «приятельниц».

Правда, она может и отказаться от этого места.

Вечером, по дороге домой, она не поддавалась искушению заглянуть в кондитерский магазин. Она еще была под впечатлением того, что ей удалось привлечь три миллиона фунтов стерлингов и наладить хорошие личные отношения с клиентом.

Мучения в пятницу вечером начались с того момента, когда она поставила в микроволновку низкокалорийный заменитель пищи. Нудное гудение печи, в которой ее обед готовился к заслуженной кончине, перекрывал голос, нашептывавший ей: «Зачем ты это ешь? Ты ведь этого не хочешь, это невкусно, и ты все равно будешь голодна. Так к чему это?»

Марина пыталась не обращать внимания на эти слова, которые глодали ее изнутри. Она претворила в жизнь все приемы, которым четыре года назад научилась на курсах похудения: съедала морковь, потом еще фунт морковки; выпивала пинту воды; рассматривала в журнале фото страдающей отсутствием аппетита модели в нижнем белье; представляла себя в бикини, которое не нуждалось в инженерных конструкциях для поддержания ее исполинской груди; по двадцать пять раз пережевывала каждую ложку сухой овощной смеси; красила ногти; принимала пузырьчатый душ (опасаясь, что застрянет в ванной, она теперь принимала только душ); ухаживала за своими великолепными, крашенными хной кудрявыми волосами и делала массаж лица; стоя перед зеркалом, самым серьезным образом объявляла своему отражению: «Я красивая женщина».

Все без толку. Желание похудеть становилось все более страстным. Однако она поймала себя на том, что рыщет по кухонным шкафам, раздумывая, как ей лучше поступить с коробкой кукурузных хлопьев, с пакетом шоколадного напитка для похудения с шоколадным вкусом и банкой сухого молока. Она взяла все это в охапку, прихватила кувшин с водой, тазик для стирки и направилась в гостиную.

Марина высыпала хлопья в тазик, опрокинула туда же сухое молоко, добавила сверху псевдошоколад и залила все это водой. Запустив в смесь руку, она размешала ее, превратив в хрустящую грязь. Ощущение было такое, будто между пальцами крошатся сухие листья. Темная слизь превращалась в пестрые комки, которые прилипали к ногтям.

Она зачерпнула ладонью эту смесь и отправила ее в рот. Ее глаза закрылись в псевдошоколадном восторге. Одна пригоршня следовала за другой, пока лицо Марины не покрылось грязными полосами. Но ей было все равно. Она знала, как выглядит — будь то с грязью на лице или без нее. Ее круглое лицо с чересчур большим числом подбородков, со слишком жирными щеками, с тяжелыми веками не было отмечено печатью индивидуальности. Даже со своими кудряшками она не выглядела моложе женщины средних лет.

Ей был тридцать один год.

К восьми тридцати тазик был пуст, начисто вылизан, последние пригоршни оставили мыльное послевкусие средства для мытья посуды. Но Марина этого не заметила. Она начинала психовать. Еды в доме больше нет. Дышала она теперь тяжелее и, расхаживая по комнате, пыталась отговорить себя от последующего неизбежного шага.

Неизбежность взяла верх. Марина схватила пальто и выбежала на улицу. Декабрьский морозец был ей нипочем. Она торопилась вперед, тщательно избегая отражений в темных окнах магазинов. Сосредоточившись на далеком маяке в виде супермаркета, работавшего двадцать четыре часа, она мысленно выстраивала свой маршрут среди его рядов.

Когда автоматические двойные двери раскрылись и впустили ее в рай, она глубоко вздохнула. Чувство радости и облегчения испытала она оттого, что не застряла в турникете, который недавно зачем-то был устроен в магазине — ну конечно же, для того чтобы унижить ее.

Наполнить излишествами тележку значило нарушить заведенные ею же правила, странные, но неизменные, поэтому она взяла корзинку и направилась прямо к мороженому, дабы как можно скорее насладиться чудесным процессом его таяния. Повлажневшими глазами она пробежалась по коробкам с содержимым на любой вкус, и наконец ее дрожащая рука задержалась на шоколадном вафельном мороженом. А потом на «тофи-куки». А потом на бельгийском «чок-чип-капучино».

В отделе сухих смесей Марина тщательно выбрала несколько больших, рассчитанных на целую семью, пакетов с хлебцами с солью и приправами, с мексиканскими чипсами и сырными палочками. Оказавшись в своем любимом отделе пирожных, она преисполнилась особой энергии и шепотом произнесла беззвучную молитву Богу (а может, это было проклятие?) за то, что Он послал миру мистера Киплинга. Она выбрала кофейное пирожное, шоколадный десерт, торт с патокой, коробку леденцов, еще одну коробку леденцов, вишневое пирожное, пирожное с грецкими орехами...

— Корова Му?

Марина уронила в корзинку пирожное с грецкими орехами и попыталась вспомнить, смысла ли шоколадные пятна с лица, прежде чем выйти из дома. Отыскав где-то внутри себя

улыбку, она представила ее своей приятельнице.

— Сюзи! Ты-то что делаешь в этой трущобе?

Она мигом отметила отлично сидящий на Сюзи красный костюм, ее двадцатипятидюймовую талию и прекрасно уложенные белокурые волосы. Внешним видом Сюзи походила на специалиста по связям с общественностью. По ее словам, она именно этим и занималась, хотя на самом деле работала секретаршей. Выглядит великолепно. Не будь она старинной приятельницей, Марина тотчас возненавидела бы ее.

Привлекательный образ омрачала лишь куча сумок, которыми была увешана Сюзи. Она никогда не выходила из дома без списка безотлагательных покупок для семьи, у которой, кажется, не переводились ненасытные материальные потребности. Определялись эти потребности семьей или же самой Сюзи, Марине так и не удалось выяснить. Сюзи никогда никуда не ходила с одной целью, в одном направлении. Должно быть выполнено по меньшей мере четыре задания, в противном случае вылазка рассматривалась как потерянное время. В рабочие дни обеденные перерывы отводились на стратегические закупки. Просто потратить час на обед было бы непростительным потаканием своим слабостям.

— Я шла домой и вспомнила, что у меня нет хлеба, вот и заскочила сюда.

Она с любопытством заглянула в корзинку Марины.

— И где сегодня вечеринка, Корова Му?

Марине и самой показалось, что рассмеялась она слишком уж звонко и жизнерадостно.

— Да какая там вечеринка! Как ни смешно, это... помнишь, я рассказывала о детях своих друзей? Да нет, наверное, я рассказывала о них кому-то другому, так вот, они собрались заглянуть ко мне завтра, чтобы забрать рождественские подарки, но ты же знаешь детей, такие привередливые, и попробуй ошибись с пирожными и конфетами и всем прочим, к тому же я не знаю, что им больше нравится, дети есть дети, вот и решила, что лучше всего набрать всякого разного, на всякий случай.

Она перевела дух.

Сюзи подняла брови.

— Надеюсь, они умирают с голоду. Бог мой, да ты, наверное, ждешь все семейство фон Траппов. Их родители, пожалуй, терпимее меня. Я бы Элис и Фредерика и близко ко всей этой дряни не подпустила. Уж я-то помню, Му, как нелегко тебе приходилось, когда ты была толстой девочкой. Не хотелось бы, что мои дети прошли через все это.

Марина знала, что недолго осталось ждать, прежде чем не по летам развитые двойняшки восстанут против соевых бутербродов и «игрушечных» пакетиков с изюмом и станут законченными обжорами, как это произошло с ней самой в их возрасте. Однако свою уверенность на этот счет она не облекла в слова.

— Значит, все идет хорошо, Сюзи?

— Да вот вчера опять воспалился кишечник. Пришлось идти к врачу. Выписали рецепт, хотя одному Богу известно, будет ли какой толк. Я говорила тебе, что у меня в последнее время появились боли в голове? А ведь так начинается опухоль мозга. И кровоизлияния. Врач говорит, наверное, это мигрень. Велел принимать парацетамол. Думаю, он просто поленился послать меня на рентген.

Марина воспринимала ипохондрию Сюзи как то, чем это являлось на самом деле — желанием женщины обратить на себя внимание, которого она лишена. Сетованиями матери, которая употребляет двадцать пять часов в сутки на то, чтобы всем угождать, и не находит времени, чтобы задуматься, если только боль (воображаемая) не заставит ее резко

остановиться. К несчастью, Марина ощутила лишь раздражение. Ипохондрия — еще одна закрытая для нее дверь.

Да лучше знать наверняка, что у тебя воспаление кишечника и опухоль мозга, а не колики и головные боли. Зачем вообще толстому человеку ходить к врачу? Какими бы ни были симптомы, виной всему будет лишний вес. «Растянуты связки? Да это чрезмерный вес выводит вас из равновесия, не иначе. Боли в груди? А чего вы ждете с такой нагрузкой на легкие? Высыпания на теле? Должно быть, так ваше тело реагирует на всю эту жирную пищу, которую вы едите. Сломана рука? А вы бы не нагружали ложку таким количеством холестерина, госпожа Толстушка».

Сюзи взглянула на свои часы. Циферблата на них не было, так что определить время по ним было непросто.

— Это уже столько времени? Пора бежать. Надо еще нашить ярлычки на наборы игрушек для близняшек. Да! И еще им надо что-то взять с собой на игру «Покажи и расскажи». От меня они ждут, что я придумаю для каждого из них что-то свое. Они попросят и Кена, но Кен все испортит. Этим всегда должна заниматься я. А Кен будет только расхаживать взад-вперед. Ты ведь знаешь его. Как первобытный охотник, только и ждет, что его накормят, как только он переступит порог. Если на столе для него ничего нет, когда он входит в дом, то он превращается в настоящего неандертальца.

Представить ворчащего или бьющего себя в грудь Кена Марина не смогла. Ей казалось, что он скорее из тех, кто безмолвно вздыхает и молча страдает. После трудного дня, проведенного в статистических расчетах, усталость берет свое. И тем не менее она позволила Сюзи и дальше фантазировать насчет того, будто она замужем за Конаном Варваром.

Сюзи продолжала болтать, не обращая внимания на то, что Марина слушает ее вполуха.

— Так, значит, завтра вечером ты свободна?

Суббота, вечер. Что там у нас в субботу вечером? Марина тотчас вспомнила о приглашении, которое приняла, поддавшись минутной слабости. Она откликнулась с энтузиазмом.

— Ужин? Ну да, разумеется. С радостью.

— Вот и отлично. Надеюсь, ты сейчас не на диете? Такие глупости эти твои диеты. А я раздобыла роскошный рецепт лимонного шербета. Хочу попробовать. Разумеется, тьма калорий. Попробую кусочек и сама на диету сяду.

Она с деланной стыдливостью похлопала себя по несуществующему животу.

— Так договорились?

Марина болезненно улыбнулась.

— Ну конечно.

Сюзи впервые внимательно посмотрела на Марину.

— Что-то случилось?

Марина задумалась, пытаясь связать воедино булькающие где-то внутри страхи. Только она собралась отвечать, как заметила, что Сюзи бросила взгляд на часы. Взгляд был быстрый, не из тех, что могут оскорбить, но результат был именно таков. Этим взглядом Марине грубо напомнили, что у Сюзи есть обязательства, что ее окружают другие люди, которым она нужна, у нее есть цель. Оскорбление было нанесено.

Она натянуто улыбнулась.

— Нет-нет, все в порядке. Просто немножко устала. Не буду тебя задерживать.

Вид у Сюзи был виноватый. Она *выглядела* виноватой, а вот *чувствовала* зависть. Она завидовала Марининой свободе: никаких тебе обязательств, никому ты не нужна и никто не распоряжается твоим драгоценным временем. Только одно ее и волнует — какие пирожные купить детям, которые придут в гости. Тем самым детям, которых можно отослать обратно домой, как только с ними станет трудно.

Она тоже натянуто улыбнулась.

— Поговорим в субботу. Извини, если огорчила тебя, напомнив о диете. Знаю — ты не любишь говорить о... о таких вещах. Вообще-то мне показалось, что вид у тебя счастливый. Ты ведь счастлива?

Да я просто летаю, подумала Марина.

— Со мной все в порядке, Сюзи, честное слово.

— Вот и прекрасно! Ладно, покидаю тебя. Береги себя. Увидимся в субботу, Му.

Сюзи потянулась к Марине, чтобы поцеловать ее, и ее тонкие губы утонули в щеке из рисового пудинга. Марина повернулась и пошла дальше, отвечая про себя на все те вопросы, которые ее приятельница не додумалась ей задать. Да, дела идут превосходно. Да, я склонилась на свою сторону того нового клиента, о котором рассказывала тебе на прошлой неделе. Нет, конечно, сейчас я ни с кем не встречаюсь. Да, я зарабатываю больше, чем вы с Кеном, вместе взятые. Да, в этой дизайнерской скатерти, которая сейчас на мне, я больше похожа на Демиса Руссоса. Да, субботними вечерами я в основном по-прежнему сижу дома и читаю третьесортные любовные романы. Да, иногда мне кажется, что моя жизнь — сплошная неудача. Да, мне не нравится, когда меня называют Коровой Му. Мне было больно это слышать, когда нам было по одиннадцать, а двадцать лет спустя слышать это еще больнее.

Она знала, что была несправедлива к Сюзи. Та и не пыталась казаться эгоисткой. Просто у нее целый воз других проблем. Раньше, когда они встречались, чтобы вместе провести вечер, Сюзи была самой внимательной слушательницей и самой деликатной советчицей. Теперь же она попросту не может выйти за свои строгие рамки. И функция ее в настоящее время состоит в снабжении семьи, в материнстве, в ведении домашнего хозяйства. В этом образе она не могла предложить дружбу и поддержку. Это требовало огромной отдачи, а сил у Сюзи не было.

Марина смотрела, как Сюзи выбирает хлеб, яйца и кукурузные хлопья и направляется к контролю. Она изумилась полному равнодушию Сюзи к стойке с шоколадом перед кассой. Она вообще завидовала всем тем, кто в состоянии делать покупки без страха, кто может смотреть на прилавок с едой, не будучи отягощенным желанием, от которого выступает пот. Наконец Сюзи ушла, и Марина смогла вернуться к своим покупкам.

В отделе пирожных ей делать было больше нечего, и теперь она бродила между рядами, поглядывая на этикетки профессиональным взглядом, выискивая новые радости и давно любимыя лакомства, которые соблазнили бы ее. Она поймала себя на том, что ее рука сама собой тянется к английскому пудингу, к жареной фасоли со свиными сосисками, к равиоли, к фруктовому ассорти в густом сиропе, к пакетам с бисквитами, пропитанными вином, к рису и макаронам с приправами, к большой замороженной лазанье, к коробке мюсли. Когда корзинка переполнилась, она с трудом отнесла ее к контролю и добавила шесть или семь плиток шоколада. Надо бы обязательно объяснить этой равнодушной кассирше, что планируется несуществующая вечеринка, подумала она.

— Сама я терпеть не могу все эти сладости, но если это любят дети, ничего не

поделаешь!

У девушки за кассой был безучастный вид.

— С вас сорок два фунта семнадцать пенсов.

Марина протянула ей деньги и подхватила свои сумки, не переставая улыбаться. Она быстро пошла домой, подавив искушение съесть кусочек пирожного с грецкими орехами прямо на улице. Остановила ее только вероятность того, что ее снова застукает Сюзи.

Вбежав в квартиру, она вывалила содержимое сумок на пол в гостиной. Дыхание ее участилось. Ей пришлось немало потрудиться, раскрывая пакеты. Надкусив зубами пакет с чипсами, она разорвала его и засунула в рот целую пригоршню. Опустившись всем своим огромным телом на пол, она прикончила содержимое пакета уже более комфортно, хотя удобной позу назвать было нельзя. Когда чипсы размокали на языке, она смаковала специи.

В стремлении придать подобие порядка этому разнузданному поглощению пищи она предпочитала чередовать сладкие и острые «блюда» и потому решила, что следующей будет помадка.

Когда ей было шестнадцать лет, ее мать, которая без каких бы то ни было усилий всегда оставалась худой, застала Марину, когда та приканчивала в спальне целую коробку помадки. Марина надолго запомнила выражение отвращения на лице своей матери. Тогда она поклялась, что когда уйдет из дома, то будет есть что захочет и где захочет. С тех пор помадка неизменно появлялась на раннем этапе регулярных Марининых кутежей.

Бережно подцепив мизинцем нежную розовую ледяную массу, она слизала с пальца маленький кусочек мороженого, отправила его к небу и насладились синтетическим привкусом, который вызвал к жизни приятные воспоминания. Бросив маленький квадратный кусочек пудинга обратно в коробку, она перешла к желтому кексу. Следующим на очереди был шоколад. Оценив восемь кусков сухого торта, она быстро обрызгала их средством для чистки плиты, а потом выбросила в ведро, чтобы не вернуться к ним среди ночи. Теперь ей показалось, что она, в общем-то, владеет собой. По ее мнению, простое пирожное — пустая трата калорий.

Переместившись на кухню, она поставила замороженные лазаньи в микроволновку и набрала две тарелки воды — одну для английского пудинга, другую — для риса с пряностями. Позабыв о своих намерениях придерживаться чередования острых и сладких блюд, Марина начала с шоколадного десерта. Едва отправив пальцем в рот роскошную сахаристую массу, она тут же запихивала в себя очередную порцию, не успев толком ощутить вкус предыдущей. Микроволновка звякнула, сигнализируя, что лазанья готова. Решив притвориться нормальным человеком, она подала себе лазанью на тарелке и съела ее с помощью вилки и ножа.

Растаявший сыр и нежный белый соус она соскребла ложкой и с шумом втянула, а маслянистые лужицы между тем собрались в уголках ее губ. Свернув верхний слой лазаньи в толстую белую сардельку, она запихнула весь кусок себе в рот уже без помощи ножа и вилки. Следующие два слоя мясного соуса она размешала, превратив его в пеструю подливку, которую принялась зачерпывать ложкой. Этот ритуал она повторила несколько раз, пока тарелка не была вылизана начисто.

Затем настало время мюсли, одного из ее любимых блюд. Высыпав небольшое количество в глубокую тарелку, она бережно извлекла все орехи и кусочки кокоса, абрикоса и других фруктов. Все эти вкусности она пережевывала один за другим. Прежде чем насыпать вторую порцию, она выбросила зерна овса и прочие крупинки в ведро. Почти

десять минут было убито на то, чтобы добраться до дна коробки. Но скучно не было.

Теперь она приготовилась перейти в наступление на контейнеры с мороженым, которое, к ее удовольствию, начинало таять. Она стала макать куски пирожных с грецкими орехами в жидкое мороженое, предвкушая массу ощущений, когда мороженое пропитает пирожное. В квартире повсюду были разбросаны разорванные обертки и остатки недоеденной пищи. Марина ела все быстрее и быстрее, думая только о том, чтобы затолкать в себя как можно больше, прежде чем тошнота и желудочные колики не вынудят ее закончить трапезу.

Сварившись, рис со специями превратился в липкий комок с разноцветными кусочками овощей. Сочетание Е-добавок и сомнительного свойства наполнителей напоминало об уникальных школьных завтраках, а о рыбном салате за пятьдесят фунтов, съеденном за обедом, было напрочь забыто. Фасоль и фруктовый коктейль она поглотила прямо из банок.

Время бежало быстро. Подогретый английский пудинг был готов, и при мысли о нем Марина ощутила тошноту. Играючи открыв банку, она отправила несколько полных ложек в свой перепачканный чипсами и пирожными рот. Пудинг ей не удалось доесть. С отчаянием она смотрела на нетронутые плитки шоколада. Оставлять в квартире на ночь какие-либо лакомства нераскрытыми было против правил, поэтому ей пришлось попросту разделаться с ними.

Она попыталась сосредоточиться на дыхании, чтобы ее не стошнило. Полная отвращения к самой себе, Марина разорвала обертку шоколада и силой запихнула эту коричневую гадость в свою распаленную глотку. После третьей плитки она стала задыхаться. Она распласталась на полу, живот свело от боли. Заставив себя подняться из последних сил, она, движимая каким-то внутренним побуждением, взяла журнал, который читала накануне. Журнал раскрылся на статье о диете. Марина пробежала ее глазами и уткнулась в текст, подвернувшийся весьма кстати.

Под фотографией группы улыбающихся толстых женщин было написано нечто такое, что привлекло ее внимание: «ТФБП: Толстые феминистки борются за свои права. Только что созданная группа женщин бросила вызов диете и распространяемым в средствах массовой информации стереотипам женской красоты. ТФБП уже с успехом привлекли на свою сторону женщин, которые почти не помнят жизни, где не главенствовали бы еда и лишний вес. ТФБП проводят консультации и устраивают публичные лекции, что помогло им обрести еще большую уверенность. Теперь они могут есть, не чувствуя вины. И они счастливы, да-да, счастливы, хотя размерами они раз в двадцать больше, чем..

Марина не могла поверить, что такое возможно, но все-таки набрала телефон горячей линии. Ожидая, когда трубку снимут на том конце, она окинула взором последствия своего кутежа. Крошки от чипсов и пирожных образовали на ковре причудливый узор в лужицах растаявшего мороженого. Разбросанные повсюду зерна риса и кусочки мяса не уступали в яркости рисунка цветочкам на ее платье. Она дотронулась до лица, но тотчас отдернула руку, едва та наткнулась на высохшую глазурь, заполнившую расщелины меж подбородками.

Неожиданно она почувствовала что-то влажное на губах и с ужасом подумала — уж не слюни ли она пустила. Однако, ощупав лицо, она с удивлением обнаружила, что влага исходит из глаз, и признала в ней собственные незнакомые ей слезы.

Она уже собралась было повесить трубку, как на том конце ей ответил твердый, уверенный женский голос.

— Горячая линия ТФБП. Меня зовут Гейл. Чем могу вам помочь?

Марина услышала незнакомый голос, в котором узнала свой. Голос прокричал в трубку в отчаянии:

— Помогите мне! Пожалуйста, ну хоть кто-нибудь, — помогите!

Марина крутила в руке бокал с шампанским, пытаясь проигнорировать тот факт, что в своем ситцевом платье за 190 фунтов стерлингов с завышенной талией она удивительно напоминает обитое тканью кресло. В стремлении воспрепятствовать тому, чтобы на нее нечаянно кто-нибудь не сел, она то и дело размахивала руками, производя впечатление, будто то ли пьяна, то ли страдает одним из тех модных нервных заболеваний, которые известны по начальным буквам.

Она предпринимала немалые усилия, чтобы поддерживать пустой разговор с двумя другими гостями, находившимися в комнате. Одной из них была большая кукла по имени Синди. Синди занималась пиаром и работала в той же компании, что и Сюзи (еще одна хваленая секретарша, подумала Марина), а ее муж был занят маркетингом в строительстве (торговец кирпичами, с издевкой решила она). Кукла Синди могла бы быть Сюзи. Такие же светлые волосы, тот же безупречный макияж, подчеркивающий совершенно правильные черты на таком же костлявом лице, такие же глаза, не обремененные много о чем говорящими морщинками, которые образуются от смеха, такое же тело, сконструированное исключительно из углов без единой кривой. Торговец кирпичами мог бы быть Кеном. Такие же невыразительные черты лица, такой же рот, уголки которого безразличие оттянуло вниз, такие же круглые плечи, такие же тонкие волосы с начинающейся лысиной. И худой. Да они все худые.

Сюзи впорхнула в комнату в крошечной черной накидке с рукавами веером, что делало ее похожей на летучую мышь. Марина тщательно осмотрела ее фигуру в поисках свидетельств, оставленных двумя ужасными детьми, которые некогда нашли приют за узким, подтянутым животом. Нигде ничто не выступает. Если уж приводить сравнения, то живот Сюзи скорее похож на впадину. И какая бы там штука ни поддерживала этот совершенный бюст под правильным углом, это определенно не был один из тех кронштейнов, которые вынуждена была носить Марина в качестве бюстгальтера, чтобы грудь не подметала пол. От Сюзи пахло духами, лаком для волос и новой одеждой. От нее исходила физическая уверенность и убежденность в своей сексуальной привлекательности. Она пахла так, как пахнет самая красивая девочка в классе.

— Иди-ка познакомься кое с кем, Корова Му.

Сюзи тянула Марину из глубин дивана до тех пор, пока они обе не выпрямились, переводя дух от усилий. Марина последовала за своей подругой на кухню, где первобытный охотник Кен, как назвала его Сюзи, уединился с каким-то мужчиной для деловых разговоров.

Марина готова была потерять сознание. Или умереть. Или исчезнуть. Этот вечер ей предстояло провести с человеком, похожим на кинозвезду. Она думала, что не дождется той минуты, когда незнакомец обратит на нее внимание, а когда это наконец случилось, на его лице появилось невольное выражение ужаса и замешательства, едва он понял, что парой ему будет толстушка. Ну почему Сюзи всегда так поступает с ней?

— Дэвид, это моя подруга, о которой я тебе рассказывала. Корова Му, это Дэвид Сэндхерст. Он занимается исследованиями в компании «Перрико», где работает Кен. Вы в это не поверите, но у вас двоих так много общего.

Верю, усмехнувшись про себя, подумала Марина. Мы, наверное, ходим в один и тот же

спортзал и разделяем любовь к утренним пробежкам и мюсли на завтрак. Это сразу видно.

Она отважно улыбнулась в твердой уверенности, что Бог будет милостив к ней и ниспошлет ей либо удар, либо сердечный приступ, дабы избавить ее от полного унижения. Она напустила на себя деловой вид и протянула бедному мужчине руку, едва он повернулся, чтобы подобающим образом познакомиться с ней.

— Марина Ризенталь...

— Однако все зовут ее Короной Му! — весело прервала ее Сюзи.

Дэвид пропустил эти слова мимо ушей.

— Рад познакомиться с вами, Марина. Кен и Сюзи много о вас рассказывали.

Он пожал ее руку, и его взгляд какую-то секунду бродил ниже ее лица. Марина успокоилась, будучи абсолютно уверенной в том, что ее пропорции столь велики, что оставшаяся масса едва ли ускользнет даже от самого неумелого периферийного обзора.

Сюзи возбужденно порхала, пока они пожимали друг другу руки.

— Дэвид расскажет тебе, Му, над чем он работает. Ты просто умрешь.

Пожелав такой же судьбы Сюзи, Марина отвернулась от нее, и они с Дэвидом физически исключили всех посторонних из своего разговора, с чем Сюзи их и оставила. Ее работа была выполнена, ей надо было переделать еще сотню других работ. Она никогда не успокаивалась. Слишком много надо сделать. Устраивать чьи-то жизни. Восстанавливать порядок. Обеспечивать подобающий уровень.

— Боюсь, иногда она может немного переборщить, — извиняющимся тоном проговорила Марина.

Дэвид улыбнулся, и у Марины тотчас пропал аппетит, едва она с беспокойством ощутила урчание в животе.

— Все нормально. Я уже давно знаю Сюзи. К ней привыкаешь. Вы ведь с ней много лет знакомы, не так ли?

— Наверное, больше двадцати. Иногда в это трудно поверить.

Дэвид с любопытством посмотрел на нее.

— Надеюсь, я не покажусь вам грубым...

Марина плотнула воздуха. Уж кто-кто, а она-то знает, насколько грубой может быть грубость.

— ...но у вас с Сюзи, похоже, не очень-то много общего.

— Вы хотите сказать — потому что внешне мы такие разные? — быстро выдохнула Марина.

— Вовсе нет. Как люди — вот что я имею в виду. Насколько я слышал, вы сделали фантастическую карьеру, вы ездите по всему миру, у вас прекрасная квартира, вы никоим образом не связаны семейными узами. Вы многого достигли. А вот Сюзи...

У Сюзи скорее работа, чем карьера. У нее муж и дети вместо беспорядочного поглощения пищи. У нее большой расплзающийся дом вместо изящной, компактной коробки для обуви. У нее жизнь вместо существующих условий.

— Конечно, — продолжал Дэвид, — мне не стоило бы это говорить ее лучшей подруге, но она несколько... э-э-э... поверхностна.

Марина вступилась за свою подругу.

— Значит, вы ее не знаете так хорошо, как думаете. Она не столько поверхностна, сколько... обременена. У нее просто нет времени на философские разговоры. Она ведь мать, да еще и ходит на службу. И не просто занята полный день, а еще и работает в комитетах на

добровольных началах и состоит членом ассоциаций школ для близнецов. И вечеринки устраивает не меньше двух раз в неделю. А сад вы видели? Это все ее заслуга.

Дэвид, похоже, был поражен размахом столь бурной деятельности. Да и Марина тоже. Только разложив таким вот образом по полочкам жизнь Сюзи, она смогла разглядеть нить отчаяния, которая хаотически вилась в этой жизни. На анализ этого откровения у нее не было времени, потому что Дэвиду, кажется, не терпелось успокоить ее, принеся искренние извинения.

— Критикуя вашу подругу, я не хотел вас обидеть. Просто я как бы между прочим поделился с вами своим наблюдением. Простите.

— Нет, это вы меня простите. Вы правы, но отчасти. У нас действительно не очень-то много общего. Я заняла оборону, потому что подумала... подумала, что вы говорите о чем-то другом. Конечно, мы уже не тинейджеры, которые менялись жевательной резинкой и умирали от Дэвида Кэссиди. Мы двигались в разных направлениях. Но единственное, что у нас с Сюзи будет всегда общим, так это наше прошлое. Если вы понимаете, о чем я.

Дэвид обдумал услышанное.

— Должен сказать, что я никогда не понимал женской дружбы. Мне кажется, она всегда основывается на чем-то несерьезном — совпадение места работы, обоюдная любовь к мексиканской еде, ненависть к мужчинам. Полагаю, что я и вправду немного завидую. Мужчины никогда не планируют связывать друг друга узами на годы вперед, невзирая на все обстоятельства. У меня, похоже, таких друзей нет. Все, что у меня есть, так это чудаковатый собутыльник, который любит смотреть по видео старые матчи «Шпор»^[3] или же изливать душу коллеге, у которого не больше причин идти домой, чем у меня.

Марина перестала втягивать живот и сжимать ягодицы. Да и шампанское она пила без тени застенчивости. Она расслабилась и наслаждалась обществом этого мужчины.

Марина вспомнила, что в юности читала журнальные статьи, в которых говорилось, будто мужчины любят говорить о себе и женское внимание им льстит. Она решила последовать этому совету.

— Так над чем это вы таким работаете, от чего я должна умереть?

Дэвид пришел в волнение.

— Вообще-то исследования еще на очень ранней стадии, но кажется, я почти изобрел лекарство, от которого человек быстро теряет в весе.

Он с нетерпением ожидал реакции Марины.

Бах! — и шарик лопнул. Марина снова стала толстушкой. Она тотчас поняла, что попросту является объектом для экспериментов, существом, которое определенно должно испытывать неодолимый интерес ко всему, что имеет хоть какое-то отношение к проблеме лишнего веса. Он не обращал никакого внимания на ее тело единственно потому, что ему это и не было нужно. Он и так знал, что она огромна. Он уже узнал от Сюзи и Кена, что она весит достаточно солидное количество килограммов, чтобы попасть в область его интересов.

Прежде чем ответить, она откашлялась.

— Интересно. Думаю, что такое лекарство может сделать его изобретателя очень богатым, учитывая, что больше пятидесяти процентов женщин в одной только Великобритании имеют лишний вес.

— А другие пятьдесят процентов думают, что имеют лишний вес, — пошутил Дэвид.

Марина рассмеялась вежливо, без удовольствия. Она отдавала себе отчет в том, что этот красивый незнакомец смотрит на нее с задумчивым выражением на лице, какого она

никогда прежде не видела. Она была наслышана о том, какое любопытство вызывают уродцы, и о том, что такое оценочное презрение, но этот ученый воспринимал ее как... как экспонат. Она не понимала, что происходит, и ей не нравилась эта неопределенность.

Последовали несколько секунд тяжелого молчания, во время которого оба принялись поправлять свою одежду, делая вид, будто слушают CD Фила Коллинза, который, по мнению Кена, был кстати, учитывая средний возраст собравшихся.

Оба вздрогнули, когда Сюзи веселым голосом призвала их в столовую на раздачу еще одной порции кошмара. Марина оказалась между Дэвидом и Кеном. Она полностью переключила внимание на Кена, почувствовав облегчение хотя бы оттого, что ей не придется и дальше выслушивать обличительную речь торговца кирпичами по поводу отсутствия поддержки правительством производителей цемента, которую он начал ранее.

— Как на работе, Кен?

Кен, кажется, вздрогнул, и Марина подумала, что она, похоже, кричит, что обыкновенно случается с ней после того, как она выпьет немного.

— Э-э-э... в общем, хорошо. Полагаю, Дэвид рассказал тебе о том, что в настоящее время происходит. Если это сработает, «Перрико» прославится на весь мир.

— Да, он что-то говорил о новом лекарстве.

— Таблетки от ожирения. То есть я хотел сказать, Му, это мы их так называем, прости меня. Понимаешь, я ведь не говорю...

Она все поняла.

Вплыла Сюзи с деревянным подносом, полным свежих овощей, и с двумя крошечными тарелками с подливкой.

— Налетайте, но не очень-то сходите с ума — еще будет огромное основное блюдо и, конечно же, грешный пудинг! Учтите, из комнаты каждый должен выйти самостоятельно.

Марина умирала с голоду. День она продержалась лишь на яблоке, двух крекерах и одной успокоительной таблетке. Она проглотила все это затем, чтобы самые сильные муки голода пережить днем во сне. У нее было такое ощущение, что она могла бы съесть всю эту зелень вместе с керамическим блюдом в форме савойской капусты, и все равно осталось бы место для куска говядины. Вместе с тем она успокоила себя мыслью, что толстякам хоть свежие овощи можно есть, не привлекая к себе осуждающих взглядов товарищей по застолью.

Все послушно заохали и заохали и сделали вид, будто мучительно колеблются между выбором — побаловать ли себя кусочком цветной капусты или же отведать бобов и гороха со стручками. Сюзи и Куколка Синди принялись ковыряться в своих салатах, и, глядя на них, Марина тоже стала отбирать кусочек за кусочком. Она заметила, что все мужчины берут теплые булочки и обильно намазывают на них масло. Пятьсот калорий — и ничего, с возмущением подумала она, а ведь они еще и за вилку не брались.

Она смотрела, как Дэвид запихивает в рот хлеб с таким видом, будто не ел целую вечность. А ведь он и в самом деле не ел целую вечность. Но почему — никто бы не смог догадаться.

Марина вынуждена была признаться, что подливка оказалась вкусной. Насчет того, какими, по мнению Сюзи, страдающей отсутствием аппетита, должны быть порции, можно говорить что угодно, а вот соусы и подливки у нее хороши. Всегда жирные, остро пахнущие. Сюзи признавала за собой этот талант и, соответственно, отказывалась делиться рецептами.

Вот ее кулинарное заклинание: «У меня есть секретная добавка, но, если бы я

рассказала, что это, вы бы мне не поверили!»

Марина чувствовала едва ли не облегчение оттого, что не знает этого рецепта — одним деликатесом в ее рутинных застольях меньше.

С сырыми овощами одна беда (не считая последующего скопления газов) — их невозможно жевать тихо. Марина поймала себя на том, что сосет брокколи, пока капуста не размокает настолько, чтобы ее можно было жевать, не привлекая к себе внимания. Однако поддерживать беседу за подобным занятием трудно, и лишь Фил Коллинз подпевал в такт работающим челюстям.

Заявив после второго стебелька сельдерея, что она «объелась», Сюзи решила, что с едой покончено и пора поговорить за столом, как и приличествует в таких случаях. О Господи, только не дай ей заговорить о таблетках для похудения, прошу тебя, молилась про себя Марина.

— Дэвид всем рассказывал о своем замечательном открытии? — обратилась Сюзи к гостям.

Никто не ответил, поскольку все были слишком заняты тем, что пытались языками выковыривать из зубов крошечные зернышки.

Не обращая внимания на мрачное выражение лица Марины, Сюзи продолжала.

— Слишком уж ты, Дэвид, скромный! Можно подумать, что ты уже объявил об этом на весь мир. Дэвид изобрел таблетку, которая помогает сбросить вес, и при этом неважно, что вы едите и насколько активный образ жизни ведете. Ну разве это не замечательно? Я все уговариваю его, чтобы он дал и мне немного попробовать. У меня просто огромные бедра, но он непреклонен.

Пока Сюзи выжидающе смотрела на Кена, стояла неловкая тишина.

— Твои бедра вовсе не огромные, Сюзи. У тебя вообще нет ничего такого, что можно было бы назвать огромным. Ты стройная, как модель.

Сюзи с удивлением рассмеялась, словно и не репетировала по подсказке со своим мужем этот ответ вот уже несколько лет.

— Это ты просто так говоришь. Да я толстая как лошадь! И потом, Дэвид сделается ужасно знаменитым и принесет «Перрико» кучу денег. Не скромничай, Дэвид. Мы все вне себя от волнения.

Дэвид вздохнул. Он любил быть в центре внимания, но предпочитал выставлять себя в выгодном свете на полный желудок и уже догадался, что надо бы налечь на булочки, ибо обещанное блюдо будет скудным.

Но обязанности гостя он знал.

— На данной стадии исследования многого не расскажешь. Лекарство определенно оказывает действие на мышей и, кажется, на людей, хотя испытания находятся еще на очень ранней стадии.

Кен поперхнулся морковкой, вспомнив о том, что Дэвид уже испытал лекарство на себе, нарушив тем самым все правила и этические нормы. Подумав о том, какие возможности таит лекарство, Куколка Синди оживилась.

— Так оно на всех будет оказывать эффект, независимо от веса, или только на самых толстых?

Несчастливая Марина одним глотком осушила целый бокал вина. Ей было совсем не весело. В ходе этого разговора, наверное, будут задействованы все синонимы слова «толстый» по алфавиту — от «а» до «я».

Дэвид какое-то время размышлял над вопросом Синди.

— В принципе оно должно оказывать эффект на всех. Каждый человек сжигает жир в определенной мере. Если у вас недостаточный вес, значит, ваш сжигатель жира работает чуть более эффективно, чем нужно. Если у вас правильный вес, тогда ваш организм функционирует правильно. Если же у вас лишний вес...

Значит, вы — жадная свинья, которая заслуживает того, чтобы стать размером с шахту для запуска ракет. Марина отключилась от лекции. Она прочитала все книги, все статьи. Она знала все о сжигателях жира и о несовершенных термостатах. И о привередливой щитовидной железе. И о генетической предрасположенности. И о гормональных проблемах. Она также знала, что, как и многие другие тучные женщины, она была большой, потому что принуждала себя поглощать тысячи калорий, до тех пор пока физически не могла больше есть. Пусть переключат ее термостат до уровня расщепления атомного ядра, она все равно будет есть, пока ее не стошнит.

— Корова Му? — голос Сюзи вернул ее к реальности.

Все смотрели на нее. Ей был задан вопрос, а она его не слышала. Здорово. Это подтвердит их подозрения в том, что все толстяки глупые. Она покачала головой с широкой улыбкой, будто была рассеянной девчушкой, которую застукали за тем, как она наслаждается неуместными мечтаниями.

— Простите! Я была далеко отсюда! Что вы сказали?

Сюзи терпеливо повторила вопрос.

— Нам всем интересно узнать, что ты думаешь о чудесной таблетке Дэвида. Понятно, ты, конечно, хотела бы попробовать ее, да все бы хотели, но какие изменения она могла бы оказать на твою жизнь?

Марина тщательно обдумала услышанное. Она чувствовала, как пять пар глаз рассматривают сидящее рядом с ними чудовище и безуспешно пытаются представить себе, как оно будет выглядеть без сотни лишних фунтов. Она сама удивилась своему ответу.

— Не уверена, что всем хочется попробовать эту таблетку. Я даже насчет себя самой не уверена.

Абсурдность ее отказа вызвала у всех шумный смех: толстая женщина утверждает, что не станет принимать волшебную пилюлю для снижения веса! Смешно! Нелепо! Марина читала мысли этих пустых людей: да если бы у них были такие же проблемы с весом, как у нее, они бы ввели себе ядовитые отходы, будь у них миллиардный шанс похудеть и при этом выжить. А если бы яд убил их, что ж, лучше мертвый, чем толстый.

Дэвид первым перестал смеяться.

— Нет, серьезно, Марина, меня интересует ваше мнение. Как, по-твоему, люди воспримут это?

Марина фыркнула.

— Да вы и сами знаете, как они это воспримут. Вы затрагиваете самые глубины женской уязвимости. Большинство женщин будут готовы заплатить за это все что угодно, они даже не задумаются о побочных эффектах.

— А какие могут быть побочные эффекты помимо перспективы иметь хорошую фигуру без борьбы за нее? — спросил Дэвид.

— Вот именно! — возбужденно воскликнула Марина. — Если за нее не нужно бороться, значит...

Она умолкла, не имея ни малейшего представления, куда этот спор может ее завести.

Сюзии точно знала, куда ведет этот спор.

— Это так чертовски на тебя похоже, Корова Му. Кругом должны быть одни трудности. Ты никогда не облегчаешь себе жизнь. Помню, как мы сдавали экзамен по математике и Джулия Драммонд заранее обзавелась экзаменационными вопросами. Ты была единственной во всем классе, кто не достал копию, и ты была единственной, кто не сдал на «отлично».

Марина хорошо помнила унижение, которое она испытала, получив «тройку».

— А что плохого в том, что человек не хочет никого обманывать?

Сюзии недоверчиво посмотрела на нее.

— А плохо то, что обманывают все, как только представляется возможность. А не обманывать, когда это легко сделать, — значит усложнять себе жизнь. Да сколько бывает случаев, когда тебе просто приходится поступать так, как поступают с тобой другие. Если имеется простой выход, то разве это плохо — им воспользоваться?

Марина никогда никого не обманывала. Если не считать тех случаев, когда она лгала сама себе насчет шоколадного пирожного, которое съедала во время диеты в четыре приема, стоя на кухне в дверях. Она также могла «забыть» и о лишних пятистах калориях, когда ела в машине жареные орешки. Она даже почти верила в рассказы о том, будто калории не идут в счет, если ешь стоя или если никто не видит, как ты ешь.

Но самым большим обманом была ложь, которую она сейчас произнесла. Таблетка для похудения? Да кого она обманывает? Конечно же, она попробует ее, хотя никому в этом и не признается. А вместо этого будет рассказывать, что решила сбросить лишний вес и собирается садиться на сверхстрогую диету, обнаружив в себе наконец-то волю. Но ложь уже прозвучала, и нужно было продолжать в том же духе.

— По-моему, это против природы. Тут кроется столько опасностей для организма и будущих поколений, которые просто не дадут о себе знать сразу же. Вроде талидомида.

Куколка Синди перебила Марину.

— Уж не хочешь ли ты сказать, — заговорила она дрожащим голосом, — что быть ужасно толстой — это естественно? Или что это хорошо для здоровья? Разумеется, лучше что-то принимать, чтобы вес снизился до нормального, даже если и есть риск, чем получить удар или инфаркт из-за того, что все твои сосуды забиты жиром, а органы не могут вынести напряжения из-за лишней тяжести.

Марина почувствовала, что краснеет вследствие столь откровенной нападки. Сюзии пришла ей на помощь.

— Думаю, это несколько несправедливо по отношению к Корове Му. Многие ничего не могут поделать со своим весом. Возьмите Му. Она ест столько, что воробей на ее месте ноги бы протянул, а вы посмотрите на нее. Наверное, у нее что-то с железами или еще с чем-то. И потом, вы забываете, что некоторые толстые женщины счастливы оттого, что они такие. Нельзя же заставить человека похудеть, если он этого не хочет.

Она улыбнулась Марине: в улыбке мелькнули поддержка и тайный сговор. Марина лишь съежилась, услышав столь наивное рассуждение.

— Должна, однако, сказать, — продолжала Сюзии, — что ты очень недаленовидна, отказываясь даже подумать об этой таблетке. Да я тебе всегда говорила — знаю, ты сделала отличную карьеру, но для этого тебе пришлось работать как ненормальной. Ты же сама говоришь — стройной, красивой женщине всегда легче взобраться на вершину. Я не утверждаю, что лишний вес — твоя вина, но ты ведь никогда и не пыталась заняться собой.

Ты только подумай, насколько легче бы тебе жилось, если бы ты по-настоящему взялась за эту проблему.

Она смягчилась, подумав о том, что Марине, должно быть, неловко оттого, что ее раздевают на людях.

— Извини. Я увлеклась, потому что мне больно смотреть, как ты борешься со всем на свете. Ты заслуживаешь лучшей доли. И мне бы хотелось увидеть, что твоя жизнь устроилась. Мне не нравится, что ты совсем одна.

У Марины напряглись все мышцы. У нее заболели голова, спина, ей отчаянно захотелось в туалет, но она боялась, что стоит ей выйти из комнаты, так только и будет разговоров что о ней. Она сделала несколько дыхательных упражнений, которым научилась у одной беременной секретарши, и принялась ждать, когда напряжение спадет.

Тут в разговор вступил Кен.

— Может, Марине и не нужен мужчина, в отличие от тебя, Сюзи.

Они оба обменялись, как могло показаться, понимающими взглядами. Марина отметила про себя, что надо бы прощупать Сюзи на этот счет, когда они встретятся в следующий раз. Губы Сюзи вытянулись в тонкую, с иголку, красную ниточку. Она быстро взяла себя в руки и стала собирать тарелки, которыми почти не пользовались.

— Сейчас принесу основное блюдо. Может, поможешь мне, Кен?

Кен правильно истолковал эту просьбу как не допускающий возражений приказ и без раздумий послушно поднялся и последовал за женой на кухню. Оттуда послышалось сердитое бормотанье, которое заглушило навевающую сон колыбельную Криса де Бурга, сменившего Фила Коллинза.

Тут заговорил Дэвид, к большому неудовольствию Синди (и, если честно, Марины), которая пыталась расслышать, о чем спорят Сюзи и Кен.

— Надеюсь, я не поставил вас в неловкое положение, Марина. Может показаться, будто мы на вас набросились, но мне этого вовсе не хотелось. Однако сколько бы мы тут все ни кивали в вашу сторону, дело обстоит таким образом, что ваш вес больше веса среднего человека, и моя таблетка может изменить вашу жизнь — надеюсь, к лучшему. Я искренне заинтересован в том, чтобы узнать, что вы о ней думаете.

Марина вздохнула.

— Дэвид, вы когда-нибудь слышали о группе под названием ТФБП?

Дэвид посмотрел на нее с недоумением.

— Они входят в хит-парад?

Хотя Марине было тошно на душе, она рассмеялась.

— Это не поп-группа, а организация одинаково мыслящих женщин, которые выступают против давления со стороны общества, требующего соблюдения стереотипов стройности. ТФБП означает «толстые феминистки борются за свои права». Они... то есть мы все по нынешним меркам имеем лишний вес, но мы все счастливы оттого, что мы такие. Они... то есть мы едим что хотим, никогда не взвешиваемся и ни во что не ставим индустрию моды и тиранические правила, выдуманные диктаторами, издающими женские журналы в глянцевого обложках.

Она и сама изумилась собственному красноречию, хотя всего лишь цитировала, как попугай, текст статьи, которую читала несколькими днями раньше. До первого собрания ТФБП оставалось еще больше недели, и она еще не решила окончательно, пойдет ли на него.

Дэвид, похоже, задумался.

— Значит, все женщины в этой группе едят что хотят? И не соблюдают диету? А нет ли у них этой странной привычки чередовать пиршество и голодание? Это означает, что их вес не меняется, как у среднего человека, время от времени сидящего на диете.

В его холодных голубых глазах снова появилось задумчивое выражение. Пытаясь истолковать этот странный взгляд, Марина на время ослабила внимание.

Откашлявшись, она ответила на вопрос.

— Все так, — твердо произнесла она, не будучи уверенной насчет того, так ли это на самом деле, но желая, чтобы именно так и было.

Дэвид задумался еще глубже.

— Интересно, — пробормотал он.

В эту минуту в комнату с торжествующим видом возвратилась Сюзи с большим сервировочным блюдом, посреди которого возвышалась одна-единственная жареная курица.

— Надеюсь, все проголодались! — весело воскликнула она.

Марина тяжело вздохнула, поскольку подтвердилось ее подозрение, что эта курица достанется всем шестерым. Только о мысль о том, что по дороге домой можно завернуть в Макдональдс, придала ей силы выглядеть благодарной за крылышко плохо вскормленной птицы, которая одиноко лежала на тарелке в окружении трех молодых картофелин и тридцати семи горошин. Она знала, что горошин тридцать семь, потому что сосчитала их.

Дэвид вошел в свою небольшую квартирку и осторожно зажег свет. В благодарность за то, что электричество еще не отключили, он вздохнул. Усевшись, он освободил карманы от булочек, которые спас в ходе тайного посещения кухни. Их было пять штук. Если покрепче взять себя в руки, то можно протянуть на них с воскресенья до завтрака в понедельник.

У Дэвида Сэндхерста не было денег. Совершенно, буквально не было денег. Это не значит «нет денег» в смысле, употребляемом теми, кто может позволить себе две недели на Сент-Люсии, а не три. Это значит «нет денег», то есть негде их взять, нечего продать, абсолютно никаких кредитов. В понедельник жалование Дэвида переведут на его банковский счет, и он снова начнет безнадежную борьбу за то, чтобы прожить по средствам до следующей зарплаты. Он будет обманывать своих кредиторов, перемежая ложь и извинения за то, что не может отдать долг, и все это на какое-то время отсрочит их последние требования.

Чрезмерно он не волновался. Все для него складывалось хорошо. В конечном счете.

Дэвид родился с исключительными талантами. У него был исключительный интеллект. Он был исключительно хорош собой и исключительно мил. Судьбой ему было уготовано изменить мир. Ему бы быть вундеркиндом, и он стал бы им, но с рождения он был наделен, а может, к несчастью, отмечен двумя в высшей степени разрушительными качествами, которые явились главными составляющими его жизни: удачей и ленью.

Наверное, они были дарованы ему не одновременно. Наверное, первое попросту неизбежно повлекло за собой второе. Именно постоянное везение, и непременно в самые нужные моменты безрассудной жизни Дэвида, позволяло ему безропотно уступать неодолимому зову лени, которая не давала ему возможности по-настоящему реализовать свой потенциал.

Начиная со школьных лет, когда учение давалось ему легко, а домашние задания, сделанные с минимальными усилиями, постоянно приносили высокие результаты, он решил, что дополнительное приложение сил будет напрасным. Если уж он мог получать самые

высокие оценки, работая на семьдесят процентов и не потевя, то какой смысл прибавлять еще двадцать процентов? Нет ведь оценки пять с двумя плюсами, и награды за это нет, так зачем это нужно?

А со временем он сделал еще более удивительное открытие. Даже если он и выполнял минимум требуемой от него работы, все равно превосходил всех. Потому что ему везло. Если он изучал три темы из пяти, то эти три темы попадались на экзамене. Если его отвлекали новая книга/телепередача/девушка, он вообще ничего не изучал, а всегда ссылался на самую настоящую болезнь, что позволяло ему не ходить в школу и оставаться вне подозрений.

Когда ему были нужны деньги, всегда находилась работа. Друзья появлялись, когда его окружение надоедало ему (что случалось редко). Его родители умерли и оставили ему небольшое наследство как раз тогда, когда он собирался выкупить себе свою квартиру.

Счастливчик.

Но это упование на удачу и неспособность изыскивать собственные возможности перед лицом неблагоприятной обстановки подчас ставили его в затруднительное положение. Вот и сейчас. Открыв оксиметабулин, он тем самым расписал последующие десять лет своей биографии. Он сделает состояние, огромное состояние, как только препарат появится на рынке. Понятно, потребуется какое-то время, все эти испытания, условности и прочее, но препарат действует, и он нужен всем на свете.

И он начал тратить свое состояние. Еще не сделав его.

У него было двенадцать кредитных карточек, на всех был исчерпан кредит, три банковских займа (на несуществующие машину, встроенную мебель и неосуществленную поездку на Карибское море) и четыре личных займа от компаний, которые не задавали столько вопросов, сколько банки (и, соответственно, требовали грабительские проценты). В счет всех этих долгов он мало что мог показать, не считая раздувавшегося в боках гардероба с одеждой от лучших модельеров. Этот грустный безвестный человек тратил почти все свои (занятые) деньги на тщательно спланированные, спонтанные, дорогие жесты и поступки, призванные поразить женщин. Он летал с ними на продолжительные уикенды в Нью-Йорк, не ведая о том, что одной только его внешности и обаяния достаточно, чтобы эти женщины с не меньшей радостью провели вечер в его квартире с пиццей на заказ и каким-нибудь глупым фильмом по видику.

Эту нелепую расточительность можно было бы великодушно истолковать как доказательство трогательного отсутствия уверенности в себе, которая изначально создает неверное представление о полной самонадеянности и эгоизме. Но, реально глядя на вещи, надобно признать, что, как только дело доходило до человеческих отношений, этот мужчина обнаруживал глупость.

Впрочем, все это не имеет значения. Скоро у него будет достаточно денег для того, чтобы быть таким глупым, каким ему хочется. Ибо «Перрико» обещала ему премию в 250 000 фунтов, как только испытания с оксиметабулином успешно завершатся.

Тем временем месяц проходил за месяцем по одной и той же нервной схеме: как только зарплата поступала на его банковский счет, он делал минимальные требуемые выплаты по половине своих кредитных карт. Как только проходил минимальный срок, он снова снимал деньги для того, чтобы расплатиться по остальным кредитным картам. Как только кончались эти деньги... и так далее. В ходе этого цикла он позволял себе изредка лишь десять фунтов, чтобы купить самое необходимое.

Жизнь в нем поддерживал только неоспоримый успех у женщин. Он заставлял их

готовить для него (очень большие порции) и покупать ему небольшие подарки (которые можно неплохо продать).

Самым большим унижением для него были вечерние походы по пятницам в «Сейнзберриз»^[4], когда цена на всю тленную продукцию снижалась с целью быстрой распродажи. Он работал локтями, стараясь оказаться впереди потрепанных, испытывающих денежные затруднения домашних хозяек в борьбе за дешевые куски курицы и бифштексы за полцены. Он заполнял корзинку помятыми жестянками и стеклянными банками с непонятным содержимым иностранного производства, которые могут быть проданы только консервативным жителям Финчли^[5] за треть первоначальной цены. На рубашку он никогда не тратил меньше девяноста фунтов, а вот баночку горошка покупать отказывался, пока та не падала в цене до пятнадцати пенсов, а то и меньше.

Но эта борьба становилась все более утомительной. Если он хотел подтолкнуть «Перрико» к тому, чтобы ему чуть ускорили выдачу премии, то нужно быстрее заканчивать с экспериментами по оксиметабулину. Его задерживали непредвиденные проблемы, но в этот вечер был сделан существенный шаг в его программе ускорения.

Вышло так, как он и думал. Ключ в руках у Марины. Должен быть у нее. Должен.

К Рождеству гостиную ТНСВ украсили одним цветом, дорого и со вкусом. Красные безделушки, ненавязчиво выделяясь среди логотипов клиентов, свешивались с огромной ели, иголки с которой падали всякий раз, когда мимо проносился «дипломат» с клеймом фирмы «Луи Вюиттон».

Энди Клайн подмигнул симпатичной, учливой и совершенно бестолковой секретарше, которой суждено держаться за свое место только до тех пор, пока председателю «Спарклиз» не надоест с ней спать. Как и многие другие рекламные агентства, ТНСВ предоставляло «полный спектр услуг», и если услуги иногда распространялись на то, чтобы давать работу любовницам клиентов, значит, так тому и быть. Энди и самого тянуло к этой девушке, но карьерные перспективы он ценил выше мимолетного увлечения, удовлетворение которому он мог легко найти на любой из страниц своей толстенной записной книжки с сигналами боевой тревоги.

Он прошел внутрь, не потревожив рождественскую елку. Сегодня будет хороший день, главным образом благодаря тому, что Марины в офисе нет (в мужском туалете по этому поводу шутили, что у фундамента здания выходной день). Дорогой обед с секретаршей Марины, состоявшийся несколькими неделями раньше, пошел на пользу, и секретарша с радостью держала Энди в курсе относительно планов своего босса.

Очевидно, Марина отлучилась по каким-то личным делам. Секретарша намекнула, *sotto voce*, что, должно быть, тут не обошлось без гинекологии, что только это и может быть причиной такой секретности. При одном только упоминании о гинекологии Энди тотчас стало не по себе.

Энди воспользовался возможностью, чтобы созвать в комнате для собраний совещание группы «Спарклиз» в присутствии Рика Гиффорда, заместителя директора по административно-хозяйственной части, чтобы обсудить важность нового взноса наряду с объявлением о значимости нового заказа для будущего развития агентства.

Совещание назначили на десять тридцать. У него оставалось пару часов, чтобы обдумать повестку дня. Странно все получается. Марина привлекла клиента практически только своими силами. Она познакомилась с Полом Джеромом на торжественном обеде и, почуяв, что тот недоволен своим агентством, пригласила его поболтать в ТНСВ. И хотя они вместе с Энди устроили презентацию в компании «Нью Бизнес Мэнеджерз», ясно, что это было шоу Марины.

Энди этого не понимал. Он знал женщин, но он знал и мужчин. Пол Джером такой же мужчина, как и все. И как любого нормального мужчину, внешность Марины должна его отталкивать. Однако он, похоже, прислушивается к ней, уважает ее, даже (подумать только!) симпатизирует ей.

Клиент получен, и Рик дал Марине возможность двигаться дальше. Теперь Энди придется работать под ее началом в «Спарклиз», пытаясь привлечь похожий по размерам «кусочек» нового бизнеса, дабы не уступить своей сопернице. Стимул был очевиден. Скоро должно освободиться место в правлении после ухода на пенсию старого скряги, прослужившего тридцать лет. В последние пять лет он приходил в офис только за тем, чтобы забирать поступавшие на адрес агентства журналы.

Место одно. Должность директора в правлении. Энди или Марина. Это не будет

соревнованием, основанным на личных качествах или на заслугах перед компанией, однако ясно, что неожиданные доходы «Спарклиз» пошли Марине на пользу. Рик даже пригласил Марину на прошлой неделе на обед. Сам пригласил.

Да, необходимо действовать. Энди совсем не представлял себе, каким образом можно в ближайшем будущем привлечь в компанию новый сколько-нибудь приличный капитал. Придется сделать что-нибудь не столь заметное. Он снял трубку, набрал номер телефона «Спарклиз» и, мастерски завуалировав в голосе недобрые намерения, попросил к телефону Пола Джерома.

Через пять минут Энди без стука вошел в кабинет Рика. Он был единственным сотрудником, который игнорировал просьбу заместителя директора соблюдать нормы служебного поведения. Тем самым как бы подразумевалось, что у них общее прошлое. В школе для мальчиков они спали на соседних кроватях (а иногда и на одной). Рик поднял голову и равнодушно произнес:

— Заходи.

В его голосе смешались легкое раздражение и ненавязчивая приветливость.

Энди сел на жесткую табуретку, рассчитанную на то, чтобы на собраниях не засиживались. Ноги он положил на надувной кофейный столик, такой некрасивый, что было ясно — модный. Разговаривал он небрежно. Профессионально, намеренно небрежно.

— Я только что попросил Пола Джерома заскочить сегодня утром на наши посиделки. Думаю, тебе будет интересно поприсутствовать.

Рик раскусил закулисную тактику, однако на его лице это не отразилось. Они играли в эту игру с шести лет. Энди и дальше будет вести себя так, будто интеллектуально они равны, а Рик ничего не будет менять в правилах. Его вопрос прозвучал резонно и вместе с тем несколько провокационно:

— Без Марины? Я думал, они с Полом Джеромом накрепко связаны одним органайзером, так что без хирургического вмешательства не обойтись.

Энди пожал плечами.

— Ее сегодня нет, женские дела или еще какая-то чепуха, а ждать это не может.

— Что не может ждать?

Энди улыбнулся.

— Просто у меня возникла блестящая мысль, как запустить «Спарклиз». Если хотим добиться успеха, то нам нужно поторопиться.

Рик окинул его оценивающим взглядом.

— Я думал, Марина вернется днем. Неужели мы ее не дождемся?

— Пол Джером может зайти только утром.

Ложь вышла гладкой, неправдоподобной, но возражений не встретила.

— Я потом все расскажу Марине.

То, что Рик не ответил, Энди истолковал как молчаливое согласие с новой повесткой дня и быстро вышел из кабинета, не дав Рику возможности передумать.

В десять сорок Энди вошел в комнату для собраний с блюдом пирожных для всех

присутствующих. Трюк дешевый, но еще ни разу его не подвел. Атмосфера тотчас разрядилась. Команду, включая Рика, объединяло то, что все пытались есть эклеры так, чтобы крем не выдавливался с обеих сторон, и ни у кого это не получалось. Всем казалось, что совещания с Мариной проходят напряженно. Никому не нравилось смотреть на ее тело или говорить о чем-то таком, что хотя бы отдаленно напоминает еду. Пачки с печеньем в ее присутствии по кругу не ходили. Секретарши не выставляли тарелки с датским крекером, который так любят все сотрудники. Вчерашний ужин никогда не обсуждался. Неважно, каких профессиональных успехов добилась Марина, и неважно, какой вклад она внесла в личное благосостояние своих коллег в деле получения ими премий от прибыли компании, ее воспринимали прежде всего как толстушку.

Любой толковый рекламный агент скажет вам: отличие — не всегда положительная характеристика. Все, что отличает продукт от конкурирующих аналогов, должно выдержать самые тщательные испытания. Если это новый фермент в моющем средстве, который позволяет стирать белье чище, чем другие порошки, то вы можете потратить три миллиона фунтов, демонстрируя под микроскопом, как растекается сок из черной смородины, вы можете найти удачное слово, которое рифмуется с названием вашего фермента, заплатить Элтону Джону, чтобы он спел песенку, прославляющую это открытие, и пригласить потребителей из числа журналистов на полностью оплаченный пикник на Карибы только затем, чтобы они посмотрели, как вы стираете. Это мечта маркетолога.

С другой стороны, если ваше отличие состоит в том, что вы единственный некрасивый человек в области, где внешность значит все, если вы — бегемот среди младенцев, если вы единственная женщина, которой модные фотографы-дилетанты и псевдорежиссеры говорят «любовь моя», а не «дорогая», что ж, проводите и дальше свою кампанию и надейтесь, будто никто не заметил, что ваша упаковка роковым образом треснула. Таков был принципиальный подход Марины к отсортировке.

Энди, с другой стороны, гордился своей внешностью, привлекательной не настолько, чтобы отталкивать приятелей-мужчин. На его коже остались едва заметные следы ужасного кожного заболевания, перенесенного в юности. Темные волосы блестели, давая повод предположить, что тут не обошлось без добавки какого-то маслянистого средства. Черты лица указывали на средиземноморское происхождение, которое он скрывал. Вообще-то он должен бы быть безобразным. Но нет. Он казался приятным, даже симпатичным тем женщинам без чувства собственного достоинства, которые за его жестокими шутками видели прекрасную возможность поиздеваться над ним.

И он не был толстым.

Он излучал поразительную самоуверенность, а сегодня так просто весь сиял. Сегодня он был весельчаком, отличным парнем, разносчиком пирожных, который следовал старому итонскому правилу «nobless oblige»^[6] по отношению к высоко поднявшимся выходцам из рабочего класса, налетевшим в ТНСВ, надеясь, что их родовитые имена вроде Уэйн и Кевин будут восприниматься с иронией, характерной для постмодернизма.

Он сиял на этом совещании еще и потому, что это он все устроил. Даже Рик попросил его провести это собрание. И словно по волшебству, в тот самый момент, когда Рик нетерпеливо взглянул на часы, дверь комнаты для совещаний открылась и некто неизвестный, но симпатичный услужливо пригласил войти Пола Джерома.

Энди ленивой походкой подошел к мистеру Спарклизу и пожал ему руку.

— Пол! Рад, что ты так быстро откликнулся. Проходи, знакомься с командой.

Энди представил собравшихся, не убирая начальственную руку с плеча Пола. По окончании представления Пол выглядел озадаченным.

— А где Марина?

Энди рассмеялся, стараясь не замечать недовольного взгляда Рика.

— Занимается какими-то женскими проблемами, как говорят. Да ты не волнуйся, я не хуже ее и к тому же вдвое краше!

Все рассмеялись. Кроме Пола. И Рика.

— У нас сплоченная команда, — продолжал Энди, — и Марина будет счастлива, если каждое слово запротоколируют в трех экземплярах. Ты ведь знаешь Марину — ярый поборник писанины. Я же предпочитаю действовать. Так что давайте приступим.

Все расселись вокруг стола неправильной формы, у которого было более чем достаточно ножек и сочленений, так что мужчины и женщины, отчаянно пытавшиеся вытянуть ноги под тусклой зеленой столешницей, не могли не опасаться за свои брюки и колготки.

Энди погасил свет и включил проектор для демонстрации слайдов.

— Застукав подружку невесты, выходящую из женского туалета вместе с женихом, я сказал ей... — он подавил смех. — Простите, не тот случай!

Он откашлялся и придал чертам своего лица серьезное выражение.

— Цель этого собрания состоит в том, чтобы обсудить текущие предложения для «Спарклиз» и рассмотреть новые возможности, как плановые, так и незапланированные.

Собравшиеся невольно заерзали на стульях. Графики были одобрены несколько недель назад. Марина ничего не говорила о том, что могут быть какие-то изменения. Плановые и нет? О чем это он? С самого начала было решено, что прежде всего они будут заниматься прямой рекламой. Нетрадиционную деятельность, охватывающую круг маркетинговых хитростей от бесплатных образцов до хитроумных акций, собирались изучить после первого запуска.

На лице Рика ничего нельзя было прочесть.

— Как вам всем известно, — продолжал Энди, — исследования показали, что мы вовремя взяли за моющие средства, которые могут привлечь внимание как мужчин, так и женщин. Вот вам современная парочка: мистер Денежный Мешок и мисс Космополитен [\[7\]](#). Были развернуты две кампании, ориентированные на два целевых рынка, и у всех нас большие надежды на успех в ближайшие месяцы.

Все почувствовали, что сейчас последует «но».

— Но вчера вечером мне пришло в голову, что по-настоящему-то мы так и не изучили возможности унифицированного подхода, направленного на то общее, что сплавливает современную пару. Если мужчин и женщин все-таки объединяют финансовые проблемы и домашняя работа, тогда почему бы не предположить, что у представителей обоих полов одни и те же требования к чистоте, что и тем и другим не нравится одно и то же, что и те и другие боятся домашнего рабства.

Давайте не будем снисходительно относиться к женщинам, полагая, будто их надо меньше убеждать в чем-то, раз уж генетически они предрасположены к нудной работе. И не будем обижать мужчин, многие из которых позаботились о себе и о своих квартирах, позаимствовав домашние советы из телесериала «Мужчины, которые плохо себя ведут», так четко там сформулированные.

Будем говорить прямо — у всех нас, здесь собравшихся, молодых, свободных и одиноких

мужчин и женщин, связанных узами или уже нет, есть нечто общее. И что же это?

— Нам всем интересно узнать, к чему вы, черт возьми, клоните? — нетерпеливо выкрикнул младший менеджер. Высказавшись столь бесцеремонно в первый и последний раз, он навсегда закрыл для себя дорогу в отдел объявления вакансий, к чему неизменно стремился.

Энди беззлобно рассмеялся над младшим администратором. Тот был раздавлен могильной тишиной, последовавшей за невеселым оживлением.

— Очень смешно. Позвольте мне ответить на этот вопрос, прежде чем кто-то еще попытается осчастливить нас не очень-то хорошо обдуманной репликой с места. Секс. Вот что у нас общего. Мы думаем о нем, ищем его, получаем, если повезет.

Он сделал паузу, ожидая, что все рассмеются; кое-кто из мужчин оправдал его ожидания, но ни одна из женщин не улыбнулась.

— Это общий знаменатель, из тех, которые уже давно эксплуатируются бесчисленным числом других потребительских товаров.

Тогда почему же рынок чистящих средств не сделает этот скачок в новое тысячелетие? Почему мы не можем сделать домашнюю работу сексуальной?

Никто не осмелился отвечать. Никто не стал строить догадки в области, где Энди был силен. Все знали, какая упорная борьба велась между ним и Мариной, и потому старались держаться в стороне, пока результат не станет очевиден. Лишь два человека могли безопасно вмешаться в эту дискуссию: Пол Джером, потому что это был его продукт, и Рик Гиффорд, потому что это было его агентство.

Первым заговорил Рик.

— У нас уже были мужчина и женщина, обменивающиеся роковыми взглядами, стоя перед раковиной. Есть что-то новенькое?

Энди улыбнулся.

— Это ненастоящий секс. Я говорю о самой начинке мужской и женской фантазий. О похоти. О тайных желаниях...

Рик перебил его.

— Не открывать же все секреты нашей работы.

Энди покачал головой.

— Я не о кухне говорю. У меня есть еще один вопрос ко всем. Что можно поставить в один ряд с сексом?

— Машины.

Ответ соскочил с губ младшего администратора, прежде чем он успел остановить себя. К счастью для него, ответ был правильным. Энди с восторгом ткнул пальцем в сторону незадачливого молодого человека.

— Именно! Машины. И речь не только о мужчинах. В последнем номере «Рекламы сегодня» опубликованы результаты исследования, которое доказывает, что современные женщины не меньше интересуются машинами, чем мужчины. Машины. Теперь ясно? Машины — это то, что их объединяет.

Никому ничего не было ясно. Какая связь между сексом, машинами и средством для мытья окон?

Энди стал показывать слайды. На них были запечатлены в последовательности сцены, снятые вокруг Лондона и на некоторых самых оживленных городских перекрестках. Аудитория была еще более озадачена. Перед ними предстала далеко не сексуальная, самая

непривлекательная группа горожан — мойщики ветровых стекол. Энди передалось недовольство оказавшихся под прицелом камеры автомобилистов, втянутых в неприятный процесс мытья ветровых стекол группой юношей-самозванцев.

— Очень сексуально, — пробормотал кто-то.

Энди перестал показывать слайды.

— Простите, кто-то что-то сказал?

Ответа не последовало. Мысль о том, что нужно доказывать свою правоту, подавляла всякое желание участвовать в дискуссии, обреченной на неудачу.

Энди улыбнулся.

— Что ж, кто бы это ни сказал, он прав. Нет ничего сексуального в том, что какой-то хулиган швыряет замызганную мокрую губку на ветровое стекло машины и видит, как по стеклу струйками стекает грязь. Однако я скажу вам, что тут сексуально... вернее, покажу.

Он начал показывать слайды сначала, и собравшиеся тотчас оживились. Их глазам предстали мастерски поставленные кадры — до порнографии один небольшой шаг. Девушки с третьей страницы^[8] прижимались своими драгоценными грудями к намыленным ветровым стеклам. Они стирали пену, из-за которой появлялись счастливые, как космонавты, водители. Мужчины опускали боковые стекла, стройная девушка залезла в рюкзак с логотипом фирмы и вручала счастливому автомобилисту бесплатный образец «Спарклиз». Маленькая бутылочка совершенной формы передавалась точно сексуальная услуга в ответ на улыбку, которую редко увидишь на лице мужчины, которому только что дали какое-то там средство для чистки стекол.

Женщины неловко заерзали на стульях. Точно по сигналу, появились другие экранные образы. На этот раз автомобилистами были женщины. А полуобнаженные девушки, фотографии которых украшают третьи страницы бульварных изданий, превратились в несостоявшихся стриптизеров с идеальными чертами лица и мышцами живота, перекачиваемыми точно песчаные дюны. Мужчины, собравшиеся в комнате для совещаний, снисходительно улыбались этой подачке в сторону женщин. На женщин-коллег они смотрели с едва скрываемыми усмешками, точно школьники, подсматривающие в замочную скважину.

Такой реакции со стороны женщин Энди не ожидал. На их лицах было написано напряженное терпение, точно кто-то попытался вывести их из себя. Они выглядели раздраженными. Им было скучно. И вместе с тем они делали вид, что все это их забавляет.

Энди, как и многим мужчинам, приходилось видеть, как растет число женщин, с интересом наблюдающих мужской стриптиз, и он совершенно не понимал, что происходит. Он наивно полагал, что они безудержно и страстно кричат при виде обнаженных тел (к несчастью, не поддержанных) незнакомых мужчин. Он не понимал, что они не кричат, а заходятся от смеха в истерике. Он был введен в заблуждение рекламными проспектами, в которых эксплуатируются накачанные неулыбчивые юноши-мужчины, соблазняющие как служащих, так и домашних работниц на покупки, которые те уже сделали. Он совершенно упустил из виду тот факт, что сами проспекты были сделаны мужчинами, и потому их посылка абсолютно ошибочна.

Бедный несведущий Энди — так о нем можно было подумать. Хотя жалость тут едва ли уместна, поскольку его окутывала приятная пелена мужского сочувствия. Мужчины, собравшиеся в комнате для совещаний, молча поздравили Энди с тем, что он сделал столь блестящий уравнилительный жест. Они не заметили реакции со стороны женщин, потому что

были слишком заняты тем, что сосредоточенно наблюдали за совершенными мужскими образами, явившимися перед ними. А поскольку в отсутствие Марины все те, кто принимает решения, были мужчинами, то никого особенно и не интересовало, что думают на этот счет женщины.

Показ закончился, все оторвали взгляды от экрана и уставились на клиента в ожидании его ответа.

— Что скажешь, Пол? — спросил Энди.

У Пола Джерома был задумчивый вид. Как мужчина он оценил звездочек «Спарклиз», но расхваливать идею не был готов. Он перелистал несколько бумаг в папке, лежавшей перед ним, и остановился на странице, исписанной цифрами.

— Что ж, задумка великолепная. Мне она нравится, очень нравится. Я только одного не понимаю — откуда взять деньги? Вот передо мной бюджет, но я не вижу свободных средств на непредвиденные расходы. Возможно, этот вопрос можно было бы рассмотреть на следующем этапе развития идеи, но, мне кажется, у Марины были какие-то мысли на этот счет...

Энди резко перебил его.

— Слушай, Пол, Марина продала тебе идею, я же предлагаю возможность работать через средства массовой информации. Это должно быть событие, воздействие такой силы, какую не найдешь на тысяче страниц «Газеты для домашних хозяек» или где-нибудь еще в этом роде. Это надо делать в тот день, когда появится продукт, а не через год, когда его появление будет вчерашней новостью.

Пол вздохнул.

— Я тебя понимаю, Энди, но повторяю свой первый вопрос. Откуда возьмутся деньги?

В ответ Энди пустил по кругу цветные таблицы, тщательно им подготовленные. Это впечатляло. Цифры были сложные, но стратегия простая. Энди все разъяснил.

— Моя реклама может быть размещена на всех перекрестках всех крупных городов в течение месяца, а оплачена просто — путем отказа от восемнадцати процентов рекламной кампании.

Среди собравшихся послышалось бормотание. Энди это ожидал.

— Да-да, я знаю, на первый взгляд это много. Но вы только подумайте — несколько рекламных объявлений, заимствованных из каждой газеты, каждого журнала. Да кто это заметит?

Рик не мог больше сидеть и молча наблюдать. Он не любил спорить с коллегой в присутствии клиента, но ведь никто другой и не собирался бросать вызов столь решительному отказу от многомесячного планирования, выразившемуся в создании рекомендации для этой кампании.

— В самом деле, кто заметит? Да тебе ли, Энди, не знать, что с каждой рекламой возрастают наши возможности добраться до целевой аудитории. Нельзя же взять и испортить кампанию, не думая о том, к чему это может привести.

Энди был явно раздосадован возражением приятеля.

— Я хотел сказать, Рик, что понимаю — ты не можешь необдуманно кромсать бюджет. Поэтому и воспользовался последними программными разработками в области анализа эффективности использования СМИ, и вот что у меня вышло.

На экране высветилась таблица. Все безучастно уставились на нее. Рик заговорил от имени всех собравшихся:

— Не мог бы ты нам это растолковать?

Энди изобразил на лице свою лучшую улыбку.

— Не стану докучать вам цифрами, однако оставлю распечатку со всеми интересующими вас данными. Короче говоря, если мы с умом срежем несколько углов из плана и вместо этого ударим по сорока восьми городам «толкотней на перекрестке», то тем самым увеличим зону нашего охвата.

Охов и восторженных возгласов не последовало.

Некий подхалим в очках, не очень осведомленный в вопросах прогнозирования, но точно знающий, что это такое, откашлялся, взял свою карьеру в руки и заговорил, напирая на то, что всем и так было ясно.

— Дело в том, Энди, что Марина обсудила цены на всю кампанию, исходя из договоренности, что изменений не будет. А вы предлагаете Марине вернуться ко всем изданиям, ко всем теле-, радио- и рекламным службам и снова начать переговоры.

Энди пожал плечами.

— То есть дело в том, что...

Прежде чем потерять еще одного сотрудника под убийственным взглядом Энди, в разговор вмешался Рик.

— Дело в том, что средства массовой информации получают полное право чинить нам препятствия, если мы захотим аннулировать договоренность на столь поздней стадии.

Энди изумился точно мальчик.

— Я думал, Марина намотала средства массовой информации себе на мизинец или, лучше сказать, на большой палец. Как только она поймет, что этот план лучше первоначального, я уверен, она сделает все, что необходимо.

Пол Джером с интересом рассматривал цифры.

— Понимаю, трудно. То есть, я хочу сказать, идея блестящая, но у нас уже есть планы по проведению кампании, и я не хочу нести ответственность за то, что испортятся отношения со СМИ...

Энди поднял руку, не давая клиенту договорить то, что звучало как безоговорочное вето.

— Как я сказал, я не сомневаюсь, что Марине по силам осуществить это без каких бы то ни было последствий.

Рик почувствовал, что не может не задать очевидный вопрос:

— А почему бы нам не дождаться Марину и не спросить у нее?

Энди это предложение, кажется, задело за живое.

— Хорошо бы, но мне нужно, чтобы решение было принято до обеда. В организацию, с которой я связался, обратилось другое агентство со своим предложением, и если они его примут, все их молодые люди и девушки будут заняты весь август, когда запланирован запуск нашей кампании. Сегодня утром им нужно определенно получить утвердительный ответ. Вот почему я попросил Пола прийти, не откладывая. Мне действительно не хочется этого делать без Марины, но у меня не было выбора.

Он помолчал, рассматривая свои руки, словно боролся с совестью, прежде чем продолжать.

— Когда я пришел сегодня утром, не мог поверить, что она отлучилась по какому-то безотлагательному делу и совершенно недостижима. Разумеется, только что-то очень важное заставило ее уйти в такой критический для «Спарклиз» момент, но я не понимаю, зачем она выключила мобильный телефон.

Вслед за этим конкретным доказательством серьезного нарушения Мариной профессионального долга последовало несколько глубоких вздохов. Быть толстой — и без того плохо, но еще и мобильный телефон выключать в рабочее время? Только мужчине или хорошенькой, очень хорошенькой женщине дозволяется нарушать неписанные правила исполнительской деятельности столь бесцеремонно.

Пол Джером утомленно протер глаза.

— Полагаю, принятие решения остается за мной. Мне не хотелось бы делать это без участия Марины, но если вы совершенно уверены, что все это не повлечет за собой чрезвычайных последствий, то... Думаю, мы должны это сделать.

Энди впервые в этот день искренне улыбнулся. Уверен? — подумал он. Да я вне себя от радости.

— Хорошо. Значит, договорились. И не беспокойтесь насчет Марины. Я знаю, когда я ей все расскажу, она будет так же довольна этой конструктивной переменой, как и мы.

Держал ли он скрещенными пальцы, пока произносил это, никто не заметил. Кроме Рика.

Рик и Энди родились в один и тот же день тридцать девять лет назад. Именно это обстоятельство и свело вместе эту пару таких не похожих друг на друга людей в Итоне. Оснований для дружбы на всю жизнь явно маловато, но, поскольку оба были лишены способности к самовыражению, понимание одним душевных изъянов другого надолго обеспечило им взаимное расположение и поддержку.

Энди серьезно страдал от экземы, и одноклассники безжалостно мучили его. Рик был единственным мальчиком, кто принимал его попытки подружиться, и за эту услугу Энди прощал Рику то, что он умнее его. Только один раз в жизни Энди позволил себе подобную ошибку, связав себя с человеком, чье некоторое превосходство всегда будет выставлять его в невыгодном свете.

Чего добился Рик, составив пару с этим отверженным обществом существом? В детстве он получил обожателя, человека, который постоянно будет убеждать его в том, что у него есть очевидные достоинства. А к тому времени, когда кожа Энди сделалась чище и он обрел известную уверенность, Рик заполучил приятеля, способного вращаться в обществе, у которого к тому же открылся прирожденный талант очаровывать девушек.

И Энди вернул свои долги. Для застенчивого Рика всегда кто-то находился — «моему другу тоже нужна подружка». Ему доставалась лучшая одежда Энди и лучшие подруги, которых тому удавалось разговорить. (Забавно, но когда Рику понадобилось найти свою девушку, он нашел ее. И женился на ней. И детей завел. И все сам.)

Итак, Энди и Рик росли вместе, время от времени отклоняясь с извилистого пути, по которому шел то один, то другой, и кое-чего достигли к зрелости, однако в критических жизненных ситуациях они всегда оказывались рядом.

Один из них преуспел больше другого, но так и должно было произойти. В этой паре больше преуспел Рик. И не потому, что он немного умнее, или честолюбивее, или даже удачливее. Просто так сложилось. Предпочтения Энди вели его по более извилистому маршруту к успеху в карьере, а когда он добивался его, Рик неизменно оказывался на шаг впереди.

Рик предложил Энди работу в ТНСВ, потому что, во-первых, он был лучшим кандидатом на эту должность, а во-вторых, его другом. Для Энди главной причиной занять

эту должность была возможность присоединиться к Рiku в совете директоров и тем самым раз и навсегда устранить профессиональное неравенство между ними.

И теперь ему было тридцать девять. А это означало только одно. Скоро ему будет сорок. Внушающий благоговение возраст, когда подводятся итоги и оцениваются заслуги. К сорока я напишу свой первый роман, сделаю первый миллион, и все такое прочее... Амбиции Энди еще не достигли размаха, но его неуспехи хоть в какой-то области заставляли его чувствовать себя неудачником.

У него не было ни жены, ни детей, ни большого уютного дома, ни должности, при упоминании которой в восхищении вздымаются брови, ни репутации, выходящей за пределы лондонских рекламных агентств. В отличие от Рика. У Рика все это было.

Энди не был счастлив. До сорока оставалось одиннадцать месяцев. Тогда все будет по-другому. *Должно быть* по-другому, если в его жизни есть какой-то смысл.

Он не требовал многого. Он не предполагал стать премьер-министром или жениться на первой красавице. Он хотел получить место в совете директоров, и чтобы кто-то делил с ним эту работу. Как Рик. Он не завидовал успехам Рика... ну, не очень завидовал. Просто ему хотелось того же. Это ведь справедливо, не более того. В конце концов, они одинаковые.

Так и будет. У него была мечта и был план. И Марине не удастся ему помешать.

Трудно оставаться незамеченным, когда занимаешь столько же места, сколько два обычных человека. Легче, когда остальные собравшиеся такие же толстые, как ты, если не толще. Убедившись, что здесь она отнюдь не самая толстая, Марина тотчас расслабилась. Какое-то время она стояла у дверей, пока к ней точно вагнеровская дива не подлетела женщина внушительных размеров.

— Вы, должно быть, Марина. Я Гейл Бэтхерст. Мы с вами разговаривали по телефону.

Она схватила Марину за руку и с жаром стиснула двумя своими влажными ладонями. Марине это показалось несколько фамильярным. Она сделала над собой усилие, чтобы не отдернуть руку.

Гейл не ждала ее ответа.

— Добро пожаловать в ТФБП. Первый раз — самый трудный. Мы все через это прошли. Запомните одно — другим досталось не меньше вашего. Что бы вы ни делали, чтобы похудеть, пусть самое ужасное, другие проделывали нечто еще хуже. Но теперь все будет по-другому! Мы покажем вам, как можно запросто есть то, что хочешь, чтобы потом себя не презирать.

Она выдержала драматическую паузу, прежде чем пообещать нечто совсем дикое.

— Мы научим вас есть пирожные не ощущая вины.

А вот уж в это я ни за что не поверю, подумала Марина. Заметив, что Гейл намного толще ее, она испытала легкий прилив радости и тотчас возненавидела себя за это. Может, Гейл просто казалась толще из-за своей удивительной внешности. Одни только волосы добавляли ей, должно быть, пару фунтов веса, равно как и несколько дюймов роста. Не меньше четырех оттенков красного цвета выделялись среди непокорных колосьев, торчавших павлиньим хвостом. Ее лицо было скроено потрясающе, несмотря на то что матовый подбородок утонул в бездонных складках, напоминающих рубцы на раскрашенном грозном лице индейца племени апачей.

Не успела Марина и слова сказать, как ее вытащили на середину комнаты, точно призывую телку на аукционе по продаже скота. Гейл хлопнула в ладоши, и в комнате воцарилось почтительное молчание.

— Женщины! Сегодня у нас появился новый единомышленник. Человек, сделавший серьезный шаг к тому, чтобы отринуть гнетущие условности лишнего веса.

Все зааплодировали и заулюлюкали, кроме Марины, которая испытывала стойкую антипатию к реакции публики после того, как ее вытащили на сцену во время рождественского представления, когда ей было одиннадцать лет, а она уже весила десять стоунов.

— Давайте же поприветствуем приход Марины в нашу группу так, как мы умеем это делать, — продолжала Гейл.

Не успела Марина броситься к двери, как толпа совершенно незнакомых женщин, с которыми у нее не было ничего общего, кроме ненависти к самой себе и нездорового отношения к еде, принялась тискать ее и целовать. Наконец толпа разбилась на небольшие группы. Марина с тоской уставилась в сторону выхода. Гейл заметила, что Марине неудобно, и она снова схватила ее за руку.

— Раз уж вы нашли в себе мужество присоединиться к нам, теперь вы от нас не

убежите.

Она огляделась, а потом окликнула не столь устрашающего вида женщину, которая премило беседовала в кругу знакомых.

— Тереза, иди-ка поговори с Мариной, пока она не смалодушничала и не покинула нашу компанию!

Когда Тереза подошла к ним и искоса неодобрительно взглянула на Гейл, Марина успокоилась. Это говорило о том, что и она была недовольна тем, что кто-то проявляет лидерские замашки.

— Меня зовут Тереза, — сказала она, протягивая Марине руку для рукопожатия. — Тереза Стоддард.

Марина пожала руку, и пожала тепло, будучи чрезвычайно благодарна за то, что ее никуда снова не поволокут.

— Марина Ризенталь, — ответила она.

Гейл упорхнула, довольная тем, что ей, возможно, удалось обратить в веру нового фанатика.

Тереза заметила, что Марина не задерживает взгляд на окружавших ее женщинах.

— Клянусь, вы никогда не видели столько толстых женщин одновременно. Даже на встрече членов организации «Следим за лишним весом».

Марина смутилась.

— Я не об этом думала. (Разумеется, об этом.) На самом деле мне интересно, чем они все занимаются, чтобы иметь возможность проводить здесь утро каждого четверга. Разве они не работают?

Тереза улыбнулась.

— Позвольте мне ответить вопросом на вопрос. А вы не работаете?

Марина возмутилась.

— Конечно, работаю. Я коммерческий директор рекламного агентства.

Она была недовольна, что ей пришлось хвастаться. Трудно все время помнить, что в этом окружении толстухе не нужно ничего доказывать.

— Так что же вы делаете здесь утром в четверг? — продолжала Тереза. — Нечем заняться на службе?

Марина на секунду прикрыла глаза, не смея думать, какие козни замышляются в ТНСВ в ее отсутствие.

— Вообще-то работы много.

Тереза повторила Маринин вопрос:

— Так что же вы здесь делаете?

Ответ нашелся без труда:

— То, что здесь происходит, важнее моей работы.

Марина удивилась серьезности своего утверждения, а Тереза нет. Она подхватила тему и продолжила:

— Именно поэтому Гейл иногда проводит собрания в рабочее время, чтобы испытать нас на прочность, чтобы заставить нас осознать жизненные приоритеты и напомнить, что наше благополучие и счастье — превыше всего.

Марину поразила такая логика, хотя она и отдавала себе отчет, что ее собственное счастье зависит от карьеры, которую она подвергает серьезной опасности, появившись здесь сегодня. И все же Тереза ей нравилась. Она умела быстро раскусить человека, а первое

впечатление редко бывало ложным. Она незаметно рассмотрела новую знакомую, используя приемы, присущие тому, кто привык, что на него глядят во все глаза.

Женщина была примерно ее лет, однако она не стремилась казаться моложе или, наоборот, подчеркивать свой возраст. Она была среднего роста, однако из-за полноты казалась выше. Вообще-то Марина и не назвала бы ее толстой. Большая женщина, да, стоунов, может, двенадцать-тринадцать, но пропорции правильные, и одета приятно, одежда классическая, модная. Белокурые волосы уложены безупречно, а отсутствие темных корней свидетельствовало о еженедельных посещениях салона красоты. Она и румяна нанесла так, чтобы скулы казались высокими. У Марины дух захватило от восторга.

— А вы что здесь делаете, Тереза? Вы кажетесь такой... нормальной, довольной собой, довольной тем, что у вас внутри. Такое впечатление, что вы не из тех, кому нужна помощь самому себе, вся эта новомодная ерунда.

Тереза от души рассмеялась.

— Вы только подумайте, Марина, вся затея ТФБП именно в том и состоит, чтобы все мы были довольны тем, что у нас внутри. Я сюда уже год хожу. Когда я пришла сюда впервые, со мной творилось что-то ужасное. Вам кажется, что я нормальная? Сейчас расскажу, что я сделала такого, что заставило в конце концов меня прийти сюда.

Мой муж уехал в командировку на пару недель, и я, как обычно, стала голодать, чтобы сбросить стоун до его возвращения. Десять дней я безукоризненно придерживалась диеты, потом как-то в пятницу отправилась пообедать с одним клиентом, и все пошло прахом. За два часа я съела трехдневную порцию калорий. И как же я поступила?

Марина поискала в банке данных своей памяти возможное решение, которым можно было бы поделиться с незнакомым человеком.

— Сделали так, чтобы вас вырвало?

Тереза презрительно фыркнула.

— Если бы! Да если бы я даже зонтик засунула в глотку, меня бы все равно не вырвало. В моем теле есть встроенный механизм, который препятствует удалению из него пищи, пока последняя капелька жира не пристанет как цемент к бедру или к какому-нибудь другому месту. Ну не везет, и все! Вернувшись домой, я решила, что раз уж проглотила трехдневную норму калорий, то пусть она растянется на три дня.

Марина пожалала плечами.

— И вы голодали три дня? Я тоже такое проделывала.

Тереза покачала головой.

— Вовсе нет! На то, чтобы поститься, у меня не хватило бы силы воли. Едва вернувшись в тот день, я тотчас приняла снотворное и легла спать. Когда проснулась, приняла еще одну таблетку. И так весь уикенд, до утра понедельника, когда встала и пошла на работу со спокойной совестью человека, который сидит на диете.

Марина пришла в ужас. Хотя она считала, что большая часть ее жизни отравлена проблемами с лишним весом, тем не менее пребывала в здравом уме и наслаждалась жизнью сполна (не считая нескольких часов забвения, вызванных приемом успокаивающего средства, но она предпочитала называть это послеобеденным сном).

— Вас это шокировало, правда?

Марина придала лицу привычное выражение.

— Совсем нет. Впрочем, да, думаю, да. Уходя по своей воле из жизни на какое-то время, ты как бы временно умираешь.

Она содрогнулась.

Тереза кивнула, хотя уже и не смотрела на Марину. Ее взгляд был прикован к другой сцене, которая ей явно не нравилась.

— Поначалу я была вполне довольна собой. Потом меня будто что-то ударило. В то утро, в понедельник, все спрашивали друг у друга, кто чем занимался на выходных. Для меня уикенда не существовало. В нем не было ничего хорошего и ничего плохого — вообще ничего. Паника охватила меня и не отпускала. Только одно могло меня спасти. Я выбежала на улицу, купила целый пакет шоколада, уселась в туалете и стала запихивать его в рот. Вдруг мне стало трудно дышать. Я расплакалась и двадцать минут не могла прийти в себя.

Страдание на какое-то время исказило ее лицо, но вместе с тем оно смягчилось, оттого что была разыграна сцена, потребовавшая столько физических и эмоциональных усилий. Затем, словно произошла смена картинки в череде дневных телепрограмм, она снова превратилась в женщину, которая умеет владеть собой.

— Как бы там ни было, я пала на самое дно, и тут вспомнила статью, которую раньше читала о ТФБП. Идея меня никак не прельщала, но что-то надо было делать. И вот я здесь год спустя. По-прежнему толстая, но такая счастливая... по крайней мере, более счастливая, чем прежде.

А вот Марина не чувствовала себя счастливой. Все эти метания почему-то наводили на нее тоску. Пытаясь найти безопасную тему для разговора, она вспомнила, что Тереза упомянула мужа и спросила, что тот думает обо всем этом. Тереза приподняла брови, придав лицу ироничное выражение.

— Типичный мужчина, как все, — ну, вы их знаете! Говорит, что любит меня, и неважно, сколько я вешу, но на самом деле именно мои габариты ему и нравятся. Я, конечно, ему не верю. К счастью, мне не приходится слишком уж беспокоиться по поводу того, что он станет гоняться за стройными юными созданиями, потому что у меня есть возможность следить за ним. Видите ли, мы вместе работаем.

— А чем вы занимаетесь? — спросила Марина, чувствуя с облегчением, что разговор принимает откровенный характер.

— У нас своя собственная компания. Консультации по вопросам маркетинга. Команда у нас превосходная — я делаю всю работу, он заключает все контракты! Меня это устраивает, потому что я не люблю гольф!

Марина собралась было оспорить подобное разделение труда как несколько, на взгляд феминистки, деструктивное, но тут Гейл громким голосом призвала всех к порядку. Точно школьная директриса, она хлопала в ладоши, пока все не обратились в слух.

— Дорогие дамы! Сейчас подадут бранч^[9]. Прошу всех пройти в оранжерею.

Марине стало не по себе от гула одобрения, с которым было встречено объявление о еде. Ей никогда не нравилось есть на людях, сидеть же за столом в этой достойной компании, похоже, будет испытанием.

Гейл шестым чувством вычислила возможный маршрут отступления новой пленницы. Она намеренно подбежала к Марине вприпрыжку, встав между нею и дверью словно непроницаемая передвижная стена.

— Марина, дорогая, пойдете со мной, ну же! Я всегда сопровождаю на пиршество наших новеньких девочек и делаю это с удовольствием. Тереза, вы ведь не станете возражать?

Обвив Маринину руку своею, Гейл уволокла Марину прочь с островка здравомыслия,

который олицетворяла собою Тереза. Марина бросила отчаянный взгляд на свою покровительницу, которая отдалялась от нее, словно последняя спасательная лодка с «Титаника». Оказавшись в руках лидера группы, Марина первой вошла в оранжерею. Ее глазам предстала картина прямо из советского пропагандистского фильма двадцатых годов, обличающая упадок Запада.

Вдоль стен сплошными рядами стояли столы, каждый квадратный дюйм которых был заставлен едой. Поставщик всей этой провизии, очевидно, побывал в Европе, наткнулся там на Гору Жирной Пищи, набил ею фуру и доставил в Хай Холборн. Пирожные громоздились, точно пирамиды конфет «Ферреро Роше» в витрине магазина, толстые куски мяса напоминали о фантазиях пещерного человека; угрожающе дымились котлы с карри, отражая красоты гостиничного потолка в зеркальной поверхности кружочков растопленного масла из молока буйволицы; горы сыра и масла боролись за свои места на блюдах с молочными продуктами; эти блюда представляли собою весь спектр продукции, которую поставляет в своей созидательной жизни корова (за явным исключением йогурта); плитки бельгийского шоколада нагло заполняли пустые места точно жирные знаки препинания; кружки с горячим шоколадом всеми силами старались обратить на себя внимание из-под прикрытия двойных взбитых сливок.

Но это не все. Еще там были фрукты всех сортов; манго, виноград и ананасы возвышались башнями, сооруженными вопреки закону тяготения; сковородки до краев были заполнены чудесно приготовленными овощами с ароматным дымящимся рисом; вареная картошка наполняла воздух умиротворяющим запахом земли; ослепительно сверкали копченый лосось и жареные цыплята.

Выбор был такой, что становилось страшно. Здесь было все. Жирная пища и постная пища. Все это выглядело фантастически, потому что Марине любая еда казалась фантастической. У нее засосало под ложечкой. Ей не хотелось выбирать что-то одно. Она не могла решить, что в этот день лучше — поститься или налегать на еду. Нет, лучше одиночество и голод. Ей не хотелось оставаться здесь. И не хотелось быть одной из них. Есть так много нужно в одиночестве, чтобы никто не слышал, как ты потом плачешь.

Она почувствовала, как ей суют что-то в руку. Это была красивая тарелка. Гейл ободряюще улыбнулась ей и подтолкнула к первому столу.

— Марина, тебе нужно лишь взять то, что ты хочешь. Все что угодно. Ешь, что тебе нравится, а что не нравится, оставь. Ну давай же. Ты справишься.

Марина глубоко вздохнула под одобрительным прицелом пятидесяти пар глаз и взяла вилку. Ее рука, зависая над тарелками, потела и дрожала. Марина пребывала в нерешительности, лихорадочно останавливая свой выбор то на здоровой, то на нездоровой пище. Наконец она осмелилась проткнуть вилкой кусочек китайской утки. Она не ела утку целую вечность, а ведь так любила ее. Марина подняла утку, точно охотничий трофей, и бережно переместила ее на свою тарелку. Едва утка коснулась фарфоровой небыющей тарелки, как по рядам собравшихся прокатился вздох облегчения, словно по заполненным трибунам на стадионе.

Она добавила дымящегося риса и овощей, на которые вызывающе поместила кусок масла. Это то, что она хотела. Что хотела, а не то, что ей было нужно. Принявшись за еду, она испытала удовольствие, которое еще никогда не получала от поглощения пищи.

Рик равнодушно воспринимал свой сороковой день рождения. Возрастные вехи ничего

не значили для него. В его жизни были другие мерки. А может, он себя обманывал. Может, именно его сороковой день рождения и заставлял его думать о неудачах.

Нет, не о неудачах, это не то слово. О зависти.

Ибо он завидовал Энди так сильно, что и поделаться ничем не мог. И эта зависть все возрастала. Энди ни за что бы в это не поверил. Или не понял.

В доме родителей Марины был канун Рождества.

Телевизор был включен, но звук убавили ровно на столько, чтобы можно было слышать, какие песни поет Клифф к празднику. Марина сидела в кресле, в котором просидела всю юность. Она чувствовала себя комфортно, поместив бедра в углубления в сиденье, которые никогда не выравнивались, и не сводила глаз с вазочки с конфетами. Мать, наверное, сосчитала их.

— Возьми, если хочешь.

Марина вздрогнула, услышав голос матери. Как уже не раз случалось в этом доме, ей показалось, будто в ее размышления вторглись, а ей претила мысль, что кто-то знает ее настолько хорошо.

Посмотреть на Нэнси и Дональда Ризенталь, а потом посмотреть на их дочь, Марину, — значит задаться серьезными вопросами относительно теории эволюции.

Оба были ниже пяти футов двух дюймов и вместе весили меньше Марининых пятнадцати стоунов. Оба имели в избытке то, что является, наверное, единственным вопиющим противоречием гармонии, ниспосланной престарелым худым людям, — их морщинам позавидовала бы ищейка. Волосы у обоих, точно у родственников по крови, были одинаково седые и непослушные.

Что отличало одного от другого, так это свет в глазах. Глаза Дональда светились любовью садовника, изумляющегося сюрпризам, которые то и дело выкидывает мать-природа, вселяя утешение и даря надежду. Во взгляде Нэнси царил скука по причине ее неспособности расширить поле зрения за пределы ближайшей кольцевой дороги.

Феминизм довел ее до трагедии. В четырнадцать лет она убежала в Испанию, чтобы участвовать в гражданской войне. Поступила она так главным образом потому, что терпеть не могла своих родителей. Начались долгие заигрывания с коммунизмом, которые прекратились, как только одна из местных мятежниц забеременела от ее любовника.

Она вернулась домой и стала учительницей истории, поклявшись никогда более не доверять свою душу мужчине. И держала обещание, даже когда, к своему удивлению, вышла замуж в возрасте сорока одного года. Она познакомилась с Дональдом Ризенталем, когда оба собирали голоса в пользу лейбористской партии. Они никогда не говорили друг другу «я люблю тебя», но каждый был благодарен за дружескую поддержку, и ни один из них не хотел бы оказаться перед перспективой снова жить в одиночестве.

Забеременев в возрасте сорока четырех лет, Нэнси совершенно изменилась. Она почувствовала, что все эти годы изменяла своим взглядам, когда ее страстное увлечение мужчиной в военной форме подавило желание изменить мир. Третью, одинокую часть своей жизнь она принесла в жертву горечи. Она чувствовала, что если бы сумела найти родственную душу раньше, то они смогли бы изменить мир вместе. Но Дональду и Нэнси пришлось вместе пить чай со сливками, участвовать в церковных праздниках и время от времени появляться в документальных фильмах Би-би-си-2.

А когда родилась Марина, Нэнси пересмотрела свои принципы. У ее дочери будет более легкая жизнь. У нее будут муж и дети. Как мать, она будет чувствовать себя уверенно и в своей взрослой жизни как можно быстрее избавится от всех этих штучек. И только потом у нее появится свобода, чтобы изучить самое себя.

Для Нэнси это имело значение в том смысле, в каком для других это никакого значения не имело. Все эти безумные размышления Марина приписывала климактерическому периоду, протекающему у ее матери особенно мучительно и некоторым образом сводя ее с ума.

И вышло так, что женщина, которая когда-то закладывала под рельсы взрывчатку близ Барселоны, теперь по субботам смотрела в окна дешевой бакалейной лавки в надежде увидеть обряд бракосочетания в церкви напротив, отражающийся в сверкающем стекле. Мечты.

Дональда не было дома, чтобы спасти Марину от мамы. Насколько Марина помнила, ее отец проводил большую часть дня в теплице или на своем участке. Нэнси всегда говорила, что постоянное наличие дома натуральных свежих фруктов, овощей и цветов — дань его мастерству и азарту. Когда Марина еще была ребенком, она стала подозревать, что, возможно, это скорее дань врожденной способности Нэнси заставлять людей искать убежище за пределами слышимости ее тихого, не терпящего возражений голоса.

— Ты слышала, что я сказала?

Марина нехотя отвлеклась от своих мыслей и сосредоточилась на неизбежной реальности, которую воплощала собой ее мать.

— Прости, мама. Так что ты сказала?

Нэнси произвела один из своих фирменных вздохов-охов, которые обыкновенно предшествуют комментарию по поводу комплекции дочери, отсутствию у нее мужа или печальному падению уровня телекомедий после смерти Сиды Джеймса^[10].

— Вижу, ты глаз не сводишь с конфет, вот я и решила, что попросить тебе неловко, потому и избавила тебя от этой необходимости. Видит Бог, как раз шоколада-то тебе и не надо бы, но ведь сейчас Рождество. Так что давай, съешь конфетку, если хочешь.

На очередную насмешку матери по поводу лишнего веса Марина отреагировала так, как делала это всегда. Ее охватило двойственное побуждение: острое желание затолкать несколько пригоршней запретного плода в рот на глазах мучительницы и неожиданное, но твердое решение голодать, дать возможность развиться неврозу на почве отсутствия аппетита и умереть, чтобы Нэнси как следует почувствовала, что не права. Разумеется, она просто взяла шоколад с извиняющимся видом и съела его по возможности быстрее и незаметнее.

Чтобы смягчить свою вину перед матерью, которую она так ненавидела, Марина попыталась завести разговор на тему, которая, как она знала, Нэнси нравится.

— Мам, ты кого-нибудь видела в последнее время?

На языке, понятном дочери и матери, «кого-нибудь» означало старых школьных друзей Марины, которые все как один угождали матерям тем, что придавали возвышенный характер всем своим жизненным устремлениям. Они выходили замуж молодыми (но не очень) за подходящего человека, быстро рожали детей (но не очень быстро), обстригали волосы и делали перманент, увенчивая его пышной короной, с которой можно безбоязненно вступить в средний возраст и следовать дальше.

Нэнси вздохнула (на сей раз без оха) и пустилась в монолог, который беспрестанно разучивала между Мариниными посещениями.

— Дай-ка подумать. Я тебе говорила, что у Джанет Риффин родилась девочка, восемь фунтов четыре унции, и назвали ее Кайли-Джейд?

Она помолчала, но не так долго, чтобы Марина успела ответить. Они обе знали, что

ответа, в общем-то, никто и не ждет. Да он и не нужен.

— Это случилось лишь две недели назад, — мечтательно продолжала она, — а у нее уже фигура как раньше. Разумеется, она должна следить за собой, имея такого симпатичного мужа. Если женщина хочет удержать мужа, она должна над этим работать. То же относится к женщине, которая хочет заполучить мужа. Тебе, наверное, кажется, будто ты феминистка, но на самом деле ты просто лентяйка. Ты ни за что не хочешь потрудиться, чтобы найти хорошего мужчину.

Марина подождала вздоха-оха, который и последовал.

— А взять Элисон Дэнсон. Отправила двойняшек в школу, а сама на работу пошла. Помогает мистеру Пейтелю, несколько часов в день трудится в его агентстве. Тоже дела идут хорошо. Если справится с работой потяжелее, так мистер Пейтель говорит, что, пожалуй, подумает насчет того, чтобы позволить ей летом работать у него в отделе доставки.

Ну и ну, подумала Марина. Могу нести ответственность за миллионы фунтов многонационального бизнеса, но очень сомневаюсь, что этим летом, да и вообще когда-нибудь, буду у кого-то на побегушках. Для матери я, должно быть, страшное разочарование.

— А Линда Алдертон?! Помогает своему мужу в семейном бизнесе. Он разрешил ей вести бухгалтерские курсы по вечерам, и знаешь что? Прежде чем уйти, она каждый вечер оставляет мужу еду на столе...

Марина посмотрела на дверь, радуясь про себя, что появился отец и избавил ее от того, чтобы слушать рассказ о чьей-то свадьбе.

— Ах да, я тебе еще не рассказала о свадьбе Гэби Рашфорт...

Марине удалось избежать мучений. Она вспомнила о коробке песочного печенья, которую тайком пронесла в спальню. Специально для толстущек ТФБП. Она собралась кутить, и ей было все равно, как сильно она себя после этого возненавидит.

В доме Сюзи и Кена было рождественское утро.

Сюзи как раз заканчивала телефонный разговор с Мариной.

— Спасибо за подарок! Как всегда — лучше всех! Ты единственная, кто покупает мне сережки. Кен всегда компенсирует отсутствие вдохновения тем, что покупает мне кучу золота. Да если я надену его, меня тут же ограбят.

Марина рассмеялась, радуясь первому проявлению рождественского тепла, не навеянного алкоголем.

— Спасибо за книги, Сюзи. Мне уже больше никто не покупает книг.

Она ничего не сказала о кулинарной книге с низкокалорийными рецептами, которую мать подарила ей утром.

— Не за что. Я купила тебе все те книги, которые хотела прочитать сама, поэтому можешь отдать мне их, когда прочитаешь!

— Да когда тебе читать, Сюзи, если у тебя столько всяких дел?

Наступило короткое молчание. Уж не сболтнула ли я чего лишнего, подумала Марина. Когда Сюзи снова заговорила, голос у нее был другой.

— Если задуматься, ты права. Что ж, может, я приму новогоднее обязательство больше времени уделять самой себе. А уж я-то точно знаю, чем буду заниматься в это время. — Она хихикнула. — Ну да ладно, надо бежать. С Рождеством, Му! Не ешь много! Привет маме и папе! Пока!

Марина с ужасом подумала о том, что ее только что подразнили некой тайной и тут же

отняли, прежде чем она успела схватить суть. Хотелось бы ей иметь секреты, которыми можно было бы так же манипулировать. То есть помимо тех, которые имеют отношение к пище. Рождественский день показался ей необычайно длинным.

Сюзии положила трубку и окинула взором свой дом, в котором обычно царил безупречный порядок. Вокруг остались следы великого побоища, которое случается в это время: куски оберточной бумаги, точно мертвецы, валялись на полированном паркетном полу; на мраморных кофейных столиках разбросаны открытые коробки с играми, в которые еще не играли; возбужденные дети вырывали друг у друга пульт управления телевизором; муж пребывал в счастливом забытии, слушая в наушниках «Тристана и Изольду»; стены, покрытые золочеными, преувеличенных размеров рождественскими открытками с репродукциями классических картин, как будто кричали на нее; ни одна не была подписана, но на всех отчетливо выступали имена и адреса отправителей; закрытая кухонная дверь сиреной призывала ее к дню рабства; чертов Ноэль Эдмондз^[11] демонически улыбался ей из больницы, где, как ни жаль, он не был пациентом.

— Да замолчите вы все! — закричала она на Элис и Фредерика.

В комнате стало тихо.

— Спасибо.

Она благодарно улыбнулась, но до глаз улыбка не добралась. В знак протеста двойняшки бросились наверх, чтобы открыть там коробки с шоколадными конфетами. Сюзии запретила матери покупать их, что оговорила особо.

Кен моргнул и слабо улыбнулся, дав понять, что отреагировал на вспышку, однако наушники не снял. Сюзии собралась было закричать на него — каков эгоист, с каким удовольствием устроился в этой домашней зоне военных действий, но тут зазвонил телефон. Она сняла трубку и ответила ровным бодрым голосом:

— Алло! С Рождеством!

Услышав голос на другом конце, она повернулась так, чтобы Кен не мог видеть ее лица.

— А что это ты вдруг сегодня решил мне позвонить? — прошипела она.

— Просто хотел сказать, что люблю тебя и твой подарок на мне.

Он с удовольствием провел пальцем по часам. Как только магазины снова откроются, он их тотчас продаст и получит передышку, а вот за это он действительно ей благодарен.

Его мягкий приветливый тон смягчил гнев Сюзии. Она заговорила вполголоса, как и подобает любовнице:

— Дэвид, милый, я тоже тебя люблю, но нам надо быть осторожными, а то Кен что-нибудь заподозрит.

Дэвид удержался, чтобы не рассмеяться. Он работал с Кеном каждый день. Тот никогда ничего не заподозрит. У него нет ни воображения, ни глубины чувств, необходимых для того, чтобы подозревать или не на шутку тревожиться по поводу того, что у его жены интрижка с коллегой или приятелем. Он заговорил голосом, который одна из его любовниц сравнила с голосом Ричарда Бартонна.

— Дорогая, как тебе мой подарок?

Сюзии вспомнила о довольно дешевом браслете, который развернула еще утром в ванной. Она попыталась скрыть разочарование.

— Да, очень красиво, Дэвид, очень. Мне он понравился.

Дэвид, как настоящий плут, тотчас почувствовал, что ее восторг явно наигранный, однако продолжал в том же духе.

— Я сразу же вспомнил о тебе, как только увидел его, — задорно продолжал он, думая о продавце на Оксфорд-стрит, который размахивал грязной коробкой, полной «качественных» золотых украшений по подозрительно низким ценам.

— Кто это, Сюзи?

Сюзи в ужасе вздрогнула, почувствовав на спине руку Кена. Она резко обернулась к нему, еще крепче стиснув трубку, но быстро взяла себя в руки — результат опыта, накопленного за полгода интрижки.

— Это Дэвид, дорогой. Звонит, чтобы поздравить нас с Рождеством. Хочешь сказать ему пару слов?

— Да нет. Пожелай ему от меня всего наилучшего.

Кен исчез на кухне, и она услышала, как он открывает жестяную банку. Сюзи разрывалась между продолжением приятной запретной беседы с Дэвидом и желанием закричать на Кена, которому было хорошо с самим собой.

— Ты меня слушаешь, Сюзи? — послышался в трубке шепот Дэвида.

Кен ненадолго получил отсрочку.

— Прости, милый, Кен тут крутился. Что ты сказал?

— Я говорил тебе о нашей работе, о том, что мы готовы провести эксперимент на человеке...

— Ах, да.

Сюзи огорчила столь неромантическая перемена темы.

— ...и я подумал о твоей приятельнице Марине.

— О Корове Му? А она-то тут при чем? Ты же слышал, что она сказала, — таблетки для снижения веса есть не будет, в легкую жизнь не верит.

Сюзи уловила жесткую, неприятную нотку в своем голосе, которую раньше не замечала. Все дело в том, что она не хочет, чтобы у Марины были какие-то отношения с ее любовником. На кону некое равновесие, нечто сложное и хрупкое, что может не выдержать вторжения еще одной участницы, какова бы ни была ее роль, какой бы крепкой ни оставалась дружба.

Хотя предупреждение и не прозвучало, Дэвид услышал его и притормозил. Можно и подождать.

— Да просто пришла в голову такая мысль, вот и все. Ладно, поговорим об этом, когда увидимся.

Он знал, что сказал то, что нужно, и это сработало. Она ухватилась за эти слова.

— Когда? Где? Как насчет послезавтра? Я скажу Кену, что иду в спортзал.

Дэвид помучил ее, раздумывая, как ей показалось, целую вечность. На самом деле ему было интересно узнать, успела ли эта женщина в его постели разгорячиться. Наконец он дал ей ответ, с которым ей легче будет пережить рождественский кошмар.

— Договорились. Я буду считать часы, — промурлыкал он.

Они растянули прощание, как это делают любовники, — с неохотой, от которой то тошнит, то становится приятнее на душе — все зависит от того, кто что поставил на карту любви.

Сюзи положила трубку, смахнула слезу и попыталась направить свои рассеянные мысли на то, как ей сегодня использовать свой знаменитый белый соус, который лежал в основе всех ее блюд.

Она улыбнулась про себя и в очередной раз посмеялась, вообразив лица тех, кому

удастся определить ее секретный ингредиент.

В доме Терезы Стоддарт был рождественский обед.

Тереза и ее муж, Род, сидели друг против друга за столом, заимствованным прямо из рубрики журнала «Вог» «Как стильно обустроить Рождество». Роскошный интерьер замечательным образом не сочетался с музыкой, сопровождавшей трапезу. «Мелодии семидесятых» навевали Терезе и Роду воспоминания о тех днях, когда они познакомились в колледже. Раздвигая отменно приготовленный гребень индейки, они размахивали вилками в такт песням групп «Sweet» и «T Rex», подпевали «Bay City Rollers» и подыгрывали на воображаемой гитаре с помощью рождественских крекеров.

Род с энтузиазмом, хотя и нескладно, выводил свою версию песни «Безумные кони» [\[12\]](#), как вдруг прервал сам себя.

— Помнишь, Терри, чем мы занимались под эту мелодию?

Тереза отпустила грязный смешок, однако последовавшая ложь прозвучала вполне пристойно. Она подняла бокал шампанского и вызывающе посмотрела на Рода:

— Как я могу что-то помнить, если ты начал с того, что напоил меня дешевым сидром!

Род кинул в нее хлебный катыш, сделав вид, будто рассердился.

— Извини! Может, тот сидр был и дешевый, но у меня из-за него до конца месяца вышла вся стипендия.

— Ха-ха! — Тереза ответила тем, что угодила куском моркови точно в стакан Рода. — А тебе и не нужны были деньги. Ты перебрался в мою комнату и питался моим шоколадным печеньем!

Рода ураганом снесло со стула. Даже по прошествии двадцати лет Терезе по-прежнему нравилось смотреть на то, как ее муж вытягивается в полный рост. Это был медведь шести футов пяти дюймов: большой, широкий и очень славный. В нем не было ничего, что можно было бы назвать заурядным. Все было резко выраженным и особенным. Его волосы табачного цвета неожиданно переходили в большую рыжую бороду, которая казалась искусственной. Глаза у него были такими зелеными, что его частенько обвиняли в том, что он носит цветные контактные линзы. Сложен он был великолепно, чего не могла скрыть одежда, которую он выбирал небрежно и вместе с тем всегда оказывался прав. Одна лишь Тереза могла видеть его животик, когда они оказывались вдвоем в спальне.

Для нее это не имело значения. Разумеется, не имело. Женщины не обращают внимания на изъяны мужских тел. Это ужасно несправедливо, но так уж в мире повелось.

Род бочком обошел вокруг стола. Бумажный колпак закрывал ему один глаз, придавая мальчишеский вид.

— Твое шоколадное печенье? А кто в два часа ночи шарил по чужим полкам и воровал для тебя это шоколадное печенье?

Слабо защищаясь от его нападения, Тереза подняла руки.

— Может, так и было, но и у меня кончилась стипендия. Я ее всю потратила на серебрястые тени для глаз. Мне казалось, что так я буду похожа на Сюзи Кватро.

— Ты была гораздо симпатичнее Сюзи Кватро, — прошептал он.

Род поднял ее со стула, будто она совсем ничего не весила, и одним ловким движением отнес к камину и легко опустил на ковер. Когда оба перестали смеяться, Род принялся гладить ее лицо с нежностью, от которой она расплакалась.

— А слезы от чего? — спросил Род.

Тереза глубоко задышала, чтобы не испортить пудру и румяна.

— Не понимаю, почему ты меня так сильно любишь.

Род крепко обнимал ее.

— Все очень просто. Я люблю тебя за то же, за что любил, когда тебе было девятнадцать. Ты умная, смешная, грубая, сумасбродная, любящая, добрая и...

— Но не красивая.

Род отпустил ее и поднялся.

— Только не надо снова об этом.

Тереза попыталась заглядить вину. Она вскочила и обвила его сзади руками вокруг пояса.

— Прости, дорогой. Я не собиралась начинать. Просто...

Род повернулся и сердито посмотрел на нее.

— Просто все дело в том, что если я двадцать раз в день не буду говорить тебе, что ты прекрасна и сексуальна, значит, я не люблю тебя и у меня явно интрижка с какой-то воображаемой тощей пигалицей.

Он убрал руки Терезы с пояса и налил себе виски.

Тереза бросилась к нему и уткнулась лицом ему в грудь. Он не сделал ни малейшего движения, чтобы коснуться ее. Его холодность убивала ее.

— Прости меня, прошу тебя. Обещаю, больше никогда не буду этого делать. Никогда не буду об этом говорить. Честное слово, я попробую.

Род издал вздох разочарования, который внушил его жене страх. Он смотрел на нее недоверчиво.

— Нет, ты и пробовать не станешь. Знаешь, все произойдет само собой. В конце концов ты измучишь меня, и я скажу то, что ты хочешь от меня услышать. И скажу это в гневе. Я скажу неправду, но ты ей поверишь. А я скажу, и все тут. И конец. Почти двадцать лет брака.

Он перевел дыхание и смягчился, увидев выражение полного отчаяния на лице своей жены, которую он так любил.

— Терри, я люблю тебя. Для меня ты всегда будешь красивой молодой девчонкой, которую я встретил в Брайтоне. Я вижу только тебя и только тебя люблю.

Он обнял ее, и она прильнула к нему точно спасательный пояс. Такие прекрасные слова, но она услышала только два: «Для меня». Она понимала, что они означают. Они означают, что, пожалуй, только он один находит ее красивой. Эти слова подтверждают то, что она безобразна на взгляд любого нормального человека, не обремененного предельной преданностью и добротой.

Они долго стояли обнявшись, и каждый думал о своем.

«Всех с Рождеством», — пели музыканты группы «Slade» без намека на иронию.

В квартире Гейл Бэтхерст был рождественский вечер.

Из новомодной стереоустановки разливался волшебный голос Джесси Норман. Наевшись до отвала, Гейл расхаживала по квартире, полной ненужных украшений. Повсюду валялись пакетики из-под орешков. Гейл облачалась в одежды. В индийском халате с изображением богинь плодородия она прекрасно вписывалась в окружающую обстановку. Все стены были густо покрыты картинками тучных обнаженных женщин. Дешевые портьеры свисали над плохо сочетающейся с ними антикварной мебелью, а китайские ковры с замысловатым рисунком едва прикрывали плиточный пол терракотового цвета,

напоминавший об игре в «классики».

Где-то в квартире слили воду в туалете, и вторая женщина проковыляла в шлепанцах по коридору в сторону гостиной.

— Что стоишь стеной, подвинься.

Гейл нетрезвым взглядом посмотрела на интервента поверх стакана с портвейном.

— Поищи себе другое место, старая кляча, — бодрым голосом ответила она своей приятельнице.

Эмма Лэмминг изящно опустилась в шезлонг, точно героиня Джейн Остин, и сделала это не столько из чувства собственного достоинства, сколько затем, чтобы не держать на ногах ужин. Когда она растянулась, ее тело свесилось по краям расшитой узорами лежанки. Посторонний изумился бы, увидев такую массу, ибо Эмма с огромным тщанием прятала все лишнее под очень дорогой одеждой.

Эмме было двадцать девять лет, и она никогда не простирала интересы за пределы своей тучности. В ее собственной жизни не было ничего такого, что не зависело бы от ее комплекции. А началось все рано.

Она явилась в этот мир одиннадцати фунтов десяти унций веса. У нее все в семье были большими. Вину за это списывали на гены, и Эмма тоже с радостью придерживалась этого объяснения, пока не стала бывать на обедах в домах подружек и не узнала, что не все готовят так же, как ее мамочка. Она думала, что это обычное дело — есть каждый вечер пироги или что-нибудь жареное вместе с ломтями хлеба толщиной со ступеньку и кусками масла, способными закупорить любую артерию. Она думала, что картошка бывает только в виде чипсов, а оказывается, есть люди, которые питаются овощами. Некоторые едят мясо без пирожных. Некоторые прекращают есть, насытившись. Некоторые едят только три раза в день.

Ей было одиннадцать, когда она поняла, что неизбежно станет толстой, если будет продолжать в том же духе. А ела она очень много, и началось все с того времени, как ее отняли от груди. Родителей, и особенно мать, она обвиняла в невежестве. Она ненавидела их за то, что они передали ей огромный неутолимый аппетит и пристрастие к еде, которое ей, кажется, было не преодолеть. Но больше всего она ненавидела семью за то, что никто не хотел ей верить и все продолжали идти по этой глупой, безнадежно глупой дорожке к сердечным приступам и преждевременным смертям. Что до нее самой, то склонность к саморазрушению, бывшая семейной чертой (в более здоровых семьях это любовь к искусству и пребыванию на свежем воздухе), проявлялась у нее в чрезвычайно беспорядочном потреблении пищи.

Эмма яростно металась от отсутствия аппетита к ненормально повышенному желанию поесть, от пиршеств к голоданию. Она не раз была на краю смерти и не однажды желала покончить с такой жизнью.

Она даже извлекала выгоду из своей болезни. Когда ей было девятнадцать и она находилась в нервном отделении больницы, у нее случился приступ, и врач предложил ей описать ее взаимоотношения с едой в качестве опыта самопознания. Доктор был до того поражен ее откровенным, доступным и веселым отчетом, давшимся, впрочем, не без мучений, что убедил ее отослать текст в журнал. Так началась ее карьера в журналистике. Оставаясь свободным художником, она печаталась во всех крупных женских журналах и рекламных изданиях. Она освещала широкий спектр женских вопросов, но неизменно возвращалась к проблеме лишнего веса и всему тому, что связано с едой.

Она весила чуть больше четырнадцати стоунов. При зарождении ТФБП, взяв интервью у Гейл, она совершила серьезную попытку покончить с собой. Это случилось восемнадцать месяцев назад.

— Эмма, ты собираешься звонить папе и маме?

Эмма отвернулась от Гейл, для чего ей пришлось с немалыми усилиями переменить позу.

— Зачем? Все собрались у моей няни, а у нее нет телефона. Да и потом, папа напьется, а мама будет храпеть в кресле, подоткнув под себя юбку. А ты? Ты-то собираешься кому-нибудь звонить?

— Мне некому звонить, Эм, — коротко ответила Гейл.

Эмма не настаивала. Их дружба быстро развивалась с первых дней ТФБП. Они обнаружили друг у друга качества, которые отличают признаки представителей низших слоев общества. И та, и другая лишь отчасти избавились от этих наклонностей, у каждой были свои барьеры, и обе уважали друг друга за это. Только барьер Гейл был гораздо толще и выше, чем у Эммы. Иногда Гейл казалась Эмме несколько лицемерной, особенно когда та настаивала, чтобы новые члены исповедовались и саморазоблачались, а сама не обременяла себя излишними откровениями. И тем не менее Эмма была благодарна за дружбу, равно как и за дух товарищества, царивший в ТФБП, позволявший ей чувствовать себя не столь одинокой и не такой чужой.

Несколько минут прошло в приятном для обеих молчании, пока Эмма не возобновила разговор, который начался за обильным ужином.

— Значит, ты и правда не станешь есть таблетки для похудения, ни при каких обстоятельствах, даже если все другие сядут на них?

Чтобы довод прозвучал убедительнее, Гейл приняла серьезный вид.

— Знаешь, как бы мне ни нравилась Марина Ризенталь, а я и в самом деле думаю, что она в состоянии много чего и предложить нашей организации, и получить от нее; мы все-таки можем обойтись без этих разрушительных семян, подрывающих нашу решимость и общее дело.

Эмма ощутила необходимость защитить Марину в ее отсутствие.

— Она и не говорила, что это так уж замечательно, просто эта возможность перед нами, и нам всем нужно принять то или иное решение относительно того, как мы ко всему этому относимся.

Гейл не без усилия дотянулась до бутылки портвейна и до краев наполнила свой стакан, а по пути прихватила пару шоколадных конфет с ликером.

— Дело в том, что мы знаем, как к этому относимся.

— Вот как?

— Эмма, ради Бога, ты помогла мне сформулировать нашу философию, нашу цель. Мы договорились, что больше не будем пытаться соответствовать общепринятым стереотипам женской красоты. Это означает, что мы не собираемся худеть только лишь потому, что кто-то говорит, будто мы должны быть худыми. Значит, мы не собираемся принимать таблетки для похудения только потому, что кто-то говорит, что мы должны похудеть. Все просто. Разве не так?

Эмма быстро проглотила свой джин, дабы залить сомнение, которое угрожало вырваться у нее из горла.

— Ты права, Гейл. Будешь сэндвич с индейкой?

В доме Рика Гиффорда в Бакингемшире «день подарков»^[13] удался как нельзя лучше. Все чинно, празднично и богато. Дети шумели в огромном саду и не мешали взрослым наслаждаться обществом друг друга в гостинной.

Рик и его жена Джилли удобно устроились в непомерно больших уютных креслах. Оба углубились в книги, которые подарили друг другу в качестве идеальных рождественских подарков. Когда-то они изучали философию в Кембридже и прекрасно знали литературные вкусы друг друга. Пили они охлажденное шампанское «Poilly Fume», закусывая глазированные орехами, и слушали Малера^[14]. Царила атмосфера взаимопонимания. Время от времени один из них отрывался от книги. Тотчас то же самое делал и другой, и они обменивались взглядами, полными понимания и удовлетворения.

Идиллию не нарушали ни напряжение, ни подводные течения, ни угрозы. Такой и должна быть жизнь.

Если не считать того, что Рик больше не любил свою жену. Или свою работу. Или своих детей, — особенно своих детей. И это чувство нелюбви зародилось не только что. Оно росло больше пяти лет. Он уже научился маскировать свое разочарование. Улыбаясь своей красивой, любящей, чувственной, умной и во всех смыслах совершенной жене, он мечтал о том, чтобы открыть кафе на пляже в Корнуолле.

Он уже все продумал. Он будет покупать одежду, которую не носил до сих пор. Бриться не будет. Жареную фасоль будет есть из банки. Он будет целыми ночами читать, а по воскресеньям бесцельно бродить. Изменит свое имя. Узнает названия всех полевых цветов и птиц. Будет разговаривать с незнакомыми людьми и слушать себя.

Чудесный, чужой, иноземный, дикий, старый и нестареющий, непредсказуемый Корнуолл. Он мечтал о том, чтобы сделаться там другим. Нет, не мечтал. Планировал. Нет, не планировал, мечтал.

Это его жизнь. Реальность и мечта сосуществуют в конфликте. И еще у него страшно, просто страшно болела голова.

В лаборатории Дэвида Сэндхерста был вечер «дня подарков».

Он уже избавился от девушки, которая вместе с ним соблюдала условности Рождества, требовавшие не оставаться в этот день в одиночестве. Дэвид провел пальцами по часам Сюзи. Он уже составлял в уме список маленьких и не таких уж маленьких покупок, которые позволит себе на деньги от продажи часов. А может, расплатится с долгами по кредитным карточкам. Его согревала мысль о том, что у него есть подобный выбор. Редкое удовольствие.

Уже в который раз Дэвид просмотрел свои записи. Он срезал множество острых углов, чтобы добраться до того момента, когда можно продолжать опыты на людях. С моральной точки зрения изменить цифры и результат для него ничего не значило. Таблетка действует, и он знал это. Он и сам принял одну без серьезных побочных эффектов (по его мнению, средняя женщина с лишним весом даже не обратит на них внимания ради того, чтобы похудеть). Кроме того, компания «Перрико» уже провела предварительные опыты с оксиметабулином, когда препарат еще считался потенциальным средством лечения астмы. Это дало возможность сбросить еще пять лет, которые могли бы быть потрачены на тестирование.

Вместе с тем тестирование оксиметабулина как препарата для похудения оказалось

делом более сложным, чем он мог себе представить. Обычно при тестировании какого-либо препарата одна группа испытуемых принимает настоящую таблетку, а другим дают «пустышку». Обе группы людей продолжают вести один и тот же образ жизни, поэтому возможные эффекты приписываются непосредственно действию препарата.

Однако странное у женщин отношение к еде! Он так и не смог найти хотя бы одну, которая питалась бы так, как предписано нормой. Все женщины с лишним весом, которые ему попадались, потолстели и заполучили в связи с этим проблемы вследствие неправильного режима питания и переедания.

И как, черт побери, он узнает, действует ли таблетка на толстую женщину, если та устроит пиршество или же станет голодать в середине программы? Он как-то прочитал статью журналистки по имени Эмма Лэмингтон, так она пишет, что бесполезно упрашивать женщин с лишним весом перейти на диетические продукты, потому что в ходе тестирования они в страстном желании извлечь из продукта максимум пользы будут тщательно следить за тем, что едят, не забывая о том, чтобы и выглядеть хорошо, а это усложняет дело.

Он пребывал в тупике, пока не встретил Марину Ризенталь, которая упомянула о ТФБП. И они всерьез это затеяли? Там что, собираются толстушки, которым наплевать на общественное мнение? Женщины едят что хотят без всяких там ненужных психологических мотивов, которые и испортили им режим питания? Женщины, чей вес (пусть и существенный) остается постоянным с того времени, как они забросили всяческие диеты?

Приступив к описанию хода испытаний, Дэвид отбросил мысли о Нобелевской премии и загорелся филантропической идеей при мысли о том, как щедро он одарит этих несчастных. Ему не терпелось начать как можно быстрее. Он размышлял над тем, какие перемены благодаря ему произойдут в жизни этих женщин. Судя по тому, что он читал, они были толстыми всю свою сознательную жизнь.

Благодаря ему они впервые станут стройными. Он тотчас задумался, какой эффект произведет на них эта трансформация. Смогут ли их метущиеся, искореженные души вынести то, что с них снимут защитный покров? Он пожал плечами. Да они из кожи будут лезть вон с благодарностями за то, что стали счастливыми, подумал он. Вслед за тем он отбросил все прочие мысли по этому предмету и сосредоточился на работе.

Дэвид Сэндхерст был доволен. Он нашел своих подопытных крыс.

— Хорошо провела Рождество?

Энди просунул голову в Маринину дверь, успев разглядеть, что происходит в стане врага и на экране его монитора. Он был вознагражден видом бюрократического Везувия, от которого Марина пыталась избавиться.

Марина посмотрела на него и отвернулась.

— Иди и умри где-нибудь.

— Я по делу, ничего личного.

Энди Клайн пожал плечами и пошел прочь, даже не позаботившись о том, чтобы спрятать ложь за своей фирменной кривой усмешкой. Интересно, подумала Марина, отчего это тощие кажутся совсем маленькими, когда их унизишь, тогда как толстый человек в таких случаях становится еще больше.

Она вытащила какие-то бумаги, придавленные тяжелым предметом, и выскочила за дверь. В кабинет Рика Гиффорда она ворвалась, не постучав.

— А что, стучаться больше никто не собирается? — коротко бросил он, не поднимая головы.

Марина фыркнула.

— Прошу прощения. Я на минуту вообразила себя Энди Клайном. Хотите, я выйду и снова войду, как будто это снова я?

— Неужели нам нужно начинать все это сразу после Рождества? Чувствую по твоему тону, что ты намерена лишить меня последних остатков рождественского благорасположения.

Марина вывалила на стол Рика груды бумаг.

— Полагаю, вы знали обо всем этом, раз уж Энди был вашей дрессированной обезьяной?

— Возможно, Марина, это действительно нечто важное, но происходит это в стенах моего агентства.

Предупреждение было очевидное, хотя и не до конца высказанное. Он не требовал, чтобы в будущем она называла его «сэром», но вполне мог бы это сделать.

Марина постаралась не покраснеть, но у нее ничего не вышло. Она почувствовала, как кровь волнами разлилась от подбородка до самой груди.

— Ладно, Рик, может, мне и не стоило этого говорить, но есть ли у вас какие-то соображения насчет того, с чем он меня оставил?

— Да, и могу вас заверить, что решение принять его предложение далось нелегко. Однако Пол Джером дал свое согласие, и я вынужден был признать, что это придаст кампании размах, какого еще не было.

— Ну уж.

Марину передернуло оттого, что ее первоначальная стратегия подверглась нападкам.

— Я не говорю, что ваши идеи оказались несостоятельны, просто Энди удалось предложить что-то такое, что дополнило их. СМИ уже начали проявлять интерес к девушкам-мойщикам окон. И к мальчикам, разумеется. Для «Спарклиз» это хороший пиар. Пол весьма доволен.

Ему вдруг стало жаль Марину, которая явно пала духом.

— Вы можете справиться с этим? То есть с тем, что в осадке?

Марина подумала о своем столе, который сгибался под тяжестью «осадков».

— Дайте подумать. Мне нужно обзвонить сто семь различных изданий, рекламных компаний, радио- и телестанций, сказать им, что мы вынуждены забрать у них восемнадцать процентов наших заказов даже несмотря на то, что мы не нарушили установленные сроки, но можем сохранить первоначальные цены. «Когда мы будем делать заказы для следующей кампании, вы сохраните с нами добрые отношения и по-прежнему будете нам доверять?» — вот вопрос. Могу ли я справиться с этим? Да. Но мне бы не хотелось. И вы это знаете, вы, мошенник и авантюрист.

Тереза так и застыла с полуоткрытым ртом.

— Ты прямо так и сказала?

— Ну конечно, нет. Подумала, но не сказала. Да меня натуральным образом тошнит, когда я вижу, как весь мой тяжкий труд разрушает какой-то хитрый мелкий чиновник, который занимает ту же должность, что и я, только лишь потому, что имеет какое-то тайное влияние на заместителя директора по административной части. Я ничего не сказала. Но вся кипела. И я сделала то, что сделал бы любой другой квалифицированный сотрудник после того, как подверглась сомнению его профессиональная пригодность.

Тереза понимающе кивнула:

— Купила большую коробку бельгийских шоколадных конфет и все их съела...

— Кроме начинки... — перебила ее Марина.

— Кроме начинки, разумеется, — уступила Тереза. — И съела их в туалете, чтобы никто не видел...

— А коробку и обертки спустила в самом шумном унитазе, чтобы скрыть следы...

— А потом почистила зубы зубной щеткой размером с хозяйственную сумку, достав зубную пасту из хозяйственной сумки, которая всегда при тебе...

Прежде чем продолжить, Марина проглотила профитроль.

— И прополоскала рот... отбеливателем...

— И вернулась на работу и сосчитала, сколько калорий только что переварила...

— Примерно три тысячи пятьсот, а это означает прибавку...

— ...почти ровно в один фунт, — мгновенно вычислила Тереза.

— И подумала, что мне придется заниматься часов десять аэробикой, чтобы сбросить его...

— А об этом, конечно, и речи быть не может, потому что только физически подготовленные и худые могут заниматься аэробикой десять часов...

— Без риска получить инфаркт, — согласилась Марина.

— А ты похожа на синтетическую морскую свинью...

— ...которых уже не делают 156 размера...

— И тогда тебя охватила паника...

— ...которой я обрадовалась, потому что учащенное сердцебиение точно сжигает калории...

— А потом ты поняла, что гнев твой наконец утих, но лишь затем, чтобы на смену ему пришла жуткая, глубокая депрессия, которую излечить можно только лишь...

— ...очередной порцией шоколадных конфет! — пропела Марина в унисон Терезе.

Они рассмеялись, хотя это была самая что ни на есть горькая правда.

Вместе им было хорошо. Они ладили, хорошо знали друг друга и все понимали без лишних слов.

Пудинг не доела ни та, ни другая.

Марина одобрила безупречный макияж своей новой подруги. Но даже самое дорогое маскирующее средство от «Шанель» не смогло скрыть морщинки, которых не было до Рождества.

— А ты как провела Рождество, Тереза?

Тереза взяла ложку и принялась яростно кромсать оставшиеся профитроли.

— Отлично.

Она зачерпнула побольше шоколадного соуса и без удовольствия отправила все это в рот. Марина посмотрела на нее и увидела себя. Их зарождающаяся дружба уже достаточно окрепла для междоусобицы, решила она.

— Судя по твоему голосу, это не так.

Тереза бросила ложку и откинулась на стуле.

— Потому что это не так. У меня самый замечательный на свете муж. Он купил мне браслет с бриллиантами и телепрограмму для детей. Мы замечательно поужинали, а готовили вместе. Мы пили дивное шампанское и слушали старые пластинки.

Марина подняла брови.

— То, что ты говоришь, ужасно. Я тебя ненавижу, потому что завидую.

— Самое ужасное началось, когда я открыла свой большой рот, эту часть тела, которая никогда не становится меньше, сколько бы я ни сидела на диете.

— Что ты сказала?

— Я спросила, нравлюсь ли я ему.

Марина охнула.

— Только не это!

Тереза стыдливо кивнула.

— Я всегда так делаю. Когда все так хорошо, что лучше и быть не может, я спрашиваю у себя, как же все это хорошее может происходить со мной, такой непривлекательной и толстой.

Марина не стала ей возражать. Она знала по собственному опыту, что это ни к чему. Хуже не придумаешь, чем ненавидеть саму себя, да и подшучивать над собой — все равно что наклеивать пластырь на разбитое сердце.

— И что сделал Род?

— То, что он делает всякий раз, когда я взваливаю это на него. Я знаю, как он будет реагировать, знаю, что он скажет, и тем не менее всякий раз спрашиваю. Он закрылся, ушел в себя, и остаток праздника мы провели за просмотром рождественских ситкомов^[15] и поглощением полуфабрикатов, рассчитанных на одну порцию.

— Если не хочешь отвечать, скажи, чтобы я не совала свой нос в чужие дела, но сколько ты весила, когда познакомилась с Родом?

Тереза рассмеялась.

— Знаю, о чем ты думаешь, и вот тут-то ты и ошибаешься. Ты думаешь, будто это классическая история мужчины, который женится на стройной девушке, а ту разносит, и ее начинают терзать сомнения по поводу того, что ее муж предпочел бы прежнюю стройную жену.

Марина прокляла себя за то, что смотрела слишком много программ Опры Уинфри^[16],

вместо того чтобы заниматься своей собственной жизнью. Она и правда держалась того убеждения, что люди делятся на условные категории, которые так любят в американских ток-шоу: «Когда-то моя жена была пампушкой, а теперь она толстушка!» (Восклицательный знак обязателен. Он подразумевает драму, хотя обычно ничего драматического не происходит.) Марина улыбнулась, признавая свою ошибку.

Тереза махнула рукой.

— Не беспокойся. Я и сама когда-то верила в этот миф. Нет, когда Род познакомился со мной, я была еще больше, чем сейчас. Все нормально, и не пытайся скрыть свое изумление, даже я изумилась, когда с годами стала немного тоньше.

Марина выглядела озадаченной.

— Тогда не понимаю, в чем проблема. Ты, наверное, самая счастливая женщина на Западе. Ты нашла фантастического мужчину, который за фигурой женщины видит человека. Я читала о таких мужчинах в статьях приличных с виду журналистов сомнительной сексуальной ориентации, но вообще-то никогда не верила, что они существуют.

Тереза оживилась.

— Вот именно! И я никогда не верила, что они существуют. И до сих пор не верю.

Марина покачала головой.

— Теперь ты меня совсем запутала. Он женат на тебе... уже сколько?

— Почти двадцать лет.

— Двадцать лет! Боже мой! Да ведь ты замужем за Полом Ньюэном^[17]! И он двадцать лет любит тебя, сохраняет тебе верность и не обращает внимания на твой лишний вес...

— *Говорит*, что не обращает на это внимания, — поправила Тереза Марину.

— По-моему, двадцать лет — достаточное доказательство преданности. Что еще он должен сделать?

Тереза обдумала вопрос, показавшийся ей разумным.

— Думаю, мне бы хотелось, чтобы он оборвал все связи со всеми другими женщинами и каждую секунду своей жизни, когда не спит, говорил мне, что я красивая. Да, и когда мы занимаемся любовью, чтобы не прикасался к моим бедрам и животу. Да, и чтобы никогда не говорил, что Мег Райан^[18] красивая, а потом не брал свои слова назад из страха, что я почувствую себя униженной. Ну и всякое такое.

Будто очнувшись, Тереза взглянула на Марину и увидела, что та смотрит мимо нее на другой столик. Она обернулась, чтобы узнать, что же стало объектом Маринино внимания. Ей все казались одинаковыми. Все профессионалы с блестящими лицами. Только женщины предпочитают красное, а историю жизни мужчин можно узнать по тому, какой галстук они выбирают.

Стол, на котором Марина остановила свой взор, был завален остатками пищи, как будто за ним только что пообедал холостяк. Тарелки с объедками были сложены друг на друга, но в бокалах не оставалось ни капли вина. Откусанные булочки лежали рядом с корзинкой для хлеба. Меню лежало нераскрытым, как библия Гедеонского общества.

Но Марина смотрела не на еду. Она видела перед собой отобедавших.

— Будьте здоровы, Пол! — Энди Клайн аккуратно чокнулся своим бокалом для бренди

с тяжелым хрустальным стаканом для виски, который держал в руке Пол Джером.

— И вы тоже, Энди. Отличный обед. Большое спасибо.

Энди удовлетворенно откинулся на стуле, довольный отношениями с Полом, которые еще более укрепились во время этого дружеского обеда. Он поставил перед собой задачу завязать дружбу с этим клиентом за три недели, несмотря на то что для этого пришлось прихватить кое-что от отпуска, и, по его мнению, ему это удалось, причем без особых трудностей.

— Итак, Пол, чем вы занимались в Рождество? Снова те же смертельно скучные обязательные визиты к матушке и батюшке или же пятидневное заточение с женщиной вашего выбора, а может, и мечты?

Пол Джером не поддался на то, чтобы по-мальчишески изощряться в остроумии, как того хотелось бы Энди.

— Я действительно ездил домой, но это совсем не было «смертельно скучным обязательным визитом». Только в Рождество все мои братья и сестры собираются вместе. Мы все праздники занимались тем, что провожали старый год, смотрели на видео старые черно-белые фильмы и пели песни из мюзиклов. По правде, так я себе представляю рай.

Благодаря несомненному актерскому мастерству, Энди придал своему лицу выражение, ни намеком не обнаружившее ужас, который он ощутил. Если рай и в самом деле такой, каким его описал этот странный человек, тогда он ускорит приближение к грешной жизни, чтобы можно было гарантировать себе место в вечности, где НИКТО не поет песни из «Скрипача на крыше»^[19].

— Здорово! — с энтузиазмом отозвался Энди, и на его лице мелькнула маниакальная улыбка.

Пол почувствовал интерес к предмету разговора.

— А вы? Чем вы занимались в Рождество? Ездили к своим?

Энди подумал о «своих»: об отце, представление которого о преданности семье состояло в том, чтобы оставлять дома обручальное кольцо, перед тем как отправиться к любовнице; о матери, которая всю жизнь каждый день ходила в церковь, заранее вымаливая прощение за ненависть к мужу, которая заполняет ее мысли, не занятые в течение дня ничем другим; о сестре Перпетуе, которая спала со всеми друзьями своих родителей, наказывая их за то, что те наградили ее нелепым именем и детством без любви.

Он подумал о Рождестве: обязательное присутствие на полуночной литургии, когда все молились с закрытыми глазами на тот случай, если будут смотреть соседи; церемония вручения подарков, когда безделушки от Эспри и Тиффани обменивались на любезные охи и ахи; непристойно обильный обед, который приходится терпеть под рождественские гимны, звучащие достаточно громко для того, чтобы разговор вести было невозможно.

— Рождество? — он задумался. — Да такое же, как и у вас. Собралась вся семья, и занимались тем, чем обычно.

Он глотком допил свой бренди, прежде чем направить разговор в более безопасное русло.

— Ну и как члены правления восприняли мою новую идею?

Пол задумчиво провел пальцем по бокалу.

— Все находятся под впечатлением документов, которые вы прислали каждому из них. Несомненно, щедрый подарок в виде бутылки виски, который вы приложили вместе с документами, помог склонить их на вашу сторону. Вообще-то вам не стоило подкупать их,

предложение и без того достойно внимания.

Энди рассмеялся.

— Это не взятка, а рождественский подарок. Трудно ожидать от директоров, которые отяжелели от рождественских обедов, продолжавшихся несколько недель, что они станут копать в скучной поднадоевшей статистике, если не предложить им глоток спиртного...

Энди умолк, догадавшись, что клиент не слушает его. Он обернулся, чтобы позвать официанта, и неожиданно увидел Марину.

— Вы видели, кто там?

Энди вытянул шею и увидел объект внимания Пола. Ему не потребовалось много времени на это, потому что он точно знал, где сидит Марина. Он это знал, потому что секретарша Марины сделала заказ несколько дней назад, после чего последовало приглашение «экспромтом» Пола на обед и тщательный выбор столика после тайных переговоров со старшим официантом.

Его удивление прозвучало убедительно и искренне.

— Господи помилуй, да это же Марина! Вот уж не думал, что и она здесь бывает. Вот так совпадение!

— На кого это ты уставилась?

Тереза повернулась в ту сторону, куда смотрела Марина.

— Ты помнишь того узурпатора-мошенника, который пытается увести у меня клиента? Это он. С моим клиентом.

— Вау! Прямо закадычные друзья. Теперь понимаю, почему ты так переживаешь.

— Лучше бы мне этого не делать. Дело в том, что денежными счетами я не распоряжаюсь. Мы с Энди должны разделить доход от сделки.

Тереза понимающе кивнула.

— А он разве из тех, кто делится?

Марина с жаром набросилась на пудинг.

— Именно.

Тереза как бы нечаянно уронила салфетку и тайком бросила в их сторону еще один взгляд.

— Извини, не сочти меня предательницей, но, по-моему, он вполне симпатичный.

Марина улыбнулась.

— Это ты о Поле Джероме? Да, это так. Но, судя по твоим рассказам о муже, тебя тянет к высоким мужчинам.

Тереза громко рассмеялась.

— Вовсе нет! Не в росте дело. То есть он и ростом хорош, но Род испортил мне представление о высоких мужчинах — их и рядом с ним не поставишь. Нет, я о другом — об узурпаторе-мошеннике. На вид такой же жуликоватый, как Джек Николсон.

Аппетит у Марины пропал так же быстро, как и появился.

— Bravo. Он лучший друг зама, беспринципен и на вид такой же жуликоватый, как Джек Николсон. Так можно ли тут по-справедливому вести борьбу?

Марина взяла ее руку и заговорщицки погладила ее.

— По-справедливому ведут борьбу только в фильмах Эррола Флинна [\[20\]](#). В жизни дерутся голыми руками.

У Пола был озадаченный вид.

— Кажется, они взялись за руки. А Марина не... ну вы понимаете...

Энди импровизировал, довольный тем, какая перед ним развернулась сцена.

— Я всегда что-то подозревал, но никогда ничего не говорил, потому что я из тех, кто считает — «живи и дай жить другим». Вы же знаете этих толстухек. У меня есть теория, я думаю, некоторые из них сознательно портят себе внешность, чтобы мужчины не подумали чего-то лишнего, если вы понимаете, о чем я.

Пол пришел в ужас от столь бесцеремонного заявления, но не знал, что этому противопоставить, не желая признать, что он и сам, в общем, находит Марину не такой уж непривлекательной. Это признание удивило его, потому что она была далеко не его «типом». Он даже, к стыду своему, ощутил неловкость оттого, что его привлекает, пусть и слабо, толстая женщина. Он был уверен, что от этого кажется чудачком, посмешищем для мужчин с приемлемыми с общественной точки зрения вкусами. Он ничего не сказал. В голове у него все перепуталось.

Энди заметил, что Пол чувствует себя неловко, и решил использовать это. Он поднял руку и стал махать Марине.

— Попрошу их присоединиться к нам и выпить за компанию, хорошо?

Пол схватил его за руку и потянул ее вниз, крепко прижав к столу. Ему нужно было какое-то время, чтобы обдумать эти новые возможности, и он хотел отложить встречу с Мариной, пока не придет в более спокойное расположение духа.

— Нет! То есть не сейчас. То есть мне пора. У меня встреча, — пробормотал он.

Пол увидел, что Марина смотрит на него, и неловко помахал ей.

У Терезы был озадаченный вид.

— Кажется, они взялись за руки. А они не... ну ты меня понимаешь...

Марина задумалась.

— Энди Клайн переспал со всеми женщинами в агентстве, которые весят меньше девяти стоунов.

Тереза фыркнула.

— Это ничего не доказывает! И ты говорила, что у вашего зама что-то не так. Теперь мне многое становится понятным.

Марина была безразлична к предпочтениям Энди. Внутренне она испытывала разочарование от того, что узнала насчет Пола. Хотя Марина и догадывалась, что он никак не может интересоваться такой кляксой, как она, мысль о том, что и такое возможно, утешала ее.

Она помахала Полу в ответ. И задумчиво пробормотала про себя:

— Это совершенно меняет дело.

Марина окинула взглядом гору одежды, которая лежала на ее кровати точно разноцветный Эверест. Она пыталась собрать вещи для поездки на конференцию в Нью-Йорк, и эта задача угнетала ее. Ее чемодан наверняка будет в два раза больше чемоданов других делегатов, поскольку для того, чтобы выглядеть безупречно профессиональной и стильной, ей приходилось прилагать громадные усилия.

В дверь позвонили. Марина никого не ждала. Она забеспокоилась и принялась носиться по квартире в поисках оберток от еды, которые обыкновенно валялись на полу. Но ничего не было. Успокоившись, Марина подошла к пультау внутренней связи. Она восхитилась тому, как контроль над потреблением пищи постепенно становится частью ее жизни, тогда как сама она и не обращает на это внимания. Три балла ТФБП.

— Алло? — произнесла она слабым голосом, чтобы в случае чего сказатьсь больной и избавиться от торговых агентов, Свидетелей Иеговы или убежденных сторонников либеральных демократов. Любой из этих вариантов был возможен, поскольку никто из ее знакомых никогда не явится без приглашения — все знали, как она ненавидит сюрпризы.

Но такого сюрприза она никак не ожидала.

— Привет, Марина. Это Дэвид Сэндхерст.

Марина не сразу вспомнила отвратительную вечеринку у Сюзи, когда ей дали в пару симпатичного ученого. Шок от того, что этот человек появился у порога ее дома, был так велик, что она напрочь забыла свою хорошо отрепетированную речь во имя избавления от непрошенных гостей (очередная мигрень, потоп от стиральной машины, тропическая лихорадка — все зависит от настойчивости посетителя). Вместо этого она поймала себя на том, что отвечает девичьим голосом, к которому в первый раз прибегла при знакомстве с Дэвидом.

— А, привет! Какой приятный сюрприз!

Пауза затянулась, пока Марина с удвоенной энергией разыгрывала про себя в ролях несколько сценариев этой встречи. Когда она находилась в середине сценария, где сбросила семь стоунов и Дэвид сделал ей предложение, ее мечты прервал чуть нетерпеливый голос.

— Так вы собираетесь впустить меня? Тут снег идет.

Вздвигнув, она извинилась и быстро нажала на кнопку, чтобы внизу открылась дверь. Взглянув в зеркало и убедившись, что на косметическую хирургию нет времени, она поплевала на ладони и пригладила растрепанные волосы, после чего ловко нанесла один слой красной помады типа «ничем не соскоблишь».

Марина открыла дверь и увидела Дэвида Сэндхерста, который казался небрежно божественным. Она тотчас переняла эту небрежность, зная, что такая манера поведения располагает, и пригласила его войти. Он лениво прошествовал в гостиную, упиваясь своим огромным физическим превосходством над этой несчастной женщиной, которая не очень-то умело скрывала свой интерес к нему.

Он огляделся и нехотя признался про себя, что квартира весьма стильная. Когда у него будут деньги, он заведет себе такую же. Чтобы иметь вкус, нужны деньги, на этот счет он был уверен. Зависть материального свойства кольнула его в живот. Или это просто голод? Опять *то самое* время месяца. Предзарплатное.

— Хорошенькая квартира, — объявил он, проводя пальцем по вставленным в

серебряную рамку нотам, подписанным Коулом Портером^[21].

— Спасибо, — жеманно ухмыльнулась Марина, проклиная себя за то, что совершенно неспособна на какие-либо контакты с мужчинами вне сферы профессиональных интересов. Она решила побороть смущение, предположив, будто Дэвид — ее клиент, а заодно напустила на себя вид деловой женщины, который помог ей добиться успеха в бизнесе и в обретении друзей. Неуверенный тон девочки-подростка уступил место ее обычной манере разговаривать.

— Хотите чаю или кофе или чего-нибудь покрепче? — заговорила она. — У меня есть вино в холодильнике.

Дэвид улыбнулся, и Марина лишилась бы чувств, если бы ее врожденный здравый смысл не подсказал ей, что подобная реакция уместнее для героини Джейн Остин в корсете, препятствующем нормальному кровообращению.

— С удовольствием выпил бы стакан вина. Спасибо.

Марина устремилась на кухню, торопясь достать вино, прежде чем ее гость последует за ней и увидит содержимое холодильника. В это утро она стояла перед трудным выбором. Собрание ТФБП было назначено на вечер, и она не была уверена, сможет ли на него пойти. Дни всегда складывались нелегко, когда она собирала вещи; еще одно напоминание о том, как тяжело человеку с лишним весом.

Выбирать надо было одно из двух: либо спрятать напряжение в герметически закрывающийся тайник подальше от желез, регулирующих аппетит, пока не появится возможность просто выплеснуть его на грудь понимающих сестер, либо бесстыдно набивать рот едой, пока ужасная, до головокружения тошнота не переполнит ее, не оставив места для эмоций, случись тем зародиться. Выбор и в самом деле трудный, однако появился он впервые в жизни. И надежда была, а вот решимости, к сожалению, не было. Мысль о поездке в Нью-Йорк переполняла ее страхом, смягчить который можно было только покупкой двенадцати шоколадных эклеров. Она намеренно обходила холодильник, пока пирожные не будут срочно востребованы в качестве успокоительного средства.

— Отличная кухня!

Марина чуть не закричала, услышав в нескольких дюймах от себя голос Дэвида. Она поплотнее прикрыла дверцу холодильника и повернулась к нему лицом, держа бутылку охлажденного «шабли», как полицейскую дубинку. Увидев тревогу на его лице, она опустила бутылку с обезоруживающим смехом.

— Проверяю свои рефлексy, — слабо пробормотала она.

Дэвида, похоже, это не убедило, и он быстро ретировался из кухни. Марина воспользовалась тем, что он повернулся к ней спиной, и вытерла бутылкой лоб в тщетной надежде стереть пот, который струился по ее пылающему лицу. Глубоко вздохнув, она попыталась успокоиться и последовала за гостем в комнату.

Она разлила вино по двум стаканам, подумав, что было бы лучше, если бы она перед этим съела что-нибудь существенное, а не просто запила стаканом воды порошок для похудения и проглотила горстку таблеток с отрубями, которые должны разбухнуть и дать ей чувство насыщения. Знаю, знаю, ответила она своей совести. Что происходит с моим новым, здоровым, не болезненным подходом к еде? Да и в ТФБП я была всего-то пять минут. Дайте мне еще немного побыть в своей привычной скорлупе.

— Будьте здоровы, — произнесла она с вымученной улыбкой и пропустила полстакана вина вместо запланированного глотка.

— Вы тоже, — ответил Дэвид и по достоинству оценил вкус превосходного вина. Он уже давно не пил вина, которое поступало бы не с оптовых складов стран восточного блока. — Так-так, Марина. Рад снова увидеться с вами. Я собирался поговорить с вами после ужина у Сюзи, но вы тогда заторопились.

Он умолк, и Марина поняла, что он ждет объяснения, почему она так быстро ушла.

— Да, простите, что я не попрощалась.

Она могла бы сослаться на то, что у нее случилось расстройство желудка, но желудок расстраивается только у худых — толстые не должны признаваться в каких-либо нарушениях в организме, имеющих хотя бы отдаленное отношение к пище. Поступить так — значит спровоцировать критическое замечание.

— У меня разболелась голова.

Дэвид сделал вид, будто проникся сочувствием.

— Жаль. Да я и не знал, захотите ли вы со мной разговаривать. Если не ошибаюсь, предмет разговора вызвал у вас тогда некоторую неловкость.

Марина задумалась, услышав эти слова. Неловкость? Если бы! Да меня все глаза раздевали догола и рассматривали каждый дюйм на каждом фунте моего дряблого рыхлого ужасного тела, да я видела, с каким отвращением они на меня смотрят, объявив мою жизнь омерзительной. Неловкость? Да мне умереть хотелось. Самым настоящим образом. Это, по-вашему, неловкость?

— Вовсе нет. Я знаю, что мой лишний вес может быть предметом разговора, но это не проблема.

Здорово я повернула, подумала Марина, я и сама в это верю. Почти, но не совсем.

Дэвид думал то же самое, но он нуждался в поддержке этой женщины, поэтому не торопил ее.

— Что ж, тогда хорошо. Мне правда радостно слышать, что это не проблема, потому что именно об этом я и хотел с вами поговорить.

Марина попыталась изобразить удивление. Боже, только не это! Вы собираетесь поговорить со мной о моем лишнем весе? Да разрази меня гром! Я-то думала, что вы пришли затем, чтобы обсудить роль Квентина Тарантино в истории постмодернистского кинематографа. Она тщательно отредактировала свои мысли, так что осталось пару слов.

— Вот как?

Дэвид с жаром продолжал.

— Вы рассказывали о группе. Кажется, вы говорили, она называется ГФБП.

— Да. Хотя я и не фанатик. Я хожу к ним только несколько месяцев.

— Да-да.

Дэвид терпеть не мог, когда его перебивают, особенно когда он так тщательно подготовил вступление, не предусмотрев паузы для тех, кто любит задавать вопросы.

— Меня вот что заинтересовало. Вы сказали, что члены группы питаются нормально, ну, во всяком случае, так же нормально, как всякий, кто не... я хотел сказать... ну вы меня понимаете.

Он сделал паузу в ожидании ободряющей улыбки или хоть какого-то уверения в том, что обида не нанесена. Никакой реакции не последовало. Он продолжал свою речь.

— Видите ли, у меня проблема.

Марина подавила в себе несколько вопросов, от остроумных до оскорбительных.

— Как вам известно, у меня есть препарат, который, похоже, сможет разрешить эту

самую большую в мире проб... — он откашлялся, — то есть трудность с лишним весом, при этом не нужно будет садиться на диету или заниматься какими-то упражнениями.

В этом месте у аудитории обыкновенно вырывался вздох восхищения. У Марины не осталось в легких воздуха для вдоха, поскольку вся ее энергия ушла на втягивание живота и щек. Она довольствовалась профессиональным кивком, который удовлетворил острую потребность Дэвида в поддержке, если не в поклонении.

— Так вот, сейчас мы подошли к стадии тестирования, и тут-то и возникла дилемма. Понимаете, есть определенные нормы.

Да, подумала Марина, я знаю, что такое нормы. Но клянусь, вы мне это будете разьяснять, потому что, возможно, я не только толстая, но еще и глупая.

— Нормы — это установленные правила и методологии для испытания новых лекарств, — разьяснил Дэвид. — Как и прочие правила и инструкции, — прибавил он на тот случай, если его слова могли показаться немного запутанными.

Марина оставила попытки втянуть щеки. От этого она не только не казалась худее, но явно и не умнее.

— Обычно эта процедура оговаривается. Берут группу людей с одной общей проблемой, или трудностями, как в нашем случае, — поспешно прибавил он. — Затем половине дают настоящее лекарство, а другой половине — «пустышку».

Теперь он будет мне рассказывать, что такое «пустышка», мрачно подумала Марина.

— «Пустышку» прописывают для успокоения больного, это не настоящее лекарство.

Спасибо.

— А поступаем мы так потому, что если проблемы... то есть трудности, будут уходить, мы наверняка узнаем, что приносит лечение — настоящее лекарство или же просто мощный психологический эффект от глотания таблеток, любых таблеток.

— Мне все это известно.

Марина не могла скрыть своего раздражения. Мужчина он, конечно, хоть куда, но если он не сменит этот покровительственный тон, да как можно скорее, то она ответит ему как следует.

— Ах, простите!

Дэвид быстро вошел в тот образ, над которым Марина распускала слюни. Должно быть, я теряю свой стиль, выругался он про себя. Его поразила внезапная мысль о том, что на какую-то долю секунды он внушил омерзение этой омерзительной женщине.

— Просто я хотел быть уверен в том, что вы правильно поняли, почему ваше общение с ТФБП так важно для меня.

— И что дальше? — холодно спросила Марина.

Дэвид содрогнулся, услышав этот ледяной ответ, а потом продолжал:

— Когда я столкнулся с нормами тестирования, я еще не понимал, что причуды аппетита, а точнее, неправильное питание приводит к тому, что выбрать людей для участия в эксперименте будет нелегко.

— Но вы ведь выбираете людей одного и того же веса и с одной и той же историей болезни?

Марина поймала себя на том, что этот предмет начинает ее интересовать.

— Это не так-то просто. Вы только подумайте. Каков ваш средний ежедневный рацион?

Марина шумно выдохнула. Вопрос ей страшно не понравился еще и потому, что от прямого ответа не уйти. Она решила отвечать серьезно, больше не беспокоясь о том, что о

ней подумает Дэвид.

— Вас интересует то, что со мной было до ТФБП? Сейчас я срежу самые острые углы моего рациона питания.

Она скрестила за спиной пальцы, вспомнив о горе шоколадных эклеров в холодильнике.

— В прошлом, отвечу так, у меня не было среднего ежедневного рациона. Я либо сидела на диете, ограничивая число калорий до уровня голодания, либо существенно переедала.

По поводу переедания она не стала распространяться, почувствовав, что описание типичного пиршества он сочтет неправдоподобным. Остатки ее гордости, пусть и небольшие, не позволили ей детально разрабатывать эту тему.

— Именно! — возбужденно объявил Дэвид. — И это должно означать, что ваш вес все время то увеличивался, то снижался.

Боже, как же это противно, когда все только о ее весе и говорят.

— Видите ли, я много лет назад перестала взвешиваться, однако, да, полагаю, что в течение месяца он, вероятно, колебался на пару стоунов то в одном, то в другом направлении.

Это застало Дэвида врасплох. Он и представить себе не мог странный образ жизни, который провоцирует такие огромные взлеты и падения. А это подразумевает изменения в тысячи калорий каждый день. Он взял себя в руки.

— Правильно. На пару стоунов. Вот вам и трудность. Допустим, у нас есть две группы женщин, одна принимает настоящий препарат, другая — «пустышку». Как мы узнаем, оказывает ли оксиметабулин свое действие, когда вес всех женщин то увеличивается, то снижается просто из-за нерегулярного питания?

Марина начала понимать, к чему он клонит.

— Значит, то, что вам нужно, это группа, по сути, две группы женщин с относительно стабильным рационом питания, чтобы любое изменение веса можно было непосредственно приписать действию лекарства?

— Точно так! Но тут возникает вопрос: если они питаются стабильно, значит, скорее всего, не наберут лишний вес.

Марина продолжила эту мысль.

— Если только уже его не имеют, а стабильное питание позволяет им сохранять комплекцию, не уменьшая и не увеличивая ее. Это и есть философия ТФБП.

Дэвид откинулся в кресле. Его послание достигло цели и было осмыслено. Он выждал несколько мгновений, чтобы его теория была получше усвоена, прежде чем перейти к цели своего визита.

— И вот зачем я здесь. Видите ли, ТФБП — это и есть ответ. Если я правильно понимаю, группа состоит из женщин, которые принимают как есть положение вещей.

— Вы изображаете дело так, будто они смирились с неизлечимой болезнью. Они... то есть мы принимаем наши тела такими, какие они есть, и мы просто-напросто решили, что физические изменения не должны омрачать нашу жизнь и становиться навязчивой идеей. (Вот сейчас мне точно нужен шоколадный эклер.) Мы едим что хотим, когда хотим, и еда, следовательно, утратила свое значение в нашей жизни. Да, мы питаемся стабильно, или, если угодно, нормально. (Когда еще раз пойду на кухню, запихну кусочек в лифчик и съем эклер в туалете.)

Дэвид увидел, как по лицу Марины разливается мечтательное выражение, и ошибочно принял его за феминистский пыл.

— Фантастика! Именно это я и хотел услышать. И что же вы об этом думаете? (Да в лифчик можно запихнуть и четыре эклера, если затолкать их в чашечки.)

— Как вы думаете, члены ТФБП согласятся принять участие в испытании препарата?

— Конечно, нет.

Гейл Бэтхерст с трудом сдерживала негодование.

— Не понимаю, как ты вообще явилась ко мне с этой идеей? Ты что, Марина, разве не слышала, что мы тебе говорили?

— Разумеется, слышала. А меня ты выслушала? Дэвид Сэндхерст просто попросил передать тебе это предложение, что я и сделала. Ты должна согласиться, что оно разумное. Где еще он найдет женщин с лишним весом и с относительно стабильным режимом питания?

Гейл в отчаянии воздела руки.

— А почему у нас стабильный режим питания? Да потому, что мы повернулись спиной к чрезмерному увлечению общества произвольным определением идеального веса женщин. И что ты собираешься делать? Раздашь им всем таблетки, от которых они, может, похудеют, а может, и нет? Будете взвешиваться? Соревноваться друг с дружкой, кто больше похудел?

— Да не так все будет происходить.

— Именно так! Мы годами боролись за то, чтобы наше самоуважение не зависело от веса, а теперь ты предлагаешь, чтобы мы стали подопытными кроликами, которых сажают на диету, и мы снова будем думать только о том, сколько фунтов убавилось и сколько прибавилось. Так вот, послушай меня — никто в это дело ввязываться не будет.

— А я буду.

Эти слова, произнесенные тихо, но твердо, прозвучали из уст того, от кого этого никто не ожидал. Эмма была самой стойкой союзницей Гейл, а также ее самой близкой подругой. Ее преданность делу ТФБП окрепла еще более, поскольку членство в этой организации и оказанная ей поддержка, вероятно, спасли ей жизнь. Предательство причинило Гейл острую боль.

— Что ты такое говоришь, Эм? Ты собираешься есть эти таблетки? Снова будешь то голодать, то пускаться во все тяжкие, испытывать унижение оттого, что тебя каждую неделю будут взвешивать, разглядывать твоё тело во имя интересов науки?

— Просто я хочу сказать, что если есть шанс, что таблетка сделает нас худыми, то какой же в этом вред, да к тому же и голодать не придется. То есть, по-моему, именно голодание и переедание и вызывают проблемы. А с этой таблеткой мы просто будем жить, как жили, а там посмотрим, что получится. Что же в этом плохого?

— Эмма, да тут все плохо. Согласиться принять участие в этом испытании — значит признать, что вся наша философия основана на лжи. Значит сказать всему миру, что, несмотря на годы, потраченные на то, дабы убедить скептиков, что женщины могут быть счастливыми и толстыми, мы можем быть еще счастливее, если похудеем.

— Но разве это не так?

Гейл взглянула на Эмму, и прежнее взаимопонимание тотчас рухнуло. Они оказались по разные стороны барьера. Марина заговорила прежде, чем дискуссия перешла на личности и приняла скандальный характер.

— Гейл, я пришла, потому что ТФБП твоя организация, твоё дитя, и ты меня любезно приняла. Я по-прежнему новый человек в группе и не до конца еще прониклась всеми ее

целями и убеждениями. Я полагала, что ты можешь говорить от лица остальных членов. Но даже у вас с Эммой разные взгляды на эту тему.

— И что же ты предлагаешь?

— Думаю, нужно донести эту идею до всех членов, чтобы они сами приняли решение.

После того как Марина пересказала все это Дэвиду Сэндхерсту, тот лично захотел обратиться к женщинам. Марина быстро наложила на это предложение вето на том основании, что его нескрываемое неприятие пышных женских форм вызовет у собрания ответную реакцию. Она предложила сама выступить с обращением.

Стоя перед аудиторией, насчитывавшей рекордное для ТФБП количество собравшихся, она с благодарностью вспомнила о десятилетнем опыте работы в рекламном бизнесе. И тем не менее она нервничала и по-прежнему испытывала двойственные чувства по отношению к моральным достоинствам предложения, которое собиралась сделать.

Прием ей оказали на удивление сдержанный. Со стороны наиболее преданных соратниц Гейл послышалось несколько критических охов, но в целом реакция была обеспокоенно-аналитической. Вопросы, прозвучавшие в ходе последовавшей дискуссии, были практического свойства — сколько продлится испытание, каковы ожидаемые побочные эффекты, можно ли и в самом деле есть что хочется и так далее. Затем стали голосовать, хотя в этом едва ли была надобность. Даже Гейл недостаток жара в дискуссии истолковала как мгновенное принятие предложения. Провели голосование. Шестьдесят три женщины заявили, что хотят принять участие в испытании. Среди них — Марина, Эмма и Тереза. Пять женщин, включая Гейл, отказались. После этого все изменилось.

Наступил день 24 марта. Канун того дня, когда все подопытные должны явиться в лабораторию компании «Перрико», чтобы их взвесили, осмотрели и выдали первую порцию таблеток, кому — настоящих, кому — «пустышки». На составление протокола со строгими руководящими указаниями ушло больше двух месяцев. На самом деле этот процесс занял бы больше времени, но Дэвид ускорил дело, отослав в соответствующие инстанции некоторые материалы, искаженные самым тщательным образом (поддельные документы, разрешения, добытые обманым путем, липовые условия безопасности и прочее).

И дело не в том, что ему хотелось кого-то обманывать. Он гордился своей работой, хотел, чтобы на нее обратили внимание, чтобы ей оказали уважение и соответствующим образом оценили. Но у него оставалось все меньше времени. Двери, за которыми он брал кредиты, быстро закрывались перед ним, и с каждым месяцем соответствовать требованиям становилось все труднее.

Ему нужны были обещанные премиальные. В банке ему сказали, что продлят кредит, если «Перрико» сможет подтвердить, что премиальные действительно будут. «Перрико» была согласна на это только в том случае, если испытания начнут приносить результаты. Отсюда спешка, желание подогнать факты, потребность лгать. Это была вина не его, а банка.

Усиленная подготовка к началу испытаний привела к расколу в ТФБП. Посещаемость собраний уменьшилась, так как участницы засомневались в своей преданности делу, и вместе с тем их все более прельщали потенциальные возможности чудо-лекарства.

Марина откликнулась на срочное предложение Сюзи устроить девичник. Подозревая, что Сюзи собралась излить правду о своих семейных проблемах, она отложила давно запланированный ужин с Полом Джеромом во имя солидарности с своей подругой.

Она напустила на лицо сочувственное выражение, однако оказалась совершенно неподготовленной к тому, какое направление придала Сюзи разговору.

— Ты хорошо все обдумала, Му? Что ты знаешь об этом лекарстве? Ведь ты же можешь умереть, получить тромбоз или еще что-нибудь. Ты ведь даже не знаешь, какие побочные эффекты у этого препарата. А при твоих габаритах со здоровьем нельзя шутить. Запросто можешь получить инфаркт или удар. И потом, я думала, ты счастлива, имея такой вес. А если эксперимент не получится или тебе дадут «пустышку», значит, твои надежды окажутся напрасными. Зачем тебе подвергать себя всем этим мучениям?

— И это говорит женщина, вес которой не перевалил за девять стоунов, когда она была беременной.

Сюзи с удивлением посмотрела на Марину.

— Язва! Мне не послышался *sourçon*^[22] на зависть?

— А что в этом удивительного?

Сюзи это признание изумило еще больше.

— Но зачем все это нужно? У тебя же все есть — карьера, роскошная квартира, куча денег, да и заботиться ни о ком не нужно, кроме как о себе.

Марина довершила картину:

— И еще я большая, как дом. И может, вполне может быть, мне немного надоело быть толстой.

Сюзю знала Марину достаточно хорошо, чтобы не реагировать на это замечание.

— Есть и еще кое что, — продолжала Марина. — Знаешь, я тебе совсем не завидую. Во всяком случае, не очень. — Ложь номер один. — Если появится возможность безопасно и легко сбросить лишний вес, то за попытку подумать о своем здоровье я буду обязана самой себе. — Ложь номер два. — И потом, тебе-то что до всего этого? Не будь мы старыми приятельницами, я бы могла подумать, что ты хочешь, чтобы я осталась толстой, иначе равновесие в наших отношениях нарушится в мою пользу.

— Полагаю, вся это чушь из области психологии идет от твоих новых подружек из ТФБП. Что они тебе порассказали? Что худые женщины предпочитают дружить с толстыми, потому что от этого они кажутся еще более привлекательными? Что мы не хотим, чтобы наши приятельницы сбрасывали лишний вес, иначе они станут привлекательнее нас?

Марина тактично напустила на себя застенчивый вид. Именно так большинство женщин в ТФБП и думают. Но Марина за долгую историю взаимоотношений с Сюзю научилась кое-чему. Может, со стороны Сюзю и не было умысла. Может, просто так развивается история их взаимоотношений.

Марина вспомнила вечера в модных барах и ресторанах, в ночных клубах и дискотеках, которые посещают самые яркие знаменитости. Она припомнила, как мужчины тайком бросали на них взгляды. Как читала по губам споривших мужчин, кто из них пригласит на танец Сюзю, а кому выпадет несчастье развлекать ее толстую подружку. Она не раз видела, как бросают монету, как едва шевелятся губы и неслышно произносятся молитвы, когда мужчины страстно молили Бога избавить их от трехминутного сидения со слоном в смешном платье.

Прежде чем отвечать, она глубоко вздохнула. Неосторожное слово может повредить дружбе, которая, несмотря на трудности, в жизни Марины была самой крепкой. (Кровные узы с родителями Марина не называла отношениями. Как и все люди.)

— Сюзю, да что ты распсиховалась? Если честно, то я и сама не знаю, зачем мне это. Да, я говорила, что не буду принимать эти таблетки, когда Дэвид впервые упомянул о них у тебя за ужином, но я передумала. Может, я просто слабый человек, неглубокий и пустой, как...

Она улыбнулась своей профессиональной улыбкой и переменяла тему.

— Ну а что у тебя с Кеном? Кажется, у вас в доме накалилась атмосфера. Давай выкладывай.

Им снова стало по четырнадцать лет, когда они сравнивали груди друг у дружки и постеры Дэвида Боуи, умирали от диджеев «Радио Люксембург» и хихикали, когда учительница называла часть семестра месячными. Сюзю подалась вперед и все выложила.

— У меня любовник. Вот так-то! Теперь и я тебя шокировала.

— Вовсе и не шокировала. Я и сама давно догадывалась. Еще до Рождества, на том ужине.

Сюзю пристально посмотрела на нее.

— О чем это ты догадывалась?

— Просто ты вся как-то по-особенному сияла, а Кен не получал от тебя обычной доли внимания. И кто же этот счастливчик? Я его знаю?

Сюзю с облегчением вздохнула.

— Нет, нет. Просто один человек, с которым я познакомилась... в спортзале.

— И у вас это серьезно?

— Возможно. Да что это я такое говорю? Конечно несерьезно, я же замужем, и у меня двое детей. Нет, это так, интрижка.

Будучи законченной лгуньей, Марина без труда могла вычислить соратницу по этой части. Ей очень хотелось увидеть Сюзи страдающей. На нее снизошла пронизательность, и она поняла, что даже у худых бывают проблемы. Но была и другого рода пронизательность, более глубокая. Она порождалась пристрастным отношением Сюзи к намерениям Марины сбросить лишний вес. Это было настолько не в ее характере. Пока Марина не заметила... Да разве может такое быть? Нет, конечно же нет. Еще как может. Из-под лайкрового платья, которое несколькими неделями раньше ниспадало красивыми складками на миниатюрной фигуре Сюзи, начинала выпирать плоть. Сюзи толстела.

— Сколько раз тебе еще говорить? Оно прошло полные испытания. Побочных эффектов нет. Оно совершенно безопасно.

Ввязавшись в очередной раз в спор, который продолжался все вечера на протяжении двух месяцев, Тереза принялась перемешивать соус с излишней агрессивностью.

— Терри, умоляю тебя! Не делай этого. Я порасспрашивал насчет этого Дэвида Сэндхерста, и то, что я услышал, мне не нравится.

— И мне не нравится, что я сейчас слышу, и главным образом потому, что я это слышала уже сотню раз.

Род запустил пальцы в волосы, надеясь, что вдохновение посетит его. Ему пришла на ум избитая фраза.

— Терри, я так себя веду только лишь потому, что переживаю за тебя. Мне не нравится, что с тобой происходит.

— А что со мной происходит? Если не считать того, что у меня появилась надежда на нормальную жизнь, разве не так?

— Да ты послушай, что ты говоришь! Ты ведь не уродина, не страшилище, ты не больна. Ты — это просто ты, все та же, в которую я влюбился, на которой женился, и я не хочу, чтобы ты менялась.

— Ага, вот мы и приехали!

Тереза ткнула ложкой в сторону мужа и увидела, как по его белой рубашке изящной дугой растекается зеленый соус. Непроизвольно возникшее желание смыть пятно водой, прежде чем оно растечется, охладило ее гнев. Что, в свою очередь, разозлило ее еще больше.

— Ты только посмотри, что я из-за тебя наделала!

— А что значит «вот мы и приехали»? — спросил Род.

Тереза между тем принялась тереть его рубашку мокрой тряпкой.

— Теперь все ясно, вот что это значит. Все вы, мужчины, одинаковые.

— Это ты о чем?

— О мужчинах, про которых пишут в журналах для желающих похудеть. Они не дают своим партнершам худеть, потому что так им спокойнее жить. Ведь если их женщины останутся толстыми и уродливыми, они не смогут найти никого другого.

Род отпрянул от Терезы. Наверное, в тысячный раз за время их супружества Тереза поняла, что сболтнула лишнее. Ей тотчас захотелось, чтобы время повернулось вспять, ну хотя бы на несколько минут.

Когда Род заговорил, в голосе его прозвучало больше горечи, нежели негодования.

— Знаешь, от чего мне больше всего? Оттого что, как мне кажется, ты и правда в это

веришь. За все эти годы никто другой не смог бы любить тебя больше, чем я, и все равно ты во мне сомневаешься. Это безнадежно.

Он отошел в сторону, и Терезу охватило знакомое ей чувство отчаяния. Она в который раз возненавидела себя. Одна только мысль удерживала ее от падения на самое дно, где разбиваются последние надежды. Через несколько месяцев я буду стройной. И тогда все снова будет хорошо.

— А, это ты.

Гейл хотела было захлопнуть дверь перед самым носом Эммы, но у нее было слишком мало подруг, чтобы позволить себе столь решительные жесты. Какое-то время она раздумывала, как ей лучше поступить, так что Эмме могло показаться, что ее, может, и не пустят вовсе (понятно, в некоторых случаях действительно трудно сдержаться), потом Гейл раскрыла дверь ровно настолько, чтобы ее гостья смогла в нее протиснуться.

Эмма последовала за Гейл в гостиную, где еще совсем недавно они вместе по-дружески встречали Рождество. Теперь это были бывшие приятельницы, а это хуже, чем незнакомые люди. В неловком молчании в такой ситуации слышатся невысказанные обвинения, а от того, что когда-то они были близкими подругами, обе испытывали еще больше неловкости.

— Итак, завтра, говорят, наступит великий день?

— Гейл, давай не будем об этом в таком тоне.

— А как иначе я могу об этом говорить? В основе нашей дружбы лежало взаимопонимание, преданность делу, от которого в конечном итоге выиграют все женщины, включая нас. Раньше мы были против них. А теперь ты снова одна из них.

Она пошла на кухню, и Эмма поплелась за ней, словно оставленная без внимания кошка. Открыв холодильник, Гейл простояла перед ним, как могло показаться, целую вечность, не в силах выбрать еду, которая заполнила бы возникшую внутри пустоту.

— Но, Гейл, все совсем не так, как тебе кажется. Я уже говорила, я всего лишь принимаю участие в эксперименте и смогу потом написать об этом. Ничего более важного в жизни я уже не напишу. Все женские журналы борются за права на эту публикацию. Я должна это сделать. А ты должна меня понять. Ты ведь всегда говорила, что то, о чем я пишу, важно для нашего дела.

Пока Эмма молила о сострадании, Гейл съела половину пирога с мясом, даже не заметив этого. Ее удивило то, что, когда она заговорила, изо рта у нее посыпались крошки. Эмма искусно скрыла свое отвращение, на что способны только те женщины, у которых вызывают брезгливость многие моменты собственного существования.

— Эм, постарайся быть честной по отношению к себе, если не ко мне. Я видела твое лицо, когда Марина впервые заговорила об этом препарате. Я видела это отчаяние в твоих глазах, эту возможность измениться, которую ты отрицала все это время. Ты хочешь быть стройной. Ведь это так, правда? Скажи мне, что это неправда, мне бы очень хотелось услышать это, но ведь ты этого не скажешь?

— Разумеется, я хочу быть стройной! Да все хотят быть стройными, чего уж там говорить. Даже ты, что бы ты ни говорила и о чем бы ни думала. Вероятно, ты заблуждаешься, полагая, что счастлива оттого, что толстая, но это не так, этого не может быть! ТФБП занимается лишь одним — пытается извлечь хоть что-то хорошее из плохой ситуации. Почему бы тебе не примириться с этим и не принять участие в эксперименте, просто попробовать? Ты только подумай, Гейл, мы обе можем стать стройными, можем

ходить по лучшим магазинам одежды, на танцы и в бассейн, можем меняться джинсами и расхаживать в бикини на средиземноморских пляжах. Подумай об этом, Гейл, и прошу тебя, пойдём со мной! Я бы хотела, чтобы мы решились на это вместе.

Гейл посмотрела на стоявшую перед ней женщину.

— Не имею больше ни малейшего представления, кто ты такая, и ты, разумеется, не имеешь представления, кто такая я. Думаю, тебе лучше уйти.

И Эмма ушла. Спотыкаясь, она плелась по улице. Ее ничуть не смущало то, что слезы струятся по ее накрашенному лицу. К боли и одиночеству примешивалось еще и то, что она не могла дать выход эмоциям обычным путем. Обычно она в таких случаях шла домой и ела до тех пор, пока живот не раздувался настолько, что больше не мог ничего в себя вместить. Теперь она не могла этого сделать, потому что голова ее была занята мыслями насчет завтрашнего взвешивания. Завтра, в конце концов, будет началом ее новой жизни, и она хотела отметить этот день так, чтобы весы впервые за несколько лет показали меньше четырнадцати стоунов.

Если перед взвешиванием потребуется принять несколько дюжин таблеток слабительного, то она и на это пойдет, пусть ее даже стошнит. Будто она не делала этого много, много раз.

— Как прошел день, Рик?

Джилли раскладывала макароны, приготовленные по одному из их любимых рецептов. На столе стояли фарфоровые тарелки, которыми они пользовались каждый день. Как ни странно, они были более дорогими, чем их лучший фарфор.

— Отлично. Обычный день. Энди продолжает давить на меня, чтобы я дал ему свободу в деле назначения в совет директоров.

Джилли нахмурилась.

— Это не очень-то честно с его стороны. Это ведь не только твое решение, да и Марина сделала гораздо больше, чем он, чтобы заслужить это, если он, разумеется, может понять.

Рик с силой потер виски.

— Конечно, может. Может, я просто чересчур серьезно к этому отношусь. Вообще-то он меня и не просил, чтобы я поступал так, как выгодно для него. Просто все дело в том, что раз уж мы так давно дружим... не знаю. У меня такое чувство, будто он думает, что я не даю ему развернуться и хочу остаться выше его. В профессиональном смысле, понятно.

Джилли снисходительно фыркнула.

— Глупо! Конечно же, он знает тебя не только с этой стороны. Ты ведь не такой человек.

Да такой, подумал он. Мне нравится сдерживать Энди. Естественная компенсация за все те годы, когда я находился ниже на общественной лестнице, чем он. И только это позволяет мне нести бремя зависти его свободе. Ненавижу себя за злорадство, ненавижу то, что подобное качество говорит обо мне, о моей дружбе. Я бы сам хотел рассказать тебе обо всем этом, Джилли, разделить с тобой еще одну частицу спрятанного «я», которое раскрывал тебе по чуть-чуть в продолжение многих лет. Но не могу. Мне нужно научиться сдерживать себя. Нужно ослабить связующие нас духовные узы, чтобы мне было легче вырваться из него.

А я должен вырваться, Джилли, дорогая. И мне незачем тебе что-то говорить, потому что ты ничего не поймешь. Да и как ты можешь меня понять? Я и сам себя не понимаю.

И пока Джилли рассказывала ему о дне, проведенном в колледже, куда она вернулась

как аспирантка, Рик быстро ел. Ему хотелось как можно скорее уйти в свой кабинет, запереться и внимательно просмотреть бумаги, которые он сегодня получил в ТНСВ. То был список недвижимости на пляжах Корнуолла.

Ощущение было такое, будто находишься в приемной гинеколога. Смушаться или стыдиться, оттого что ты тут, причин ни у кого не было, и вместе с тем женщин воспринимали здесь прежде всего по принадлежности к полу, а не как самостоятельную личность. Это невольное предпочтение привело к расколу ее на человека и на представительницу пола, что является источником возмущения и вдохновения для мыслительниц-феминисток уже не одно столетие.

Однако в данном случае не утроба матери была повинна во всех грехах. Проклятием было чревоугодие женщины.

Марине было плохо. Как и большинство других участниц эксперимента и в полном противоречии с четкими указаниями Дэвида питаться нормально, Марина не завтракала. Более того, она преспокойно сидела на диете последние два месяца, чтобы не слишком опозориться при взвешивании. Мозг подсказывал ей, что тем самым она целиком перечеркивает цели действующих членов ТФБП, открыто заявивших о том, что в ходе этого эксперимента они выступают против диеты. Но Марина ничего не могла с собой поделаться. Да и никто не смог. Все боялись, что скажут им весы. Все что угодно, лишь бы только уменьшить страдания.

Она увидела Эмму, сидевшую в кресле возле дверей. Та сосредоточенно расстегивала пуговицы на своем огромном пальто. Казалось, у нее при этом шевелятся губы. Марине хотелось поговорить с ней, но это был не тот случай. За время пребывания в ТФБП она так и не узнала Эмму ближе. До размолвки Эмма и Гейл были неразлучны, словно хиппи. Поэтому не оставалось ничего другого, как сделать заключение, что они в равной степени оказывают предпочтение выбранной философии — оставаться толстыми.

И все же... И все же... Марина читала некоторые журнальные статьи Эммы и следила за ее глазами, когда та произносила некоторые бойкие афоризмы, придуманные и обращенные в проповедь ее наставницей. Что-то в этом было не то. То же самое она видела, когда смотрела на свое собственное лицо в зеркале. Она видела неразрешимую трагедию, накал чувств, которые грозили перехлестнуться через край, если их как можно скорее не направить в нужное русло.

Марина рассмеялась над собой. Да кто она такая, чтобы судить? Случись у нее в жизни трагедия, Марина все равно не стала бы объектом внимания скандальной хроники бульварного журнала. Ни жестокого обращения, ни ужасной семейной тайны (она даже допускала, что ее мать, пожалуй, не хуже любой другой матери), ни травм на сексуальной почве. В ее прошлом не было ничего такого, что могло вызвать самоубийственное отчаяние, не считая бесконечной, как казалось, серии мелких обид, нанесенных родителями и сверстниками, при этом каждый отламывал по кусочку от ее и без того ограниченного самоуважения, пока от него ничего не осталось.

А может, это и была самая большая трагедия.

Марина поймала себя на том, что пристально смотрит на Эмму, и быстро отвернулась. К счастью, Эмма ничего не заметила. В этот момент дверь открылась, и из приемной врача вышла Тереза. Казалось, ее всю трясло. Она направилась к Марине и плюхнулась в кресло.

— О Боже, как же это ужасно!

Марина выглядела озабоченной.

— В чем дело, что он такое сделал?

Она вообразила себе иглы и зонды.

— Да нет, ничего такого! На самом деле это, наверное, хуже физической боли. Прежде всего он меня взвесил. Двенадцать с половиной стоунов. Я чуть не умерла. В последний раз я весила лишь восемь стоунов девять фунтов.

— А когда это было?

— Когда мне было одиннадцать лет.

Марина рассмеялась. Лучше бы Тереза не была такой откровенной. Означает ли это, что и ей придется сказать Терезе, сколько она весит? Побольше двенадцати с половиной стоунов, это уж точно. Женщины не любят говорить о своем весе тем, кто легче их.

— А потом он достал страшный инструмент для пытки, что-то вроде циркуля.

— А это еще зачем?

— Чтобы вычислить процент жира в теле. Я сказала ему, чтобы он не трудился зря. Нужно просто взять меня за сто процентов, и почти не промахнешься, сказала я. Однако он стоял на своем. Стал измерять циркулем складки жира и записывать показания. У меня было такое чувство, что ему нравилось прикасаться к моей коже, хотя, может, я просто свихнулась.

А может, и нет, подумала Марина, вспомнив глаза Дэвида, когда тот оценивающим взглядом осматривал ее тело.

Марина почувствовала облегчение, когда Тереза отказалась сообщить, каков процент жира в ее теле. Должны же у нее быть хоть какие-то секреты.

— И что было потом?

— А, как обычно. Там был еще один врач. Он послушал мое сердце, измерил давление, спросил, чем я раньше болела. Думаю, он был разочарован, когда узнал, что я такая здоровая. Потом мне дали таблетки.

Она открыла сумочку и достала простую белую упаковку с белыми немаркированными таблетками внутри. Они были похожи на средства от боли без клейма. Да разве можно возлагать такие надежды на эти маленькие кругляшки?

Марина задала очевидный вопрос, заранее зная ответ:

— У тебя есть какие-нибудь соображения, тебе достались настоящие таблетки или «пустышки»?

Тереза покачала головой.

— Наверное, этого не знает и сам Дэвид Сэндхерст. Это так называемый «двойной слепой» эксперимент. Все дело в том, что если он узнает, кто получает оксиметабулин, то может подсознательно содействовать тому, чтобы эти подопытные вели себя не так, как те, кто получил «пустышки». Или что-то вроде этого. Да мне, в общем-то, все равно. Сколько приходилось читать о людях, которые принимают сахарные пилюли или что-то подобное и излечиваются от рака, потому что верят в то, что таблетки помогут им вылечиться. Вот и я такая. Я верю, что у меня настоящий препарат и что я через несколько месяцев стану тощей, как супермодель, и докажу, что таблетки настоящие.

Предсказание Терезы повергло Марину в безотчетную грусть. Что-то в нем было и от Марининых невысказанных надежд. Так вот, значит, для чего она это делает — чтобы стать тощей, как супермодель. Но разве ей не хотелось получить от жизни чего-то еще?

Глубже анализировать собственные мотивы у нее не было времени, потому что она услышала, как выкрикнули ее фамилию.

Ну пожалуйста, пусть весы покажут меньше четырнадцати стоунов. Ну пожалуйста, пусть весы покажут меньше четырнадцати стоунов. Ну пожалуйста, пусть весы покажут меньше четырнадцати стоунов. Эмма тихо напевала заклинание и при этом крутила пуговицу то в одну, то в другую сторону. Крепкая нить ослабла, распуталась и наконец оторвалась от пуговицы.

Под толстенным пальто на ней было тонкое платье — смешно для температуры ниже нуля в промозглый мартовский день. Она перебрала всю свою одежду, пока не остановилась на самом легком одеянии (три унции). Ни нижнего белья, ни колготок на ней не было (две унции), а под шляпкой Энни Холл [\[23\]](#) скрывалась короткая стрижка, результат решительного посещения парикмахерской накануне (по ее оценкам, еще по меньшей мере четыре унции). В целом она была умеренно оптимистична. Даже счастлива.

Нью-Йорк в апреле прекрасен. Мучительная летняя влажность еще не пришла, и все вокруг голубое, яркое и панорамное.

Марина молча смотрела из окна своего гостиничного номера, не в силах найти не избитые слова для описания того, что она видела. Раньше она не была в Нью-Йорке, хотя много путешествовала. Она видывала и более яркую естественную красоту, а прожив всю жизнь в Лондоне, была знакома с ритмичной музыкой пульсирующего современного города. Но это было нечто другое.

Это было нечто другое, потому что она была другой. С того времени, как месяц назад в компании «Перрико» весы показали унизительные четырнадцать стоунов тринадцать фунтов, она скинула двадцать фунтов и три размера одежды в придачу. Она разбиралась в арифметике диеты и знала, что похудела так резко потому, что пила много, но какая разница? Скинуть столько за такое короткое время — это приятно.

Месяц пролетел быстро, главным образом из-за напряженной работы. Две недели у нее ушло на то, чтобы отменить рекламу в печати и на телевидении для высвобождения средств на «Толкотню на перекрестке» Энди Клайна. Она сидела на телефоне по десять часов в день, время от времени вырываясь из офиса, чтобы лично перехватить какого-нибудь особенно несговорчивого клиента. Возможности для активного образа жизни были минимальны, но она рассчитала, что самый большой расход калорий случается, когда она бьет ногой в стену напротив письменного стола, воображая, будто это мясистая, чувствительная часть тела Энди.

Она пришла к выводу, что ей не следует обращать слишком много внимания на рекомендацию Дэвида питаться нормально. Жизнь у нее настолько бурная, что еда занимает в ней последнее место. И впервые в жизни личная жизнь пересеклась со служебной.

Пол Джером. После той неловкой встречи в ресторане, когда Тереза впервые заподозрила, что он гей, она так и не смогла вести себя с ним непринужденно, как прежде. При встрече с ним Марина уклонялась от прикосновения к его лицу губами, так что поцелуй получался воздушный, вроде как товарищеский, из тех, которые она презирала. Когда они беседовали, молчание становилось все более заметным и все менее приятным.

Она утратила крепнувшую было дружбу, которая подпитывала ее угасшее воображение пленительными возможностями скрасить обычно такое унылое Рождество. Она знала, что не имеет права чувствовать себя обманутой, если он и вправду гей. В конце концов, она уже пришла к выводу, что он ей не союзник. Или, скорее, не союзник, пока она весит пятнадцать стоунов. Но с тринадцатую стоунами, да еще с тенденцией на снижение... кто знает?

Ей удалось подавить обычно возникающую в таких случаях жалость к самой себе. Она развлекла себя не ведомым доселе, но приятным образом — посмотрела на себя в зеркало. И то, что увидела, ей понравилось. Она увидела женщину, явно с лишним весом, но далеко не уродину. И увидела костюм — да-да — две части одежды, юбку без резинки на поясе, но на пуговице, которая не препятствовала кровообращению. И пиджак, который можно было застегнуть и чувствовать себя в нем удобно, а можно и расстегнуть, не стыдясь, что будет виден пояс юбки. Она наслаждалась этим новым ощущением, свободой выбора, которая открылась перед ней, как только она стала терять в весе. И, уверенная в себе и спокойная, Марина спустилась вниз, чтобы присоединиться к остальным членам делегации,

собиравшимся на ужин.

— Марина, да ты сказочно выглядишь!

Пол Джером подбежал к ней, чтобы поздороваться. Она знала, что его комплимент искренен, и даже щеку не отвернула от его восторженного поцелуя. Просто не могла этого сделать. С места не могла сдвинуться. Потому что сразу все увидела, едва переступила через порог.

Пол стоял в углу, увлеченно беседуя с Мариной секретаршей Элеонорой. Тонкая Элеонора. Женственная. И язык, на котором они разговаривали, явно был гетеросексуальный, понятный обоим.

Она не ожидала, что все так обернется. Вес сбросила. Пришла ее очередь. Скверно все-таки, что Пол не гей. (Или хорошо?) Но может, еще хуже то, что, как выяснилось, он не гей, а, как все остальные, пленился десятым размером и пустым личиком.

Она быстро взяла себя в руки и изобразила широчайшую улыбку.

— Спасибо, Пол. И когда же ты приехал?

— Вчера. Дай, думаю, потрачу лишний день на то, чтобы полюбоваться городом.

Еще как любовался, подумала Марина. Когда Элеонора спросила, можно ли ей приехать на день раньше, чтобы встретиться с другом, Марина радостно согласилась, страстно желая разделить вновь обретенное благорасположение с преданной секретаршей.

— Здорово! — сказала она, правда, излишне восторженно. — Ну ладно, пойду поболтаю. Встретимся за ужином. Прошу меня извинить.

И она ушла, сжимая мышцы ягодиц с такой силой, что пришлось семенить. Элеонора вернулась к Полу и коснулась его пальцев легким движением, которое продиктовали ей их отношения, еще не ставшие публичными.

— Фантастически выглядит, правда?

Пол оценил щедрость оценки Элеоноры и нежно стиснул ей руку. Очень приятная девушка. Не самая умная, но наверняка без комплексов и не стерва — редкое в его практике сочетание. Он впервые за много лет встретил такую.

— Да. Она что, похудела, или мне показалось?

— Нет, тебе не показалось. Похудела, хотя я не думаю, что она на диете. По-моему, сказалось напряжение последних двух недель. Это ваше с Энди решение насчет мытья ветровых стекол повлияло на нее не лучшим образом. Из-за этого она потеряла много друзей в СМИ. Для нее это напряжение.

Пол знал, что виноват. Энди недооценил, с какими трудностями столкнется Марина. В последние месяцы Пол проникся глубоким пониманием политики ТНСВ и предстоящей борьбы за место в совете директоров. Он даже был удостоен нескольких обедов и ужинов с Энди, но ему стало понятно, что стоит за этими попытками завязать приятельские отношения. Энди был настолько высокомерен, что ошибочно убедил себя, будто ему удалось лишить Пола преданности Марины, хотя это было не так.

Пол позволил ему так думать, отчасти потому, что у него возникли противоречивые чувства по отношению к Марине: он был ошеломлен чувством легкой симпатии по отношению к этой большой женщине, а потом смущен намеками Энди на то, что она лесбиянка. Стоит ли удивляться, что он попал в объятия открытой и очаровательной Элеоноры.

— Элеонора, можно я задам тебе просто ужасный вопрос, который мне не следовало бы

задавать? Ты вправе не отвечать на него.

— Ты меня очень заинтриговал! И что же это за вопрос?

— Марина лесбиянка?

Элеонора рассмеялась, будто он рассказал ей старую шутку с новой начинкой.

— С чего это ты взял? Потому что она толстая? Только не говори мне, что ты думаешь, будто все крупные женщины скрытые лесбиянки! Я думала, ты лучше знаешь жизнь.

Пол покраснел в доказательство того, что знает приличия.

— Нет-нет, ничего подобного! Просто... видишь ли, просто Энди Клайн мне вроде как намекнул.

— Я бы и сама могла догадаться! Вот мерзавец! Вполне в его духе! Да он на что угодно пойдет, лишь бы дискредитировать Марину, хотя это гораздо ниже, чем я могла бы о нем подумать. И зачем ему это нужно? Дело ведь не в том, что ее ориентация изменит твое... Ага, понятно. Так он оказался прав, не так ли? Ты почувствовал себя неловко. Узнав, что она, возможно, лесбиянка, ты стал смотреть на нее иначе. Ты меня разочаровал, очень.

Ее разочарование причинило ему большую боль, чем резкое осуждение. Оправдаться он не мог, как не мог и облечь в слова свои чувства, когда Элеонора подтвердила, что Марина той же ориентации, что и он.

Рик и Энди стояли возле бара. Такие внимательные по отношению друг к другу и так дружески настроенные. В такие минуты их дружба становилась крепче.

— Как Джилли? — Энди задал вопрос с некоторым безразличием, покоившимся на двадцатилетнем знакомстве. Ибо всегда считал, что Джилли должна быть его. Они одновременно познакомились с Джилли в Кембридже. До сего дня он не понимал, как Рик удалось завоевать ее. Еще одна несправедливость.

Я ее больше не люблю, хотел сказать Рик. Она мне больше не нужна. Не хочу, чтобы и я был нужен ей. Дети сами по себе. Я сделал все, что от меня требовалось, был примерным отцом. У меня совершенно никаких прав на эти чувства. Я самый счастливый человек из всех живущих. У меня есть все, что человек может пожелать. Жаловаться не на что. Жизнь дается мне легко. Дом мне больше не нравится. В нем слишком удобно. Это мавзолей дизайнера. Я там умираю, Энди. Умираю.

Но мужчины не говорят друг другу такие вещи. Они вместе выпивают, улыбаются, принимают таблетку от головной боли.

— С ней все в порядке.

— А дети?

— Отлично. Сэм после экзаменов год будет бродить с рюкзаком. Лорна сдает экзамены на аттестат зрелости. Как и ее брат, получит одни пятерки. Все хорошо.

Он быстро переменял тему, пока не успел сказать то, о чем действительно думал.

— Ты знаешь, что перед самой поездкой у нас было собрание совета директоров?

Энди это знал. И еще он знал, что ему лучше подождать, пока Рик скажет сам, чем все кончилось.

— Ты, я уверен, догадался, — продолжал Рик, — что главной темой дискуссии была кандидатура следующего члена правления. Как, я уверен, ты догадался и о том, что на сегодняшний день у Марины гораздо больше шансов, чем у тебя.

Энди ошетинился.

— Это не совсем справедливо. Знаю, это она привлекла «Спарклиз», но как же все те

годы, когда я вносил вклад в наш бизнес? Нельзя принимать столь необоснованное решение.

— Энди, три миллиона фунтов — достаточное основание для решения.

— Вот как? Значит, все решено. Марина идет дальше, а я больше не нужен?

— Нет. До назначения еще полгода. За это время и ты можешь кое-что успеть.

Энди обдумал услышанное.

— И я должен сделать то же самое? Привлечь равный по объему капитал?

Рик кивнул.

— Что-то вроде этого. Если только Марина не совершит нечто ужасное, от чего компания развалится за полгода.

На губах Энди появилась улыбка, когда он услышал это последнее замечание. Наконец-то. Вот этот язык ему понятен. Сотворить что-нибудь ужасное — это по его части.

— Так как дела, Марина?

За ужином Марина оказалась рядом с Энди. Одного этого достаточно, чтобы пропал аппетит. Из головы у нее не выходило собственное отражение в зеркале в номере наверху. Теперь про меня не скажешь, что я никуда не гожусь. Я всегда была ровней этому человеку в профессиональном смысле, а теперь почти ровня ему и в другом отношении. Она выпрямила спину и без смущения принялась за жилистого цыпленка.

— Отлично, Энди. Я сохранила для тебя твое место в компании, хотя сделать это было непросто. Твои финансы в сохранности, мои урезаны. Наслаждайся победой, пока можешь. «Спарклиз» — мой клиент, Пол Джером — тоже. И какие бы игры ты ни затевал, на какие бы ухищрения ни пошел в будущем, это все равно останется фактом. Когда будет составлен годовой отчет, рядом с тремя миллионами фунтов будет стоять моя фамилия. *Von appetit*^[24].

Энди смотрел на нее на секунду больше, чем приличествовало. Марина содрогнулась, услышав невысказанную угрозу. И правильно сделала.

В полночь вид из ее окна был столь же прекрасен, что и раньше, хотя и другой. Вот и я теперь другая, криво усмехнувшись, подумала она. Ночь была темная, но улицу расцвечивали яркие огни, так что Марина сощурилась. Только так можно было разглядеть узнаваемые очертания зданий и уличную суету. Ну вот, опять то же самое, подумала она, поймав себя на том, что плачет. Как странно, что слезы у меня такие же крупные, как и раньше.

Она схватила пальто и безрассудно устремилась на улицу. Ее раздражение возрастало на каждом углу. Где, черт возьми, все эти супермаркеты, работающие двадцать четыре часа в сутки, в которых убивают людей в сериале «Нью-Йоркская полиция»? Наконец она увидела один супермаркет, убогий и непривлекательный. То есть непривлекательный, если вам не хочется есть. Ужасно хочется.

Вернувшись в гостиницу, она принялась срывать обертки с плиток шоколада, пачек печенья и бисквитов, с названиями прямо из «Счастливых дней»^[25] — «Туинкиз», «Ореос», «Тутси Роллз» и «Херши», и принялась засовывать их в рот подряд, не глядя. Но затем случилось то, что и должно было случиться. Она почувствовала, что больше не хочет. И не потому, что больше не было места в животе. Просто она наелась, пресытилась, утратила потребность продолжать есть. Она не могла больше есть ни физически, ни эмоционально. Перед ней была разложена американская жратва на 47 долларов, а она ухитрилась съесть лишь несколько сот калорий.

Чертовы пилюли! С ними не разгуляешься! Что же теперь делать? По телевизору показывали сериал «Уолтоны», и она плакала, глядя на то, как представители идеальной семьи наслаждаются вкусными блюдами домашнего приготовления и замороженными банальностями, собравшись вокруг самодельного стола. Все такие чертовски счастливые и такие чертовски худые. Почему она не родилась в нищете на Среднем Западе во время кризиса тридцатых годов? Жизнь так несправедлива!

Такой огромный конференц-зал можно найти в любой гостинице на одной из главных улиц этого города. Одну из стен закрывала громадная, неопределенного цвета штора. Пока Марина смотрела на нее, размышляя, что за ней может скрываться, произошло чудо. Кто-то нажал на кнопку, и, как на премьере, штора медленно поднялась.

У Нью-Йорка особый свет. Он излучает возможности и проникает в душу каждого гостя, словно говоря: «Эй, а тебя я разве не знаю? Разве меня не было в твоих мечтах уже миллион раз? Не ты ли десять раз смотрел „Сорок вторую улицу“^[26] и делал вид, будто танцуешь чечетку на бродвейской сцене... Ну, что скажешь? Разве не так ты себе все это представлял? Все вокруг серебрится, гремит, все такое огромное, тянется ввысь. Столько смеха, музыки, красок. Разве тебе это не нравится?»

Марине все это нравилось. Она не могла понять, как в этом городе можно предаваться унынию. Вчерашние переживания были забыты. Она хорошо выспалась (наконец-то), а когда проснулась, поймала себя на том, что думает только об одном — всякое может произойти. Ей показалось, что она прерывисто дышит, и она предпочла приписать это состояние тому, что перед ее глазами разворачивается захватывающая картина, а вовсе не тому, что таблетки оказывают влияние на сердечную деятельность.

Она окинула взглядом других делегатов, сгрудившихся вокруг стола, шумных и напряженных. Они собрались со всего света из дочерних подразделений «Спарклиз», но у всех было одинаково покорное выражение, характерное для директоров по маркетингу всего земного шара, — задушенная инициатива, бюрократическая печать на лице. Эффектные названия их должностей никак не соответствуют их скучному существованию в мире цифр.

И все они собрались в Нью-Йорке. Марина обвела взглядом море лиц, пытаясь разглядеть с трудом скрываемое волнение, какое испытывала она.

Ничего подобного она не увидела. Никого не прельщал прекрасный вид за окном, требовавший к себя внимания. Она недоверчиво покачала головой и стала искать глазами Пола Джерома. Ладно, пусть он оказался мерзавцем, как и все остальные, но у него есть душа, в этом Марина уверена. Он поймет и оценит по достоинству ее эмоциональный отклик на окружающее, а ей очень хотелось, чтобы кто-то поделил с ней эти ощущения. Она нуждалась в этом.

Он думал и делал то же самое. Но к тому моменту, когда их глаза встретились и понимающие взгляды задержались друг на друге, стоп-кадр ожил, и началось другое кино. В этом фильме кто-то постучал ложечкой по чашке с кофе, призывая собравшихся к тишине. Пол и Марина сели, еще более отдалившись друг от друга, и ощущение чего-то необыкновенного мало-помалу исчезло.

После того как председатель «Спарклиз» произнес несколько вступительных слов, поднялся Рик Гиффорд, чтобы что-то сказать от имени ТНСВ.

— Как вы все знаете, в этом году ТНСВ впервые имеет честь присутствовать на ежегодной всемирной конференции по выработке стратегии компании. Я бы хотел

поблагодарить вас от имени моей команды за любезное приглашение и возможность активно участвовать в этом важном мероприятии.

Управляющие, которые искренне верили, что это важное мероприятие, восторженно зааплодировали. Грустно, подумала Марина. Победно улыбаясь, Рик продолжал, едва стихли аплодисменты:

— Поскольку через несколько месяцев во всем Соединенном Королевстве начинается кампания «Спарклиз» по мытью ветровых стекол, мы горячо надеемся на такой же успех, который был во всех странах, в течение семи последних лет проводивших кампании...

Марина перестала слушать и снова посмотрела в окно. Было так красиво, что она не могла сосредоточиться на чем-то другом. Да неужели больше никто этого не замечает? Не успела она узнать ответ на этот вопрос, как Рик закончил свое выступление, вызвав подозрительно восторженные рукоплескания, сопровождаемые выкриками и свистом. Его место занял другой выступающий, который заговорил о задачах пятидневной конференции.

Ключевой задачи не было. Пятнадцать миллионов долларов, затраченных на исследования и развитие, привели к созданию цветочного аромата, который теперь нужно будет добавлять ко всей продукции «Спарклиз» во всех странах. Все этому обрадовались, но отсюда возникла проблема, которую могла разрешить только всемирная конференция: когда будут печатать новые этикетки для товаров «Спарклиз», нужно ли на них изображать цветок, призванный напоминать о цветочном аромате, или же сверкающую звезду, дабы лишний раз подчеркнуть, что «Спарклиз» делает поверхности блестящими?

Марина подумала, что, наверное, сходит с ума. Я в Нью-Йорке, я утопаю в этом грандиозном городском пейзаже, который вижу перед собой. Я с трудом перевожу дух после взрыва, растормошившего мои чувства.

Но посмотрите на этих людей! Они же ничего этого не видят! Их занимает, по-настоящему занимает, только одно — будет ли на этикетке средства для мытья пола изображена звезда или цветочек. И не потому, что это их работа, нет. Я вижу по их глазам, что они озабочены. Взгляните на французских делегатов, которые торопливо пишут записочки и передают их через стол швейцарцам. Один хочет цветочек, другому нужна звезда. Каждый привез с собой доказательства. В течение предстоящей недели они без устали будут проводить свою линию, пытаясь сделать так, чтобы другие переменили мнение.

В театр они вечером не пойдут. В музеи тоже. Когда опустятся сумерки, и гулять никто не пойдет, и никто не откроет окно, чтобы послушать музыку дорожного движения. Они так и не прикоснутся к жизни за гостиничными стенами. И не дадут Нью-Йорку возможность изменить их самих. Разве это нормально?

И разве нормально то, что я тут сижу с глупой улыбкой, делая вид, будто слушаю всех этих роботов, бубнящих о звездах и цветочках?!

На секунду ее охватило какое-то безумие, и ей стало сладостно. Вот сейчас она встанет, уйдет с собрания и побежит в Центральный парк, где сыграет свою роль в этом фильме — будет грести на лодке по озеру, спускаться вниз по извилистым дорожкам пологих склонов...

— Марина! Марина! — шипела ей в ухо Элеонора.

Марина вздрогнула и из грез вернулась к реальности.

— Что такое? — прошипела она в ответ.

Она была недовольна вторжением в ее фантазии, и красотой Элеоноры, которая так привлекала Пола Джерома.

Элеонора отпрянула, изумленная тоном Марины, но быстро пришла в себя и прошептала:

— Произошло нечто ужасное.

Разумеется, невозможно доказать, что Энди Клайн «перепутал» Маринины слайды, которые она приготовила для своего главного утреннего выступления. Как и все страницы текста. Никакой суд не вынесет приговор на том основании, что Марина будто бы что-то разглядела в глазах Энди, когда тот наблюдал за тем, как Элеонора сообщает ей это печальное известие. Но Марина все знала.

Она сделала все, что можно. Ночью не ложилась спать, пока не напечатала новый текст на своем ноутбуке, а в гостиничном бизнес-центре ей изготовили несколько слайдов на ацетатной пленке. Однако все равно недоставало цифр для подкрепления некоторых позиций. Все выражали сочувствие по поводу «утраты» текста выступления, но в глубине души она понимала, что никого это не волнует. Да будь она повнимательнее, как внимательны мы, думали, наверное, они, так положила бы на ночь свои слайды под подушку. Но она не такая, как мы. Ей бы расплакаться от того, что ее отчет приняли холодно, но она слишком устала, проведя ночь совершенно без сна.

В конце апреля на собрании ТФБП присутствовало лишь человек двадцать. Но не только посещаемость упала. Ощущение было такое, будто находишься в летнем лагере в конце сезона. Собравшиеся громко разговаривали, чтобы заполнить пустоту помещения. Люди собирались по углам маленькими группками, чтобы обсудить запретную тему.

Присутствовавшие раскололись надвое и в зависимости от своих убеждений объединились в неравные группировки. С одной стороны находились вновь принятые члены и активисты, которые отвергли приглашение «Перрико», с другой — подопытные кролики. Но их разделяла не только философия. Женщины, включившиеся в программу с использованием препарата, изменились. Было такое впечатление, что все они похудели, хотя некоторые, возможно, тщательно продумали, что надеть, другие сделали новую прическу или макияж. Сестринский союз разбился на два лагеря — «они» и «мы».

Когда вошла Марина, тишина вирусом расплзлась по комнате. Ее похудевшая фигура казалась обвинением враждебной аудитории. Ее неумолимо потянуло к соратницам по эксперименту «Перрико». Глядя на сияющих соратниц, которые явно стали следовать советам по уходу за собой, предлагаемым женскими журналами, она тотчас увидела разницу между собой и остальными.

Впервые в жизни Марина сознательно надела длинное. Никогда раньше она так долго не выбирала одежду. Если бы она так не нервничала, то рассмеялась бы над своими лихорадочными попытками выбрать одеяние, которое скрыло бы ее начинающую вырисовываться фигуру. Да зачем я это делаю? — спросила она сама себя, утонув в парашюте из синтетического шелка. Она даже смочила свои фирменные кудряшки и, выпрямив их, точно старая дева, собрала волосы на затылке в пучок. Макияж призван был сообщить ей деловой вид. Ей даже удалось прибрать скулы, которые торчали чуть ли не вызывающе. Не раздумывая слишком долго над тем, какое впечатление она производит,

Марина вышла из квартиры, слишком занятая другими мыслями, чтобы анализировать свое странное поведение.

В действительности ее смущала та женщина, в которую она превращалась. Ненужное приподнятое настроение, теплом разливавшееся по телу, вызывало у нее отторжение, и это случалось всякий раз, когда она становилась на только что купленные суперсовременные цифровые весы и фиксировала очередное снижение веса. Щеголяя своей женственностью, как девушка, вступающая в период половой зрелости, она ощущала пустоту и неудовлетворенность. Ей хотелось повесить плакат себе на шею, чтобы всем встречным было ясно, что она не на диете, что усадку дает ради науки, а не ради красоты. Всю жизнь Марина думала только о том, как бы похудеть. Теперь она поняла, что, по сути, всерьез даже и не помышляла об этом. Пока это не стало реальностью.

И вот теперь это происходит, но она не готова. Поэтому и пытается скрыть свои намерения. К несчастью, у нее ничего не вышло. И вот она оказалась в царстве женщин, где похудевшее на дюйм бедро с точностью радара вычисляется с расстояния в сотню ярдов. Когда она шла по комнате, очертания фигуры едва заметно прорисовывались сквозь тонкую ткань, окутавшую ее тело, так что у смотревших на нее не оставалось никаких сомнений насчет того, что Марины стало меньше.

Члены группировки спускавших жиры приветствовали ее появление в своих рядах с разной степенью теплоты. В то время как все они с облегчением воспринимали то, что объемы их одежды увеличиваются, позволяя отогнать волну негодования, поднимающуюся на другом конце комнаты, каждая вместе с тем ловила себя на том, что нервно оценивает масштаб Маринино похудения и сравнивает его с собственным. Женщины принялись втягивать животы и придавать лицам томные выражения, лишь бы казаться тоньше других.

— Тереза, какое счастье, что ты здесь!

Марина схватила Терезу за руку и увела ее в сторону. Тереза была рада этому, особенно потому, что, по ее расчетам, она сбросила по меньшей мере на полстоуна больше, чем ее подруга.

— Марина, ты ужасно выглядишь! Кто-то умер?

Несколько секунд Марина обдумывала это критическое замечание.

— Да нет, просто сюда торопилась. Задержалась на работе и домой пришла в последнюю минуту.

Да я стала законченной лгуней! И сама во все это верю.

— Тогда рассказывай, как там Нью-Йорк? Хотела позвонить тебе вчера вечером, но была в спортзале.

— С каких это пор ты стала ходить в спортзал? Разве Дэвид Сэндхерст не говорил, что мы должны вести нормальный образ жизни и не предпринимать ничего нового?

— Все это мне известно, но дело в том, что он должен согласиться, что раз уж теряешь вес, то появляются новые возможности. Раньше я физически не могла ходить в спортзал, но теперь у меня появилась дополнительная энергия, и я не знаю, куда ее деть.

Марина внимательно посмотрела на Терезу. У нее появился какой-то особенный блеск в глазах, улучшился цвет лица, и румяна тут ни при чем. Она неловко жестикулировала, вероятно затем, чтобы скрыть, как трясутся руки, что было заметно. В целом она выглядела как одна из этих раскрашенных актрис в «Долине кукол»^[27], демонстрируя стереотип поведения под воздействием наркотиков. Да о чем это я? Разумеется, она демонстрирует эффект воздействия наркотиков. Она принимает наркотики. Как и все мы. Марина покачала

головой, рассердившись на то, что мозг ее не работает как обычно. В механизмах обработки информации произошло короткое замыкание, а способность рассуждать дала трещину.

— Но выглядишь ты фантастически, — призналась Марина.

— Спасибо! Я и чувствую себя фантастически. Это невероятно. Вся моя старая одежда стала слишком велика, я опять влезла в джинсы шестнадцатого размера, и на поясе они немного широковаты. Потрясающие таблетки!

— И как Род воспринял все эти изменения?

Воодушевление Терезы на мгновение поблекло, но благодаря наркотику не угасло.

— Да ну его, этого зануду. Я, говорит, любил тебя такой, какой ты была раньше.

— А может, он и правда любил тебя такой, какой ты была? — осмелилась высказать предположение Марина.

— Ну хоть ты-то не начинай! Ты ведь знаешь, что это такое — быть толстой. Ты много встречала мужчин, которые находили тебя привлекательной?

Интересно, подумала Марина, я тоже буду становиться все более жестокой по мере похудения?

— Но судя по тому, что ты мне говорила, Род действительно любит тебя. Просто любопытно, можешь ли ты повернуться спиной к одному мужчине из миллиона, который не уличен в системе отбора по принципу «чем тоньше, тем лучше».

Тереза некрасиво фыркнула.

— Время покажет. Я гарантирую, что когда Род увидит меня вальсирующей по спальне в шелковой пижаме десятого размера, то тогда-то и обнаружатся его истинные чувства. И потом, ты опять начинаешь рассуждать, как Гейл. Ты чересчур серьезно все воспринимаешь. Почему бы тебе завтра не пойти со мною в спортзал? Ты станешь другой женщиной!

Не успела Марина придумать подходящий ответ, который не бросил бы несмыслимую тень на их дружбу, как Гейл ворвалась в комнату, точно Боудикка [\[28\]](#). Приветствие ее было отнюдь не сестринским:

— Рада, Марина, что тебе удалось втиснуть нас между занятиями аэробикой и косметическим массажем. Как тебе роль наблюдателя за весом? Спорю, точно так же, как и всегда. Подсчитываешь калории в губной помаде? Притворяешься, будто пастеризованный творог действительно очень вкусный? До самой последней минуты сидишь в туалете перед взвешиванием, чтобы выдавить из себя ну хотя бы еще один кубический сантиметр уродства? Ты уже купила юбку обязательного двенадцатого размера, в которую влезешь «в один прекрасный день»?

Марина ненавидела ее. Она ненавидела Гейл, потому что ей не хотелось, чтобы лицо было забрызгано ее слюной, и она ее ненавидела, потому что все, что Гейл говорила, было правдой. Разумеется, вес Марины уменьшался без каких-либо усилий с ее стороны. Она редко испытывала голод, равно как и навязчивые желания, благодаря которым оказалась в нынешнем положении. Но дело обстояло таким образом, что таблетки позволили появиться другому, более разумному человеку, который стал следить за тем, сколько пищи попадает в ее конкретное тело, тогда как другая самоубийственная Марина по-прежнему весила пятнадцать стоунов и мечтала о шоколадных медальках. То, что ее тело отделилось от ее невроза, начинало ее пугать. Она взяла себя в руки.

— Это не так, Гейл. Зря ты так агрессивно ко всему этому относишься. Разве ты не понимаешь, что появление «Перрико» в ТФБП — это дань твоему умению привести нас к стабильности, которая отличает нас от всех других женщин с лишним весом.

— Здесь не произносят слова «лишний вес»! — завопила Гейл. — И прекрати относиться ко мне свысока! Если ты и похудела, то это не значит, что ты лучше меня. Да и зачем это ты сюда опять пришла? Чтобы позлорадствовать? Покрасоваться своими тощими ляжками и пощеголять строением кости? Да ты, наверное, тыщу лет потратила на то, чтобы выбрать одежду, в которой ты похожа на драматическую актрису!

Марина была ошеломлена этой вспышкой. Несмотря на то, что эти слова больше говорили о Гейл, нежели о ней самой, она чувствовала себя уязвленной. Ее будто выставили напоказ. Как такое могло случиться? — думала она. Почему теперь мне достается больше ран, прямых оскорблений и негодования, чем это было тогда, когда я была толще? Думаю, я чувствовала себя более счастливой, когда люди говорили за моей спиной и я могла притвориться, что не совсем расслышала смешки. И тут началась игра. Правда, ведется она несправедливо.

— Гейл, я и не пытаюсь делать вид, будто я лучше тебя, и прости, если у тебя создалось впечатление...

— Ну вот, опять кидаешь подачку с барского плеча!

— Ради Бога, послушай же меня всего одну минуту. Если бы ты только перестала участвовать в битве, которой не существует, ты бы поняла, что между нами сейчас столько же общего, сколько было раньше. Больше того, опыт двух последних месяцев еще более укрепил меня в убеждениях, которые я позаимствовала у тебя и, — она подняла руку, чтобы не дать Гейл возможности повторить обвинение в том, будто Марина «воспринимает ее свысока», — и в ТФБП я сегодня пришла потому, что мне по-прежнему нужна твоя поддержка. Да мне она нужна больше, чем когда-либо. Так много всего происходит, чего я не понимаю, и мне некуда идти, не у кого просить помощи, чтобы справиться со всем этим. Только сюда я и могу прийти.

Гейл выслушала всю речь, после чего принялась по-матерински душить Марину в чересчур крепких, но дружеских объятиях.

— Не понимаю. Что значит «не могла дать себе волю»?

Этот правомерный вопрос исходил от одной из вновь пришедших женщин (которая, узнав, что вакансий на участие в эксперименте «Перрико» больше нет, постаралась не обнаружить своего разочарования).

Марина принялась с трудом подыскивать слова для описания испытанного ею странного ощущения.

— Это все равно, как если бы оборвалась связь между частью моего мозга, которая отчаянно посылает сообщение: «Ешь!» — и ртом. Я смотрю на еду. На всю эту обильную, ужасную и жирную еду. Вот она передо мной. Настраиваюсь соответствующим образом. Нахожу радиостанцию, которая непрерывно крутит хиты семидесятых. Включаю тот канал, по которому показывают комедию «Шаткие оплоты», и приглушаю звук. Выключаю лишний свет и раздвигаю занавески. Ставлю самый удобный стул рядом с окном, чтобы видны были очертания Манхэттена, и придвигаю поближе стол со всей этой едой.

Ей показалось, что у окруживших ее бедных женщин вот-вот закапает слюна с подбородка.

— И? — не выдержала Гейл.

— И... ничего. Я взяла «Туинки», это что-то вроде сладкой булочки, посмотрела на нее, а потом... положила на место. Дело не в том, что мне не хотелось ее съесть. Просто я не

могла себя заставить сделать это. Я не была ни голодна, ни сыта, просто не могла сосредоточиться на еде. Еда казалась неуместной. То есть в ней не было необходимости.

И повезло же тебе, с возмущением подумали ее слушательницы, которые так и не поняли, в чем проблема.

— Моя проблема, — сказала Марина, — в том, что все мои проблемы остаются прежними, а у меня больше нет сил справляться с ними. Вот в чем моя проблема.

Весь июнь приемная «Перрико» являла собою красочное зрелище. Взвешивание внушало скорее оптимизм, нежели страх, и женщины впервые в жизни радовались приходу лета. Жара более не угнетала их. Теперь они могли носить одежду с короткими рукавами, не страшась полностью обнажить руки. Теперь они носили юбки без колготок, а при ходьбе ноги не терлись одна о другую, что раньше вызывало появление ноющих, незаживающих ран.

Выбор ткани был выражением их новой свободы. Теперь они предпочитали вертикальные полосы и набивную ткань с крупными рисунками, останавливали свой выбор (подумать только!) на лайкре и джинсовой ткани, а цвета полюбили белые и пастельные.

Они без умолку чирикали о своей новой жизни, новых ощущениях и, что неизбежно, о новых друзьях, которые вытеснили старых. Не одна старинная дружба расстроилась по причине того, что чаша весов неожиданно склонилась в ту или иную сторону. Старые друзья не знали, как разговаривать с этими новыми людьми, — они чувствовали себя неловко. Для них это было открытием.

Но одна тема в приемной была запретной. Никто не говорил о побочных эффектах, ставших проклятием их жизни с начала эксперимента. Большинство страдали повторяющимися время от времени головными болями, острыми желудочными болями, головокружением, тошнотой, полным набором физических недугов, которые служили предупредительными сигналами, указывавшими, что что-то не так. Каждая из них в утешение изобрела довод, будто проблемы связаны, вероятно, со снижением веса, а не с приемом лекарства. В конце концов, и лекарство могло быть мнимое, и тогда глупо было бы жаловаться на побочные эффекты.

Но никто и не собирался жаловаться на препарат. Иначе его больше не дадут.

Почти все женщины, собравшиеся в этой комнате, сбросили лишний вес, и, глядя на них, Дэвид Сэндхерст приходил в отчаяние, почти не поддававшееся утешению. Все дело в том, что только половине этих женщин дали оксиметабулин. Другой половине дали «пустышку», и не было абсолютно никаких причин, чтобы они сбросили хотя бы унцию.

— Ну что ж, вы похудели на полстоуна.

— Что еще? Сообщите мне хорошие новости.

Врач тщательно просмотрел данные.

— Все зависит от того, что вы называете хорошими новостями. Для некоторых любой диагноз, пусть даже самый ужасный, лучше, чем никакого. Если вы знаете, что с вами что-то не так, то можете хотя бы попробовать бороться с этим.

— Другими словами, со мной все так.

Рик откинулся назад, почувствовав и облегчение, и разочарование одновременно. Врач прав. Рик уже собирался было приписать свои безудержные, безответственные полеты фантазии опухоли головного мозга или какой-нибудь другой страшной болезни, которая растормошила его гормоны. Но все обстояло не так.

Головные боли почти наверняка были вызваны стрессом, так же как и потеря веса, и все другие симптомы. Рик коротко, неловко рассказал о своих разочарованиях в жизни. Врач с сочувствием рассмеялся.

— Мистер Гиффорд, да если бы была таблетка, которую я мог прописать против кризиса среднего возраста, то я бы прописал ее себе. В том, как вы себя сейчас чувствуете, нет ничего нового. Придумайте какое-нибудь новое развлечение. Отправьтесь с женой в романтическое путешествие. Играйте в гольф. Я именно так и делаю. Это пройдет.

Рик не сказал врачу, что чувствует он себя так уже давно. Раньше он контролировал свои чувства и держал их при себе, потому что такой он человек. Порядочный, разумный. У него жена и дети. Ответственность. Но с каждым прошедшим годом чувство долга все больше теряет в силе. Каждый день по дороге в офис он проезжает перекресток на трассе М4. И каждый день ему приходится крепче удерживать руль, чтобы рука плавно не повернула машину к западным графствам, к новой жизни.

Он пытался найти себе новое занятие. Ездил в романтические путешествия с женой. Но больше у него не было ни желания что-либо делать, ни решимости.

— Так сообщите мне хорошие новости.

Эмма сошла с весов, чуть не прыгая от эйфории. Ей не нужно говорить Дэвиду, насколько она похудела. С начала эксперимента она взвешивалась по меньшей мере три раза в день и знала точный вес и в фунтах, и в килограммах.

За три месяца она сбросила почти четыре стоуна и теперь весила меньше десяти стоунов — хороший вес для ее роста в пять футов десять дюймов, но выглядела она ужасно. Было очевидно, что огромное напряжение обезобразило ее тело. Сидевшее перед Дэвидом существо, похожее на сову, вызывало у него отвращение. Понятно, она сбросила лишний вес, но какой ценой? Она похудела так быстро, что кожа повисла на ее начавшей обретать очертания фигуре, точно сережки у индюка. Карманы застарелого жира как кулаки пристали к бедрам. Ее лицо осунулось настолько, что сделалось неприятным. Под глазами появились синие мешки, глаза налились кровью, хотя и сверкали.

Дэвид ненавидел эту женщину. Он понимал, что весь эксперимент вылетит в трубу, если она и дальше так же будет гробить себя. Скоро она вступит в царство болезненно худых, и тогда страшные слухи об «отсутствии аппетита» станут связывать с этим проектом.

— Эмма, вы нормально питаетесь?

Вопрос он задал утомленным тоном, зная, что она скажет неправду, ибо очевидно было, что она голодает.

— О, замечательно! То есть я помню, как вы говорили, что важно, чтобы мы продолжали жить той же жизнью, что и раньше. Замечательно!

Ее истерический энтузиазм был ответом потенциальной угрозе остаться без таблеток. Она была достаточно умна, чтобы понимать, что ее могут вывести из эксперимента, если уличат в нарушении протокола.

— Знаю, я сбросила много лишнего веса, но, думаю, произошло это просто из-за моего естественного обмена веществ. То есть я предрасположена к тому, чтобы быть худой, и вашему оксиметабулину просто удалось нормализовать мой обмен веществ, изменив неестественный режим, в каком он работал, и теперь я стала тем человеком, которого создала природа. Вот вам и объяснение, почему все происходит так быстро, так ведь?

Дэвид не сразу нашел нужные слова.

— Меня немного беспокоит темп, с которым вы теряете вес, да и давление у вас довольно высокое. Эмма, должен сказать, что вы не очень-то хорошо выглядите, и если это из-за таблеток, то у меня действительно нет другого выбора, кроме как...

— Вы не можете отнять у меня таблетки! Не можете! Погодите еще немного. Клянусь, в следующем месяце у меня все войдет в норму, вот увидите. Я буду питаться нормально, и вы увидите, что все это естественно, что со мной так и должно все происходить. Да вы потом только обо мне и будете говорить.

Природная хитрость и инстинктивное ощущение того, что доктор Сэндхерст неискренен, заставили ее высказать еще одну мысль.

— Вы только подумайте, что произойдет, когда благодаря мне эта история распространится по Соединенным Штатам и Британии. У меня, как вы знаете, есть связи. Хотя бы один издатель попросит меня сделать из этого сенсацию, иначе и быть и не может. А именно я специалист по рассказам о похудении. А когда в СМИ узнают, что я и была подопытным кроликом... Вот это будет история! Да я буду востребована всеми дневными ток-шоу Запада с моими фото «до и после»!

Она посмотрела на него как на соратника и продолжила без намека на угрозу:

— Вы ведь хотите, чтобы я была на вашей стороне, так ведь?

Дэвид уловил решимость родственной души. Он знал, что она ни перед чем не остановится, лишь бы продолжать участвовать в эксперименте. Она твердо вознамерилась принимать таблетки, невзирая на то, какое действие они оказывали на ее здоровье.

Была, впрочем, одна лазейка, которая давала ему возможность отстраниться от вины за то, что он позволил ей продолжать и дальше губить себя. Если бы он точно знал, что Эмма принимает мнимое лекарство, что ее чрезмерное снижение веса можно приписать невротической вере в магию «пустышек», тогда бы он не отвечал за последствия. Репутация оксиметабулина и эффективность лекарства остались бы незапятнанными.

Но как ему узнать, что она принимает, когда секреты участников эксперимента столь тщательно защищены компьютерной программой, к которой у него нет доступа? Все данные были введены таким образом, что ни один человек не мог сопоставить имя участника эксперимента с видом выданного ему лекарства. Только по окончании эксперимента пароль активизирует список имен и перечень лекарств. По крайней мере, так было в теории. Дэвид знал компьютеры достаточно хорошо, чтобы понимать, что не бывает системы, в которую нельзя проникнуть, и если и есть человек, достаточно хитроумный для того, чтобы перехитрить машину, то это он. Он тихо рассмеялся.

— Что смешного? — спросила Эмма, сложив на груди руки в ожидании плохих новостей.

Дэвид брезгливо посмотрел на нее.

— Да так, кое-что вспомнил, к вам это не относится.

Он откашлялся и сделал вид, будто читает свои записи, прежде чем принять решение.

— Ну что ж, полагаю, попробуем еще месяц, а там посмотрим, как пойдут дела.

Эмма едва в обморок не упала от облегчения, когда он протянул ей белую упаковку с таблетками.

— Я вас не подведу. Вот увидите. В следующий раз все будет в порядке, — прибавила она.

Она поднялась и тут же исчезла за дверью, прежде чем он успел передумать, а может, и забрать у нее таблетки. В приемной она одарила кого-то несколько истерической улыбкой и тотчас бросилась к Марине и Терезе, которые сидели рядом и нервно беседовали, ожидая вызова.

— Привет обеим!

Столь шумно выраженное приветствие внушало тревогу, и Марине потребовалось несколько секунд, чтобы заговорить.

— Привет, Эмма. Все в порядке?

Этот туманный вопрос в общем-то и не требовал ответа, но Эмма была слишком возбуждена, чтобы сдерживаться.

— Четыре стоуна. Ну не фантастика ли! Никогда не чувствовала себя так здорово. Нужно, конечно, настроиться соответствующим образом, последить за фигурой, но я уже начала делать упражнения, а если уж взялась за цикл упражнений, то можно выправиться за шесть недель, и я считаю, не пройдет и нескольких недель, как я дойду до девяти стоунов.

Ее взгляд бешено метался от Марины к Терезе, но когда она увидела выражение их лиц, вдруг резко закрыла рот. В последнее время она наблюдала такое же выражение на многих лицах. Что-то заставляло людей смотреть на нее вот так. Она все поняла. Ее не в меру возбуждало то, что она стала почти худой. Ей хотелось идти по улице и кричать: «Посмотрите на меня! Посмотрите на меня!», но ее безумие еще не зашло так далеко. Вместо этого она копила свою радость внутри, собирая ее в сплошную массу бредовых признаний, которые готова была выплеснуть на всякого, кто проявит интерес.

Она понимала, что говорит слишком много и слишком быстро, и решила попробовать обуздать свои чувства и представить более достойный портрет самой себя в новом обличье. На этой стадии она еще сохраняла капельку объективности, хотя иные аспекты ее поведения и вызывали некоторую тревогу.

— А как насчет того, чтобы мы втроем потом поужинали? Устроим девичник, а?

Неожиданно испугавшись того, что они отвергнут это предложение, она сменила тему.

— Мне это нужно для статьи. Я готовлю сенсационный материал для «Санди Таймс» о своем участии в эксперименте с этим лекарством, и если кто-то еще добавит что-то к моим ощущениям, то это не помешает. Угощаю.

Ее отчаяние было столь очевидно, что Марина и Тереза не смогли ей отказать. Первой заговорила Тереза:

— Что ж, отлично, Эмма. Но мы здесь пробудем еще с полчаса. Сегодня что-то очень медленно двигается очередь.

Марина вскочила, чтобы поддержать свою подругу.

— Может, мы лучше где-нибудь встретимся? Зачем тебе тут маяться?

— Да нет, я с радостью подожду здесь. Мне здесь нравится. У меня тут возникают чудесные ассоциации! Да вы не торопитесь.

Эмма надела наушники, включила плеер и уплыла в свой особый мир, в котором она была стройной, прекрасной и счастливой.

— А чего это она так улыбается? — прошептала Марина.

Тереза пожала плечами.

— Не знаю, но у меня от этого мурашки бегут. И зачем мы согласились пойти с ней?

— Если я правильно помню, предложение приняла ты.

— Я должна была это сделать. Это ведь все равно что ударить Бемби ^[29], если сказать «нет». И потом, чего это ей вздумалось пристать к нам ни с того ни с сего? До сих пор она не проявляла к нам интереса.

Марина пожала плечами.

— Трудно сказать. Но, если верить слухам, они с Гейл больше не разговаривают. И в ТФБП она теперь совсем не ходит. Наверное, у нее не осталось друзей.

— Ну ладно, на этот раз сходим, но если она думает, что так будет и дальше, три девочки вместе, и все такое, то пусть еще раз поразмыслит. А я собиралась поговорить с тобой, как раньше.

— Опять с Родом поссорилась?

— Не совсем. Как можно ссориться, когда я его не вижу. Он теперь все время где-то пропадает. Говорит, по делам.

— А ты ему не веришь?

— Не знаю, чему и верить. Не могу же я винить его за то, что он хочет держаться от меня подальше. Я законченная сука. Знаю, что все будет в порядке, как только я стану стройной, но вот что меня бесит, так это процесс похудения.

— Но ты уже теперь выглядишь отлично, и тебе это известно. Ты ведь не собираешься и дальше худеть?

— Марина, только не говори, что и ты туда же — «только не худей слишком сильно». Обычно я приписываю это зависти, но я знаю, что ты не такая.

На лице у Марины появилось обиженное выражение.

— Полагаю, так говорят, потому что действительно так думают, ибо это правда. Ты на самом деле выглядишь отлично. Да ты и сама, с твоим скрытым чувством собственного достоинства, должна согласиться с этим. И еще ты должна согласиться с тем, что если кто-то сбрасывает вес ниже какого-то уровня, то может быть нарушен баланс присущих человеку качеств.

— Не знаю, о чем ты говоришь, но если ты это утверждаешь, значит, лучше оставаться в меру толстой, иначе ты ни за что не заставишь меня согласиться с тобой.

Марина подумала, а не отказаться ли ей от своего довода, но не смогла. Нужно еще раз попытаться убедить Терезу сойти с избранного ею курса.

— Насчет лишнего веса я ничего не говорю. Я говорю, что у каждой женщины есть своя индивидуальная конституция, которую она считает идеальной. Ты знаешь, что я имею в виду: как только женщина утратит подкладку в боках, у нее вытянется и осунется лицо. А другая женщина уберет последний лишний дюйм с бедер, так у нее ноги сразу станут кривыми.

— Другими словами, если я не хочу быть похожей на старую мегеру, то мне нужно оставить свой отвратительный живот?

Марина воздела руки, признавая свое поражение.

— О'кей. Твоя взяла. Давай переменим тему, пока мы не поссорились.

— Отличная идея.

Обе уставились в пространство в поисках безопасной нейтральной темы. Задача была трудной, поскольку их дружба основывалась на том, что волновало их обеих, — лишний вес. Все остальное отвлекалось от этого общего стебля при молчаливом согласии с тем фактом, что чувство физической неполноценности не вторгается ни в одну другую сферу их жизни.

К счастью, вызвали Марину, так что им не пришлось больше мучиться. Тереза стиснула ей руку и пожелала удачи. Марина поднялась и направилась в кабинет, будучи неуверенной, какую удачу Тереза имела в виду.

Они приканчивали вторую бутылку вина «Сансер».

У Терезы был озабоченный вид.

— Знаю, я уже это говорила, но нас ведь просили не мешать алкоголь с лекарством.

Хихикая, Эмма вылила вино до последней капли в свой бокал.

— Теперь уже несколько поздновато. Да и потом, я объясняла вам, что такое всегда говорят, когда проводят подобные эксперименты. Тем самым хотят застраховаться на случай нежелательной реакции. А так можно сказать, что это не их вина. Но глубоко внутри они действительно довольны, потому что это означает, что они установили — связь между алкоголем и таблетками существует, так что потом можно будет напечатать предупреждение на вкладыше.

Тереза и Марина пришли в замешательство. На этот раз в том, что они слышали, было еще меньше смысла, чем в предыдущих сентенциях. И все же логика становилась безукоризненной, хотя они все больше пьянели. Убежденность Эммы в своей правоте успокоила их, и они заказали еще бутылку.

С лиц всех троих не сходила вялая улыбка, свойственная тем, кто находится в средней степени опьянения. Вид у них троих был какой-то неопрятный, да еще и позы все приняли зигзагообразные, кучами развалившись на ужасно неудобных хромированных стульях.

Алкоголь лишил Терезу всех тормозов, и вскоре последовали не совсем деликатные вопросы.

— Эмма, так что же произошло между тобой и Гейл? Вы же были двойной спиралью, скреплявшей основы ТФБП, вы были единым союзом, а теперь она, кажется, отлучила тебя.

Эмма была слишком пьяна, что обидеться или осторожничать.

— Она такая нервная, вот в чем ее проблема. Знаете, в чем ее проблема?

Никто не знал.

— Она боится стать худой, вот в чем ее проблема! И она это знает. И она знает, что я это знаю. Вы когда-нибудь были в ее квартире?

Не были.

— А я была, и видела все ее фотографии. До шестнадцати лет она была худой. Она показала мне несколько снимков, сделанных когда-то на школьных каникулах. Тогда мне все стало ясно.

Эмма выдержала драматическую паузу, хотя была настолько пьяна, что ее слушательницы истолковали эту паузу как сознательную попытку удержаться от тошноты или потери сознания.

— И как она выглядела, черт побери? — спросила Марина, рассчитывая, что последует мрачное описание подростка, терзаемого всеми юношескими муками вроде изменений кожи и состояния волос. Как это было у нее в юности, если не считать того, что она была к тому же толстой.

— Хороший вопрос. Обыкновенно выглядела. Не симпатичная. Не страшная. Все, так сказать, на месте. Немного многовато в области груди, но не так много, как у некоторых девчонок из моей школы. Нет, выглядела она... э-э-э... хорошо. Вот только волосы какие-то странные. Заплетены в косички, что немного смешно для девушки в этом возрасте. Обыкновенная шатенка. А сейчас что делается с ее волосами?

Она откинулась назад с видом человека, хорошо рассказавшего анекдот.

— Может, я что-то пропустила? — спросила Тереза, ожидавшая более впечатляющего финала. — А чем объясняется то, что Гейл боится быть худой? Я что, настолько пьяна, что уже и за разговором не слежу?

Марина пожала плечами.

— Я тоже не понимаю. Эмма, к чему ты это рассказала? Ты говоришь, что Гейл была

абсолютно нормальным средним подростком. И что с того?

Эмма раздраженно замахала руками.

— А вы так ничего и не поняли?

Нет, ничего.

— Дело в том, что, когда Гейл была стройной, она была обыкновенной. Она и не собиралась превращаться в ослепительную красавицу, на которую все оборачиваются. Когда цветущая юность прошла, а это случилось, когда ей стукнуло двадцать, она скорее всего должна была стать простушкой. Только представьте себе! Всю жизнь оставаться простушкой!

Эмма сделала Марине и Терезе знак, чтобы они приблизились. Мастер-класс по женской психологии она собралась провести вполголоса, как того требует серьезное академическое выступление. Они нехотя согласились, поскольку уже успели прийти в ужас от горячего осуждения подавляющего большинства женщин, не отвечавших строгим канонам условной красоты, исповедуемым Эммой.

— И что она сделала? Потолстела. А что хорошего в том, что человек толстый? То единственное, что отличает толстого человека. Что это?

Ни малейшего представления.

— Толстой хорошо быть потому, что можно представить себя тонкой. Идеальной. Можно представить себя прекрасной, чертовски популярной, любимой. С грудью великолепной формы. С боками и бедрами, которые сейчас в моде. Толстой можно не спеша гулять по жизни, самодовольно упиваясь тем, что за внешним обликом толстушки есть кто-то другой, кто может иметь все, что захочет, может стать, кем захочет. И в один прекрасный день... в один прекрасный день... ты становишься таким человеком.

Прежде чем продолжать, она сделала паузу, чтобы проглотить непотребное количество вина.

— Если, разумеется, ты знаешь, как будешь выглядеть, когда станешь худой. Представьте себе, что даже при восьми стоунах ничего особенного ты собою представлять не будешь. И что тогда делать? Остаться толстой. Раскрасить себя как карикатуру. Стать особенной, оставаясь толстой. Не симпатичной. Не красавицей. Но особенной, на которую обращают внимание. А когда кто-то вздохнет печально и скажет: «Ты была бы такой красивой, будь ты похудее», ты улыбнешься про себя, потому что знаешь, что это неправда. Вот почему Гейл не хочет худеть.

Аплодисментов не было, хотя она, похоже, и ожидала что-то вроде овации. Марина откашлялась.

— Может, ты и права, Эмма. Я хочу сказать, ты знаешь ее лучше, чем мы, поэтому тебе и карты в руки. Но если то, что ты говоришь, правда, то вряд ли вообще стоит садиться на диету. А если уж кто и сядет, то, когда обнаружится, что ослепительной красавицы не вышло, придется снова толстеть.

Эмма с восторгом ударила кулаком по столу.

— Точно! Больше девяноста процентов людей, сбросивших вес, снова потом его набирают. И как вы думаете — почему?

На этот раз она не ждала ответа. Она написала эту статью тысячу раз, и с толку ее уже не сбить.

— Потому что в реальности худоба ничего общего не имеет с тем, что рисовала себе женщина, когда была толстой. Мужчину своей мечты она не нашла, а если и нашла, то так и

не сочла его достойным. Большого повышения зарплаты не получила. Члены семьи и друзья не стали любить ее больше, чем раньше. Тело в ее собственных глазах не стало совершенным. А если и стало, то она то тут, то там все равно обнаружит несовершенства. Справедливость и вечное счастье не отозвались на ее зов. Так и не пришло время, когда все становится точно таким, каким ты мечтала.

А худым людям все это давным-давно известно. Они примирились с разочарованием и живут себе, как жили, уповая на лучшее. Когда с этой реальностью сталкивается толстушка, она борется с разочарованием единственным доступным ей способом. Начинает снова есть.

Она откинулась на стуле, подавленная собственной философией. Пока Эмма говорила, она не могла не подсчитать, что с вином поглотила более 1000 калорий. Ее начала охватывать паника.

Тереза тоже была подавлена. Интересно, думала она, где сейчас обедает Род. Когда она пыталась дозвониться до него по мобильному телефону, чтобы сообщить ему, что сбросила вес до десяти с половиной стоунов, он не отвечал.

Марина тоже была подавлена. Исчезла радость, которую она испытала, узнав, что официально весит чуть меньше одиннадцати стоунов. Ее собственный мыслительный процесс был приглушен вином, и ей было нелегко найти доводы в противовес теориям Эммы. Если она права...

— Корова Му!

Этого еще не хватало.

Сюзи вошла в ресторан с Дэвидом Сэндхерстом. Времени поразмыслить, странное это совпадение или нет, не было. Марина поднялась, чтобы поздороваться с Сюзи. Она успела отметить, что Сюзи с трудом сдерживала свое паническое состояние. По всему было видно, что эта встревоженная женщина — мать с целой кучей обязательств. Она была обвешана сумками от Питера Джоунса^[30], а рукава были закатаны, чтобы можно было в любой момент взглянуть на часы.

— Ты сегодня не работаешь? — весело спросила Марина.

— Нет. Взяла выходной. Алисе нужно к зубному врачу. Фредерик отправился к детскому психологу (не спрашивай, Му, это долгая история), на ужин к нам сегодня придет десять человек, готовящихся стать директорами школ (даст Бог, я и сама на будущий год к этому времени буду директором), мне нужно все приготовить и...

Пока Сюзи выплескивала Марине свои проблемы, они неловко обнялись. Неожиданно Сюзи в изумлении отпрянула.

— Боже мой, Корова Му! Да вы посмотрите, как она похудела! Это же здорово. Поздравляю тебя. Ты ведь не страдаешь потерей аппетита, а? Да тебя совсем не узнать! А твое лицо! Ты ведь не слишком далеко зайдешь? То есть я не против, но...

— Спасибо, Сюзи, — сухо ответила Марина. — Ты тоже отлично выглядишь.

Сюзи отбросило от нее точно выстрелом. Только теперь Марина смогла рассмотреть свою подругу. После стольких совместно прожитых лет, когда объектом постоянного внимания было только ее тело, Марина воспринимала совершенство форм Сюзи как должное. Но тут она вспомнила о своем подозрении, зародившемся во время их последней встречи. Она присмотрелась внимательнее и безошибочно определила: Сюзи толстеет.

Сюзи поймала этот удивленный взгляд и — да может ли такое быть? — выражение удовольствия, разливавшееся по Марининому лицу. Нет, конечно нет. Друзья так себя не ведут. Не успела Марина облечь свои наблюдения в слова, которые невозможно было не

произнести, как Сюзи не переводя дыхания начала объяснять ситуацию.

— Знаю, о чем ты думаешь. Что я беременная!

Марина на это ничего не сказала. Она видела Сюзи беременной и знала, что это другое.

— Да нет. Хотя должна признаться, про себя я такое думала. Ты ведь меня знаешь, я и унции не прибавлю. Нет, я думаю, что у меня проблемы с гемоглобином. Или гормональные. Разумеется, я собираюсь сдать анализы. Возможно, все дело в щитовидной железе. А может, у меня диабет. Все может быть. Может, что-то серьезное, как знать? Но терпеть этого нельзя. Мне, во всяком случае. Нельзя быть толстой. Я точно не буду.

Три другие женщины, выслушав эту речь, смутились. Сюзи совершала громадную ошибку, пытаясь найти оправдание своему прибавлению в весе, тогда как эти женщины знали лучше нее, отчего люди толстеют. Им было ужасно жаль человека, который пытается разрешить проблему, с которой не сталкивался раньше.

Неужели они радуются чужому несчастью, когда сами дают усадку, в то время как это бедное существо всю разносит? Еще как радуются. Женская солидарность — идея весьма замечательная, но если вы всю жизнь мучительно страдали рядом с худыми женщинами вроде Сюзи, то есть ли тут их вина?

И тут случилось нечто ужасное. Сюзи разрыдалась. Она быстро отвернулась, чтобы посмотреть, где Дэвид. Он и не подозревал о том, что Сюзи в беде. Дэвид сидел возле стойки бара и всю флиртовал с барменшей. Это окончательно вывело Сюзи из себя.

— Корова Му, что мне делать? Теперь мне уже не приготовить мой специальный соус!

— Мне послышалось или она сказала, что больше не сможет приготовить свой специальный соус? — спросила Тереза у Эммы.

— Да вроде так и сказала.

Сюзи резко поднялась.

— Идем со мной. Я кое-что покажу тебе в туалете. Это кошмар!

Вообще-то она обращалась к Марине, но две другие тоже решили пойти. В их состоянии, наверное, лучше держаться поближе к туалету.

Четверо женщин, нетвердо ступая, направились в конец коридора. В их походках можно было разглядеть различные стадии опьянения и истерии.

Они вошли в пустое помещение. Сюзи тотчас направилась в одну из кабинок и захлопнула за собой дверь.

— Погодите, сейчас я покажу вам, в чем проблема, — пробормотала она.

Существует широко распространенный миф, будто женщины больше всего любят проводить тайные совещания в туалетах. Пожалуй, это справедливо по отношению к женщинам до тридцати лет, которым нечего скрывать, ни физически, ни эмоционально. А вот для тех, кому за тридцать, туалеты становятся прибежищами, где можно проделать маленькие хитрости, чтобы скрыть недостатки, обнаруживающие стремительное приближение возраста. Туалеты для них — коконы, где женщина может расстегнуть пояс и на несколько волшебных, сладостных минут освободить мышцы живота. Это приют, где можно поковырять в зубах, замазать прыщики на лице и подтянуть колготки. И большинство женщин предпочитают в таких случаях быть в одиночестве.

Оказавшись в узком пространстве рядом с раковинами, Марина, Эмма и Тереза вдруг поняли, что их непринужденный разговор иссяк. Они принялись читать написанные каллиграфическим почерком инструкции о том, как избавляться от гигиенических пакетов. Смотрелись в зеркало с осторожной небрежностью, дабы не обнаружить тщеславие. Потом их отвлек шум, доносившийся из кабинки Сюзи. Сначала она открыла сумочку, порылась в ней и что-то достала. Потом открыла какую-то коробку. И тут они услышали звук.

Это явно был какой-то прибор, работавший на батарейках. Жужжание то возрастало, то затихало. Три женщины были ошеломлены. Они смотрели друг на друга в изумлении, не веря своим ушам. Ни одна из них не осмеливалась высказать свое мнение относительно того, чем Сюзи там занималась. Об этом страшно было подумать.

Неожиданно Сюзи с шумом раскрыла дверь. Отскочив в тревоге в сторону, Марина увидела, что Сюзи была с голой грудью. Она протягивала ей какую-то бутылку. Бутылка была пустой.

Марина нехотя взяла ее. Посмотрела на нее, сильно тревожась относительно того, в своем ли Сюзи уме.

— Это бутылка? — осторожно высказала она предположение, стараясь не сказать чего-нибудь лишнего этой безумной женщине.

Ответ неверный. Сюзи грубо выхватила у нее бутылку.

— Это не бутылка. А пустая бутылка. Разве не видишь? Бутылка пустая.

Эмма не настолько переживала, что скажет что-то не так.

— Да мы все видим, что она пустая. Но — мне не хотелось бы об этом спрашивать,

потому что я не уверена, что мне так уж хочется услышать ответ, — что в ней все же должно быть?

Сюзю глубоко задышала, пораженная глупостью этих женщин.

— Молоко, разумеется. Мое грудное молоко.

Чтобы переварить эту информацию, требовалось какое-то время. Установив связь между этим заявлением и бессчетным количеством съеденных ужинов, щедро сдобренных особенным соусом Сюзю, Марина почувствовала, что ее очень, очень тошнит.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что использовала грудное молоко для специального соуса, когда мы в последний раз...

— В течение семи лет, да. С тех пор, как у меня родилась двойня.

Эмма покачала головой. Она не раз слышала обо всяких диковатых рецептах, но грудное молоко в белом соусе?

— Но почему? Что тебя заставило это делать?

Сюзю не могла поверить, насколько может быть не осведомлена эта женщина.

— А я думала, что ты вроде как специалист по похудению. Тебе что, никто не рассказывал, что можно сжечь дополнительно около двух тысяч калорий в день при кормлении грудью?

Разумеется, все тотчас задумались. Это было до того безумно логично, что они подумали — а почему остальные женщины этого не делают? А может, и делают. Да ни одна из них больше не притронется к белому соусу, приготовленному матерью.

— Это было чудо, — продолжала Сюзю. — После рождения двойняшек мне ужасно не нравилось, что я располнела, но как только я стала кормить грудью, лишний вес просто пропал. Ела я горы, но все равно сбрасывала по паре фунтов в неделю. Я не могла поверить, что есть женщины, которые не кормят грудью. Неужели они не понимают, что из этого можно извлечь пользу?

Ну да ладно, двойняшки в конце концов перешли на твердую пищу, отказавшись от моего молока. Я была в отчаянии. Хотя и села на диету, несколько лишних фунтов все же появились. И тут само собой пришло решение.

Она прошла в кабинку и вернулась с прибором, который наделал столько шума. Никто и понятия не имел, что это такое.

— Грудной насос! — воскликнула Сюзю.

— О Господи! — хором произнесла троица. Впервые в этот день до них что-то дошло. Теперь все ясно. Все сходится. И как же все это мерзко!

В течение семи лет Сюзю пользовалась грудным насосом для поддержания производства своего молока. Но вот когда и где она совершала этот героический подвиг, оставалось своего рода тайной. Может, Кен думал, что у нее слабый мочевой пузырь и ей нужно много времени проводить в туалете? Кто знает?

Терезу явно что-то беспокоило.

— Ты сказала, что у тебя двойняшки. Но их же нужно усиленно кормить. И сколько у тебя было в день молока с того времени, когда ты перестала кормить детей?

Сюзю задумалась на мгновение.

— Да литра полтора.

Женщины пооткрывали рты в изумлении.

— Господи помилуй! А что ты делала с тем молоком, которое не добавляла в соус? — спросила Марина.

— Готовила рисовый пудинг, мороженое, молочные смеси для детей, всякое такое. Да, и еще я узнала, что пенка хорошо взбивается в новом аппарате Кена для приготовления капучино. Вы бы удивились, если бы я вам подробнее рассказала, как просто найти применение молоку.

— И ты с помощью насоса берешь каждый день из своих грудей полтора литра молока? — спросила Эмма, у которой голова шла кругом от картины, которую она себе нарисовала.

— Вот в том-то и дело. Больше не беру. Брала когда-то, а теперь все прекратилось.

Она разговаривала с людьми, которые ничего не знали о том, когда молоко появляется и когда заканчивается. Они и понятия не имели, о чем она говорит. Поэтому она постаралась вбить им в головы последний аргумент.

— Я высохла! Молока больше нет! У меня уходило все больше и больше времени, чтобы получить молоко, а его становилось все меньше и меньше. И тогда я стала толстеть. А недели две назад все прекратилось. Что мне делать?

— Почему бы тебе не попросить у Дэвида его таблетки? — спросила Марина, не успев подумать, что говорит.

Она ляпнула глупость. Потому что это настолько просто. Правда, лучше Сюзи этого не делать. Ведь теперь она только и будет думать о том, что есть быстрый выход из положения. Марина хотела было взять свои слова назад, и тут ее осенило.

— Мне так показалось или Дэвид пришел с тобой в ресторан?

Сюзи уловила внутренний сигнал тревоги и отреагировала быстро, дабы отместить подозрения.

— Ну вот, от вас ничего не скроешь! Ты совершенно права, Му! Я думала о том же, о чем и ты, и пришла к такому же выводу. Я пригласила Дэвида, чтобы поговорить с ним насчет эксперимента с оксиметабулином.

— Но, Сюзи, это невозможно, и ты должна это понять. Да, я тебе это предложила, но это была сиюминутная глупость с моей стороны. Во-первых, эксперимент идет полным ходом, и на этой стадии они не станут брать новых людей. А во-вторых, ты совершенно не подходишь для этих опытов. Дэвид специально отбирал людей из ТФБП, потому что мы, скорее всего, будем питаться, как и раньше, и не скажем возможный результат.

Она тактично покраснела, произнесла эту явную ложь, а Эмма и Тереза покраснели вслед за ней. Но теперь лучше держаться этой истории.

Сюзи успокоилась и, застегнув платье, заторопилась к Дэvidу. Она теперь и не думала просить у него таблетки, что собиралась сделать раньше. Не в таких они были отношениях, предпочитая не говорить о серьезных вещах. Они предпочитали вообще много не говорить. Но после того как Марина высказала эту свою мысль, она только об одном и думала.

— Ты права, я просто схожу с ума. Не буду я ставить Дэвида в неловкое положение и не стану ни о чем его просить. Хотя теперь мне придется найти причину, почему я пригласила его в ресторан. Придется мне его очаровать! — Она неубедительно рассмеялась. — Ты знаешь, Корова Му, так это все глупо. Ты ведь не скажешь Кену о... ну, ты понимаешь?

Марина поспешила ее успокоить, торопясь положить конец этой встрече, от которой у нее сплошная головная боль. В последнее время у нее много от чего болела голова. Дэvidу, правда, она об этом не говорила. Едва ли не больше Эммы она боялась того, что ее снимут с участия в эксперименте.

— А кстати, — спросила Сюзи, — ты-то что делаешь в этом ресторане? Живешь ты не

близко.

Эмма с радостью ответила за всех.

— Сегодня мы все взвешивались в «Перрико». Я сбросила четыре стоуна, да и Марина с Терезой почти столько же. При этом, обрати внимание, вначале они весили больше, чем я.

Она замолчала, поняв, что опять сболтнула лишнее.

— А, ну ясно. Молодцы. Так ведь говорят в таких случаях? Сама не знаю. Ну ладно, надо бежать. Спасибо, Корова Му. За все.

Сюзии с благодарностью поцеловала Марину, безуспешно попытавшись отыскать большой кусочек щеки, в котором можно, как она уже не раз это делала, утопить свои тонкие (явно без лишнего веса) губы. Дабы физически не ощутить изменений, которые претерпевала ее подруга, Сюзии ограничилась воздушным поцелуем.

Сюзии ушла, и Эмма, Тереза и Марина так и остались стоять, не зная, что теперь делать. В такой ситуации оставалось сделать только одно. Они разошлись по кабинкам, и каждая из них попыталась избавиться от охватившего их безумия, слив воду в унитазе.

— Где, черт возьми, ты была? — зашипел Дэвид на Сюзии, недовольный тем, что она не так привлекательна, как тогда, когда у них начиналась интрижка.

— Ты что, не видел Марину и остальных? Мне нужно было как-то объяснить им, почему я с тобой.

Дэвида это еще больше разозлило. Он знал, что Марина часто бывает в доме Сюзии и Кена, и ему бы не хотелось, чтобы Марина что-то рассказала Кену. И дело не в том, что он был дружен с Кеном. Он работал с ним, но родственными душами они не были. Просто Кен был ему нужен.

Кен, видит Бог, никогда не был своим парнем. Его не приглашали на холостяцкие вечеринки или на дни рождения секретарш. Никто не спрашивал у него, хорошо ли он провел уикенд и какого он мнения о Камерон Диас^[31]. Поэтому ему польстило, когда Дэвид Сэндхерст предложил ему дружбу. У Дэвида было все, чего не было у него: уверенность, обаяние и успех у женщин. Сблизившись с Дэвидом, Кен на себе ощутил толику его популярности. И ему это нравилось.

А когда Дэвид спросил у него с глазу на глаз, как мужчина мужчине, сможет ли он оказать ему пару услуг, разумеется, тот согласился. До сих пор Ден был стоворчив в отношении липовых счетов, на которые Дэвид просил его не обращать внимания. Как и на сомнительные расходы. Но он дал ясно понять, что ему это не нравится. И Дэвиду приходилось «обхаживать» Кена со всей дотошностью, на какую он был способен, пока в коммерческом отделе не отыщется другая марионетка.

— Ты, глупая корова! — пробормотал он сквозь стиснутые зубы. — Зачем ты настаивала на том, чтобы мы пришли сюда, если знала, что здесь могут оказаться твои подружки? Ты что, хочешь, чтобы Кен узнал о нас? Поэтому и ведешь себя как идиотка?

Сюзии почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы.

— Да откуда я могла знать, что она будет здесь? Я выбрала это место, потому что это недалеко от «Перрико». Ты же не говорил мне, что они сегодня все взвешиваются, иначе я могла бы догадаться, что они потом захотят пообедать где-нибудь поблизости. Ты вообще никогда ничего мне не говоришь.

Она знала, что рассуждает как ребенок, но ничего не могла с собой поделать.

— Дэвид, прости меня. У меня просто голова забита. Вообще-то мне хотелось с тобой

кое о чем поговорить. Почему ты на меня так смотришь?

— Да ведь ты пополнила. На лицо. Другая часть твоего тела какое-то время росла в объеме, но против этого я ничего не имею. Ты всегда была склонна к худобе. Но теперь ты стала раздаваться в лице. Терпеть не могу, когда женщины перестают следить за собой. Это всегда отражается на лице. Посмотри-ка, да у тебя двойной подбородок.

И он стиснул указательным и большим пальцами складку кожи у нее на подбородке. Сюзи стало больно, и она вскрикнула.

— Как это ни смешно, именно об этом я и хотела с тобой поговорить. Самое странное, что идея это не моя, нет, а Маринина...

— Да перестань же зудеть, Сюзи! Терпеть не могу, когда ты зудишь.

Она перестала зудеть. Но не успела она начать кампанию за то, чтобы ее подключили к эксперименту с оксиметабулином, как зазвонил мобильный телефон Дэвида. Прежде чем ответить на звонок, он отошел в другой конец ресторана. Сюзи страшно не нравилось, когда он это делал. Она терялась в догадках, кто бы это мог ему звонить; наверняка он не хотел, чтобы она знала, кто это. Конечно, могли звонить и по работе, по закулисным делам. Она знала Дэвида достаточно хорошо, чтобы предположить, что и в своей трудовой деятельности он, вероятно, прибегает к столь же сомнительным приемам, что и в жизни.

Но скорее всего это женщина.

Когда он вернулся к столику, она пристально всмотрелась в его лицо в поисках догадки, но ничего не обнаружила. Это вам не мыльная опера, где у злодеев бегают глазки, а честные парни улыбаются в открытую. В действительности все давно научились вести себя на людях с первых опытов в общении, и, естественно, большинство научились делать это хорошо. У Дэвида же это получалось лучше всех.

— Прости, Сюзи, срочные дела в лаборатории. Надо бежать. Не грусти. Я позвоню.

Он потрепал ее волосы, словно она была щенком лабрадора, и исчез. Даже не поцеловал меня, подумала Сюзи. И сказал, позвонит, но не сказал когда. Она знала, что это значит. Женщины тридцати одного года хорошо это знают.

Больше он никогда не позвонит.

Звонила не женщина. У Дэвида на уме были другие дела. Он проклинал себя за то, что набросился на Сюзи. Хотя про ее лишний вес он и сказал, что думал, все-таки глупо отдалять ее от себя, пока она остается его самой надежной кормилицей. Впрочем, он найдет кого-нибудь другого. Ему всегда это удавалось. Так устроена его жизнь.

И вместе с тем его жизнь потихоньку выходила из-под контроля. А он к этому не привык. С каждым прошедшим месяцем его долги возрастали, а жалованье оставалось прежним. Проценты по просроченным займам и кредитным карточкам все росли, а в последние два месяца всех сумм, какие он заработал, не хватало на то, чтобы удовлетворить претензии всех его кредиторов.

Он начинал психовать. Весь свой гардероб он отнес обратно в магазин, чтобы перепродать. Полученных денег едва хватило, чтобы оплатить счета за газ и электричество, но не больше того. Он теперь и спал плохо. И не важно, что у него не было денег на еду, ибо у него пропал аппетит.

Он ждал, когда банк примет решение о продлении его займа под гарантию премии за окончание эксперимента, которую ему обещали в «Перрико». Управляющий банка (мужчина, черт бы его побрал) и Джефф Перриам, заместитель директора «Перрико»,

бессчетное число раз разговаривали по телефону. Дэвид не знал, что было сказано, но что бы это ни было, в банке те разговоры посеяли сомнения.

В ресторан позвонили от имени управляющего банком. Не мог бы Дэвид зайти на недолгий разговор? Удобно это ему? Еще как удобно.

Дэвида тошнило. Отчасти потому, что он сутки ничего не ел, а выпил залпом стакан вина. Но главным образом потому, что этот жуткий человек в строгом костюме разрывал чековую книжку Дэвида на оскорбительно мелкие кусочки.

— Мне правда жаль это делать, но мы думаем, что нужно установить контроль над вашими расходами единственным доступным нам образом.

Дэвид в эту самую минуту и дыхание свое с трудом контролировал, не то что расходы.

— Я не понимаю. То есть я знаю, что расходы немного превышены, но разве моя компания ничего не говорила вам насчет премии, которая ожидается в этом году?

Управляющий задумчиво посмотрел на Дэвида. Критически.

— Я обстоятельно переговорил с мистером Перриамом, и его слова несколько отличаются от ваших.

Дэвид был озадачен. Это был один из тех редких случаев, когда он (насколько ему было известно) вел себя честно, ничего не скрывая.

— Каким образом? — спросил он.

— Вы уверяли меня, что премия вам гарантирована, если эксперимент с препаратом будет попросту проведен и завершен.

— Верно.

— Несколько иное утверждает мистер Перриам. Согласно его разъяснениям, выдача премии зависит от того, будет ли эксперимент завершен успешно. Но нас не устраивает эта оговорка.

— Да, но это же просто формальность. То есть они всегда так говорят. Однако само собой разумеется, что раз уж эксперимент начался, то он будет завершен успешно. Даже если кто-то умрет, эксперимент обычно все равно продолжается.

Управляющий улыбнулся.

— Вот и словечко «обычно» нам не нравится. Нам нравятся такие слова, как «гарантируется», «определенно». Вы просите у нас займы много денег, я бы сказал, еще больше денег, без железной гарантии, что сможете возратить их в обозримом будущем. И если честно, мистер Сэндхерст, ваш послужной список не является достойной гарантией вашей долгосрочной финансовой стабильности. Мы, разумеется, еще раз рассмотрим вашу просьбу, если ваше положение изменится или мистер Перриам сможет убедить нас, что премия действительно гарантируется.

Дэвид несколько секунд ждал, что неожиданно, как это бывало в подобные критические минуты его жизни, что-то произойдет и ему улыбнется удача.

Но ничего не произошло. Значит, так тому и быть. Его последний законный источник получения денег надолго перекрыт. А до декабря, когда эксперимент официально заканчивался, ждать было еще долго.

Придется искать деньги в другом месте.

«Толкотня на перекрестке» была запланирована на 29 августа, в Маринин, так уж вышло, тридцать второй день рождения. Теперь, когда это событие должно было вот-вот состояться, Марина испытывала некоторое волнение. Она понимала, что это плод умственных усилий Энди и успех укрепит его позиции в соперничестве за кресло в составе правления. Но она также понимала и то, что этот успех укрепит позицию «Спарклиз» в ТНСВ. А привлекла «Спарклиз» в агентство она.

СМИ проявили интерес к этой идее не в последнюю очередь из-за гарантированного появления десяти самых роскошных красоток в Великобритании. По слухам, одна из длинноногих девиц будет «показываться» племяннику премьер-министра. Ну и ну, весело думала Марина, читая пресс-релиз.

Не было никакого сомнения в том, что ее настроение заметно улучшилось после того, как она стала весить девять с половиной стоунов. И перешла на волшебный двенадцатый размер. И продолжала худеть.

Она выглядела фантастически и знала это. В тот день, когда ее должны были взвесить в «Перрико», она заказала себе полностью новый гардероб в «Харродз»^[32]. Ей уже было известно, что скажет Дэвид (теперь она взвешивалась дважды в день), но увидеть свои размеры в базе данных на экране компьютера значило для нее много. И она видела выражение лица Дэвида, когда он делал вычисления. То было выражение симпатии. Она начинала привыкать к такому выражению.

Это было неделю назад, и она вложилась в совершенно новый гардероб для своей новой фигуры. Она совсем по-другому стала смотреть на себя через призму этого нового стиля. Не будучи более скована необходимостью прикрывать излишки фигуры, она выбирала такую одежду, которая ей нравилась. Выбирала то, что видела в журналах, и была уверена, что эта одежда подойдет и ей.

Когда она явилась в ТНСВ на другой день, все в агентстве застыли на месте. Хотя быстрая потеря лишнего веса и не прошла незамеченной, в глазах коллег, видевших ее ежедневно, она оставалась толстой Мариной (хотя теперь она не была такой толстой, как раньше). Несмотря на то, что ее габариты уменьшались, она долго не покупала новую одежду. Поскольку по большей части ее гардероб состоял из одежды типа «легкий шатер», эволюционный период был замечен всеми.

В течение этих месяцев она намеренно не меняла ни один аспект своего облика, с нетерпением ожидая полного перевоплощения.

И ожидание было не напрасным. Она шествовала по коридорам агентства, точно Глория Суонсон, когда та спускалась вниз по лестнице в фильме «Бульвар Сансет»^[33]. Теперь это был другой человек. Не та большая Мария Ризенталь, которую никто не баловал вниманием, а совершенно другая. Габаритами вдвое меньше, но внимания на себя обращала вдвое больше.

Она изменилась от макушки до кончиков пальцев ног. Ее фирменные кудряшки исчезли, и стрижка теперь была короткая. В результате столь решительных мер обнаружился череп прекрасной формы, точно вылепленный скульптором и никем не виденный с того времени, когда она была ребенком. Ее каштановые волосы красиво падали естественными

пряжками, которые не мог бы уложить даже самый искусный парикмахер.

Лицо, лишенное жировой прослойки, было красивым даже без косметики. Но когда свои усилия приложил опытный визажист, она стала просто красавицей. Глаза у нее всегда были большие, но обычно они утопали в гигантских складках щек. Как и полные губы. Когда она была большой, они просто казались надутыми. Теперь же стали яркими и эффектными.

Ее фигура была воплощением всех тех фантазий, которые большинство женщин, набравших предельный вес, по мнению Эммы, не могли реализовать. Ее плечи и бедра пребывали в равновесии с талией — с талией! А грудь больше не нуждалась в железной подпорке, способствующей тому, чтобы бюст не подметал пол. А ноги? Как и можно было ожидать от человека с таким ростом, они были длинными, длинными, длинными. Утолщения в боках не наблюдалось, если таковое рассматривать в контексте безупречной в прочих отношениях линии от талии до лодыжек. Она была совершенно, безукоризненно стройна.

В одежде.

Если бы кто-то взялся подсчитать, насколько быстро Марина сбросила лишний вес, то пришел бы к выводу, что она похудела очень сильно за весьма короткое время. А тот, кому хоть что-то известно о коварном поведении жира, догадался бы, что на самом деле происходит под всей этой одеждой от лучших дизайнеров.

Средняя часть ее тела представляла собою спущенную шину, изношенную от постоянного накачивания. Груды были похожи на проколотые пляжные мячи, из которых медленно выходит воздух. А на ногах, казалось, были чулки, поддерживавшиеся плохо сидевшими подвязками, при этом кожа складками сбегала к коленям. Только лицо выдержало испытания. Ее естественная красота словно вырвалась из плена и с облегчением приняла новую, удобную для нее форму. Да, мне так нравится, это просто прекрасно, благодарю вас — казалось, говорило ее лицо.

Маринины консультанты дали ей лучшие советы. Поставь правильно фундамент, говорили они, и здание вырастет так, как ему захочется. Другими словами, сначала рассортируй нижнее белье, а остальная одежда замечательно будет сидеть сверху.

Она держала себя в узде от груди до колен, каждая дряблая складка прочно удерживалась на теле, подобно каменной кладке. Пояс поддерживал одновременно грудь и живот и превращал Марину в манекена с осиной талией. Иногда она задавалась вопросом — куда деваются все эти лишние дюймы? Ей было ужасно жаль все свои внутренние органы, которые наверняка борются за пространство, осваивая его излишки. Колготки с подтягивающим эффектом творили чудеса с ее неуклюжими ногами, сдавив их и превратив в стройные цилиндры, сужающиеся в виде восклицательного знака. Так красиво, если смотреть со стороны, и столько недостатков в действительности. Даже при весе в девять с половиной стоунов она словно бы представляла собою двух людей.

Марина, обращенная наружу, чувствовала себя прекрасно. Разумеется, ей хотелось побыстрее избавиться от растяжек, но она была чересчур захвачена отражением, которое видела в зеркале всякий раз, когда смотрелась в него, чтобы слишком уж тревожиться насчет того, как она выглядит без одежды. И все-таки, теперь она каждый день ходила в спортзал и потому была уверена, что со временем нарастит мышцы и обретет ту точеную форму, которая означает полное совершенство.

В день проведения «Толкотни на перекрестке» она воспользовалась жаркой погодой,

чтобы надеть старомодное узкое летнее платье и шифоновую блузку с короткими рукавами, которые прикрывали ее еще немного рыхлые предплечья. Свои стройные икры она подчеркнула, опоясав их ремешками золотистого цвета сандалий на каблукках. В вертикальном положении она держалась только за счет силы воли.

Ее консультант по макияжу научил ее делать несколько разных лиц, и в этот день она выбрала себе лицо № 3: выражение небрежное, но официальное. Немного театральности, но естественной привлекательности хватает. Она была похожа на двадцатичетырехлетнюю девушку, которая только что провела неделю в деревне.

Запуск программы проходил в том месте, где начинается Хэммерсмит Флайовер в западной части Лондона. Этот участок дороги постоянно оживлен — машины едут в столицу и из нее, популярное место для проведения рекламных акций, которые просто не могут остаться незамеченными. Для «Толкотни» лучше места и не придумать. Что может быть удачнее для телевизионной картинки, чем вид раздраженного, усталого от езды автомобилиста, который возвращается к жизни при виде роскошной, постукивающей по ветровому стеклу бутылкой «Спарклиз» блондинки, которая может оказаться племянницей премьер-министра?

И в первые минут двадцать все шло согласно плану. Но беда с этими роскошными блондинками — их мастерство не распространяется дальше жеманного вручения призов после соревнований, а как следует мыть ветровые стекла их так и не научили. Между тем эти ветровые стекла приняли на себя удар грязи и песка более чем с сотни миль автотрассы М4. Плеснуть немного «Спарклиз» и протереть пару раз стекло мокрой тряпкой — явно недостаточно, чтобы счастливый водитель смог хорошенько разглядеть грудь шикарной блондинки.

Ветровые стекла, все без исключения, оставили в потеках и разводах — сквозь них было хуже видно, чем до нанесения «Спарклиз». Для английских водителей это нормально. Они настолько привыкли к ужасному с ними обхождению, что воспринимали происходящее со стоическим молчанием, вежливо улыбались прессе и ждали, когда можно будет отъехать за пределы досягаемости камеры, чтобы самим закончить процесс мытья стекол.

Но вот беда — в этом месте проезжает много транспорта в аэропорт Хитроу и обратно, много туристов и бизнесменов. Иностранцев. Всех этих вызывающих раздражение, невоспитанных неангличан, со своими представлениями о том, как следует себя вести. С американского бизнесмена в новехоньком «саабе» все и пошло наперекосяк.

Роскошная блондинка, бывшая незадолго перед тем лицом Дня сосисок, отмечавшегося в национальном масштабе, выступила перед водителем, который как раз переключился на третью скорость в безнадежной попытке проскочить мимо заблокировавших дорогу представителей СМИ. Ему пришлось применить экстренное торможение, что отозвалось скрежещущим звуком в коробке передач. Американец был недоволен.

— Доброе утро, сэр! Добро пожаловать на «Толкотню на перекрестке»! Мы предлагаем водителям бесплатно вымыть окна новым «Спарклиз», единственным средством для мытья окон с экстрактом лаванды. Нужно лишь три раза брызнуть концентрированным «Спарклиз», и приставшая за день грязь смывается точно по волшебству. Разве это не замечательно? Проведите день со «Спарклиз»!

Роскошная блондинка не стала дожидаться ответа. Она уже заметила очередную жертву в такой же дорогой машине и двинулась через три полосы, по которым двигался транспорт.

Американец устался на грязное пятно в том месте, где когда-то было относительно

чистое стекло. Камеры собрались было переместиться в сторону, когда водитель вышел из машины и нежно провел мизинцем по ветровому стеклу, дабы узнать, что с ним случилось. Казалось, он вот-вот раскричится. Он и правда пришел в неопишную ярость.

— Кто здесь главный? Я хочу поговорить с главным!

Пол Джером купался в лучах всей этой шумихи и позволил себе лишку шампанского. Он смотрел, как перед ним разворачивается эта сцена, с видимым наслаждением любителя кино. Неожиданно Марина и Энди принялись кивать головами в сторону водителя, приходившего все в большую ярость.

— Он хочет поговорить с главным, — прошептала Марина.

— А это ты, — добавил Энди.

И они вместе отвернулись, не слишком-то интересуясь, чем все это кончится. Пол между тем попытался успокоить разбушевавшегося американца. Будь у него побольше опыта в отношениях с клиентами, он бы знал, что лучший к ним подход — это дать им выпустить пар. Потом Пол извинился бы, не скупясь на слова, предложил бы подходящую компенсацию (вроде бутылки шампанского), и в глазах клиента справедливость была бы восстановлена.

Но Пол был рыночником, который никогда не встречался с клиентом. Он решил урезонить этого господина и обратился к нему с просьбой взглянуть на вещи с точки зрения «Спарклиз». Он не стал слушать доводы жалобщика и даже дотронулся до его машины! Когда он в качестве примирительного жеста предложил мужчине (который оказался председателем транснациональной нефтяной корпорации) большую бутылку «Спарклиз», это явилось последней каплей. Лишь преимущество Пола в росте помешало американцу ударить его.

Полицию, однако, вызвали только через двадцать минут. Пол все еще спорил с нефтяником, когда на всех трех полосах образовалась дорожная пробка. Выяснилось, что какая-то машина попыталась перебраться с внешней полосы на внутреннюю, но водитель плохо видел сквозь вымытое с помощью «Спарклиз» ветровое стекло. Пятна на стекле помешали водителю разглядеть такси на средней полосе, которое попыталось перебраться на внешнюю полосу.

Никто не пострадал, но несколько машин получили легкие повреждения, и понадобилось два часа, чтобы возобновить движение. В вечернем выпуске новостей репортер объявил, что автомобилисты, попавшие в пробку, решили подать в суд на компанию «Спарклиз» за причинение их машинам повреждений, десятки других водителей тоже собрались обратиться в суд, поскольку в ходе их важных поездок произошли непредвиденные задержки.

— Посмотри на все это с другой стороны. Целыми днями по национальному телевидению только и говорят что о «Спарклиз».

Марина пыталась вызвать улыбку у Энди, которого никакими силами невозможно было вытащить из глубин отчаяния. Было одиннадцать часов вечера, и они сидели в пабе близ офиса «Спарклиз», где наконец завершились прения.

В целом Пол Джером проявил незаурядную честность, не взвалив всю вину на Энди. Да, идея принадлежала Энди, да, это Энди нанял роскошных блондинок (а может, и агентство, которое этих блондинок поставило). Но Пол согласился с тем, что сам одобрил мероприятие на всех его стадиях и должен поэтому принять некоторую долю ответственности за ужасный

итоги. К плюсу можно было отнести то, что мужчины, мойщики стекол, являвшие собою образцы мужской красоты, добились большого успеха, пока не произошла пробка. Один из них вымыл ветровое стекло театрального продюсера, и тот пригласил его на пробу в пантомимной версии «Отверженных» Гюго, которую он ставил.

Вывод напрашивался простой: «Толкотня» потерпела крах. Если говорить только о пиаровской стороне дела, то для защиты репутации компании потребуются сотни тысяч фунтов. Вместе с тем «Спарклиз» стала торговой маркой, которую знают во всей стране. Блондинки уже входили в анналы популярной сатиры, а завязтые остряки повсюду выдумывали оригинальные шутки на избитую тему бессловесных красоток.

В тот же вечер была разработана будущая стратегия «Спарклиз». Она казалась эффективной, но с моральной точки зрения несостоятельной. Вину возложили непосредственно на некомпетентных барышень с тряпками. Через несколько дней должна быть запущена телевизионная реклама (не столь масштабная), и эффективность «Спарклиз» решили продемонстрировать в эффектной, но неудачной с творческой стороны сцене, где «Спарклиз» противостоит ведущий конкурент. Вместе с раздачей бесплатных образцов по всей стране это призвано было наглядно убедить покупателей в том, что продукт достойный.

Энди, однако, был безутешно огорчен. Ведь именно ему придется отправиться в кабинет Рика Гиффорда и объяснить, что произошло. Их многолетняя дружба тотчас забудется, как только Рик поймет, что положение ТНСВ скомпрометировано плохо продуманной кампанией.

— Рик убьет меня. Или, что еще хуже, уволит.

Марина сочувственно стиснула ему руку.

— Вряд ли, вы так давно знаете друг друга. Позлорадствует над тобой и напомнит, что он — заместитель директора, тогда как ты... нет, а потом ты напомнишь ему о каких-нибудь расчудесных проделках или что там у вас было в Итоне, и вы опять станете друзьями неразлей-вода.

Энди не смог сдержаться, чтобы не улыбнуться неумелым попыткам Марины подбодрить его.

— Расчудесных проделках? Не об этом ли читают девушки в пансионах? Спорим, и ты это вычитала, когда училась в школе?

— Да как ты смеешь! — в притворном негодовании воскликнула Марина. — Я воспитывалась строго в духе Шарлотты Бронте. Всякого рода обреченные на неудачу, запутанные отношения, оканчивавшиеся более или менее счастливо, — вот это было мое.

— Представляю себе, — сказал Энди. Его развеселил образ толстушки, которая воображает из себя страдающую героиню. — А вот я воспитывалась строго в духе Томаса Харди. Всякого рода обреченные на неудачу, запутанные отношения, оканчивавшиеся полным крахом, — вот это было мое.

Марина рассмеялась.

— Ну уж ты скажешь. Но ведь Томас Харди в списке читателей подростков идет после Бронте?

— Знаю, о чем ты. Сначала мечты, потом действительность.

— Когда человек понимает мечту, как нечто, что имеет счастливый финал, это многое говорит о нем.

— Тогда как действительность...

У каждого из них был опыт общения с действительностью, и оба не раз испытали

разочарование. Оба чувствовали, что забыли о своих разочарованиях слишком поздно, и теперь не время раскрывать свои истинные возможности.

— Я раньше не говорил об этом, Марина, потому что боялся, что мне от тебя достанется, но ты выглядишь здорово, ну просто здорово.

Он увидел выражение сомнения на ее лице.

— Я правду говорю. Ты и сама знаешь, как отлично ты теперь выглядишь. Это видно по твоей походке, по тому, как ты улыбаешься, когда тебе кажется, что никто не смотрит на тебя.

Марине показалось странным, что тот, кто еще недавно был ее противником, испытывает по отношению к ней что-то помимо профессионального интереса. Она задумалась — ей это странно и приятно или непонятно и приятно, и тут почувствовала, как Энди обхватил ее руку. Она быстро прикинула, сколько они оба выпили. Раза четыре заказывали, не больше, это точно. Просто чтобы расслабиться, и не так много, чтобы принимать совсем неверные решения.

Она уже почти склонялась к тому, чтобы проявить симпатию к этому монстру, но прежде чем ринуться в пучину умиротворения, ей предстояло еще кое-что узнать.

— Это ты «потерял» текст моего выступления в Нью-Йорке, так ведь?

Он не отвечал. Да ему и не нужно было это делать.

Марина пожала плечами.

— Ну да ладно. Знаю, что ты. Мне даже польстило, что ты настолько испугался меня, что вынужден был прибегнуть к грубому саботажу, лишь бы только погубить меня.

— Не согласен! Саботаж был не грубый!

Марина захихикала. Она запьянела. Теперь ей становилось понятно, что Тереза нашла привлекательного в Энди. Вся устрашающая тирания, которой он подвергал ее в продолжение лет, растаяла в ее памяти вместе с жиром. А здесь она себя контролировала.

— Кстати, как прошла вчера презентация нового бизнеса?

Энди немного приободрился.

— Все было хорошо. Пообещали сделать взнос. Но очень небольшой. Четверть миллиона. И не в союзе со «Спарклиз».

Марина знала, о чем он говорит. После попытки саботажа в Нью-Йорке Энди почувствовал неловкость, чему удивился. Будучи не в силах извиниться, он вместо этого сосредоточил свои усилия на более позитивном подходе к улучшению своего положения в состязании за повышение. Он трудился изо всех сил в деле привлечения новых средств в агентство. И хотя он отчаянно искал пути привлечения капитала в агентство, все-таки занимал неважное второе место вслед за Мариной — это он хорошо понимал.

Ему это повышение было нужнее, чем Марине. Он это чувствовал. Она моложе его. И уже добилась впечатляющего успеха в этом году. Ее новый внешний вид наверняка откроет перед ней еще много дверей. А через несколько лет в совете неизбежно появится еще одно место.

У нее еще есть время, а вот у Энди его не было.

Марина видела, как он упорно работает, и восхищалась его решительностью. Она была уверена, что добьется повышения, и могла себе позволить такое великодушие. Вместе с лишним весом ушла и ее ненависть к нему.

В этот вечер он страдал. Марине не хотелось, чтобы его затянуло еще глубже.

— А у меня сегодня день рождения, — сказала она вдруг.

— С днем рождения, — поднял Энди бокал в ее честь и тут увидел, что оба их бокала пусты. — Слушай, у тебя день рождения, а у меня сегодня худший день во всей моей карьере. Почему бы нам не взять бутылочку шампанского и не утонуть сегодня, чтобы возродиться завтра? Моя квартира всего в пяти минутах отсюда. Как ты думаешь?

Было 5.59 утра, когда зазвонил мобильный телефон. Оба вытянули свои ослабевшие руки и принялись нащупывать аппарат, нарушивший их покой. Телефон оказался Маринин. Она села на кровати, мгновенно проснувшись.

— Алло? — ответила она, с беспокойством думая о том, кто бы это мог звонить так рано.

— Слушай, Корова Му, где ты была всю ночь? Я тебе звонила, звонила домой. Нет, не надо ничего объяснять, некогда. Слава Богу, что ты в здравии! Я не спала полночи, тебя нигде нет, и я совсем забыла, что у тебя есть мобильный, и вот только сейчас вспомнила. О, Му, это ужасно, не знаю, что и делать...

— Сюзи, успокойся и объясни, что случилось.

Она почувствовала, как мужчина, находившийся рядом, поворачивается к ней лицом.

— С детьми ведь ничего не случилось? Или с Кеном? Все здоровы?

— Да, с ними все в порядке. С ними всегда все в порядке. А вот со мной нет. Я не в порядке.

— Что произошло? Если не расскажешь, я не смогу тебе помочь.

— Му, я вешу одиннадцать стоунов.

Кому-то, возможно, покажется, что это не такой уж серьезный повод для раннего утреннего звонка, но Марина прекрасно все поняла. При росте в пять футов четыре дюйма одиннадцать стоунов веса не так-то легко скрыть, как ни оденешься. Это этапный вес, вроде этапного дня рождения. Тридцатый, сороковой или пятидесятый день рождения можно рассматривать просто как еще один день в жизни, но вместе с тем эти дни полны большого значения. Знаменательный день рождения заставляет вас пристальнее всмотреться в будущее, подытожить прошедшее, дать ему оценку, переосмыслить его или попросту принять, каков он есть. Вот и Сюзи. Когда она весила десять стоунов тринадцать фунтов, то обманывала себя тем, что, пожалуй, еще не набрала лишнего. Но одиннадцать стоунов...

После той встречи в ресторане Марина не виделась с Сюзи. Ее забавляла мысль о том, что Сюзи семь лет стимулировала лактацию, чтобы не растолстеть, и вместе с тем такое ненормальное поведение изумляло ее. Она мало что во всем этом смыслит, но все-таки интересно, что этот затянувшийся период грудного кормления сделал с гормонами Сюзи? И что будет теперь, когда она остановилась? У нее, наверное, голова идет кругом от свободы; эти гормоны, должно быть, ходуном ходят, напоминая о себе, обнаруживая свое недовольство тем, что все эти годы с ними неважно обращались. Неудивительно, что она не может больше контролировать свое тело; оно воспользовалось возможностью, чтобы в конце концов взять контроль над ней.

— О, Сюзи, мне так жаль. Знаю, каково тебе сейчас. Я почти всю жизнь испытывала то же самое, так что мне все понятно. Но не надо психовать. Почему бы нам не встретиться и не пообедать?

— Пообедать? — завизжала Сюзи. — Чтобы смотреть, как я толстею? Да ты что, с ума сошла? Это Дэвид во всем виноват.

Марина переменила позу.

— Почему? Он-то что сделал?

Сюзии удержалась, чтобы не выложить подробности происшествия, хотя все уже закончилось. Да и не это доставляло ей страдания.

— Не дает мне таблетки. Я-то вижу, что они с вами со всеми сделали, а веса у меня лишнего чуть больше нормы, так что ему не нужно давать мне много таблеток, но этот мерзавец вообще ничего не дает! Я его умоляла, угрожала...

— И чем ты ему угрожала?

— Да так... ничем. Просто пообещала, что скажу Кену, как он разбрасывается деньгами, или еще что-нибудь. Он стал плести что-то про этику, очень смешно в его устах, как ты думаешь?

— Сюзии, выпей чашку чая, я тебе позвоню, когда встану и приду в себя. Все будет хорошо, я это знаю.

— Да нет же, хорошо уже никогда не будет. Если, конечно, только... ну да!

— О чем это ты? — спросила Марина, почувствовав подозрение и тревогу одновременно. — Что ты собралась сделать?

— Это настолько очевидно, что не знаю, почему мне это не пришло в голову раньше! Рожу еще одного ребенка! Когда ты беременна, никто не замечает, какая ты толстая, а как только малышка родится...

Когда она произнесла эти заветные слова, в голосе ее послышались мечтательные нотки.

— Я буду кормить его грудью. Мне пора, Му. Кен встает. Ну и сюрприз я ему приготовила!

И она повесила трубку. Марина в изнеможении откинулась на подушку.

— Полагаю, это была Сюзии? — с иронией спросил он.

Марина посмотрела на красивое лицо всего лишь в нескольких дюймах от ее лица и ощутила новый прилив сил. Она прижалась к Дэвиду и принялась гладить по голове, хотя он и говорил ей, что это его раздражает. И так, она похудела. А если уж ты похудела, то можно позволить себе делать то, что вызывает раздражение. Людям, мужчинам, ты даже больше нравишься, когда вызываешь у них раздражение. Марина чувствовала свою власть, и ей это нравилось.

— Не говори больше ничего, — прошептала она.

Страстно целуя Дэвида, она чувствовала себя совершенно счастливой.

За десять дней Марина переспала и с Энди Клайном, и с Дэвидом Сэндхерстом. Таким образом, общее число ее любовников составило три.

Ее первым и единственным бойфрендом был университетский товарищ, как это и бывает в университете. Его звали Фрэнк, и в нем не было ничего привлекательного. Она познакомилась с ним в первый же день и оставалась до последнего дня. Они вместе спали, жарили на сковородке котлеты разными способами, помогали друг другу с конспектами, дважды в день вежливо говорили: «Я тебя люблю», а потом Фрэнк отправился в Базилдон^[34], где занялся вопросами планирования в городском совете, а Марина уехала в Лондон.

Пребывая с тринадцати лет в уединении и блюдя непорочность, она была благодарна ему за внимание. Он же был признателен ей за сексуальную покорность и, кажется, не имел ничего против ее лишнего веса. Именно это равнодушие и придало ей уверенности, когда она обратилась с просьбой принять ее на работу в ТНСВ. За четыре университетских года она уверилась в том, что можно подняться выше образа, создаваемого телом. Она развила в себе качества, которые помогли ей стать открытой, свойской натурой, не кичащейся собственным достоинством, — за это ее и любили в рекламном мире. Раз Фрэнк никогда не заводил разговор о том, что она толста, то она и позабыла о том, что это может быть серьезной проблемой.

Секс с Фрэнком был безрассудно смелый, но она всегда вела себя пассивно, неизменно беспокоясь о том, как бы не раздавить его или не предстать перед ним в безыскусной фотографической откровенности, которую являет собою обнаженное тело. Нельзя сказать, что она совсем не получала удовольствия. Секс давал ей возможность чувствовать себя нормально, а для Марины это было редкое чувство.

Она удивилась, как просто оказаться в постели Энди Клайна. В подобной ситуации она не была десять лет, а наблюдая за эволюцией секса по кинофильмам, убедилась, что в нем стало больше аэробики и акробатики, чем раньше, на узкой односпальной кровати в общежитии.

Как это ни смешно, ночь прошла как в кино. Музыкальной заставкой была группа «Supertramp» (что естественно для тридцатидевятилетнего Энди), свет был притушен. Энди даже зажег свечи. Это ужасно польстило Марине. Для нее это означало, что Энди смотрел на нее как на редкую бабочку, которую, может, поймает, а может, и нет. А она не из тех, кто запросто дается в руки. Это уже не истосковавшееся по вниманию создание, которое будет спать с любимым, кто выкажет ей хоть чуточку внимания. Энди понял, что Марина стала наконец женщиной, которая любит себя. Ей больше не нужно ни от кого подтверждения этого. Ее нужно увлечь.

И он увлек ее в спальню, где, как это ни удивительно, не было признаков присутствия мачо. Спальня была декорирована со вкусом. В оформлении были использованы различные оттенки зеленого цвета, а в целом впечатление было приятное, ничем не отягощенное, вызывающее мягкую улыбку.

Марина позволила ему раздеть себя, однако напрягла все мышцы тела, не переставая беспокоиться о том, что складки кожи могут выползти из укромных мест. Полностью она расслабиться так и не смогла. Она поймала себя на том, что опять чувствует себя как

девятнадцатилетняя барышня. На боку она старалась не лежать, зная, что иначе ее живот низвергнется каскадом на матрас и растечется железной рекой. Голову откинула назад, чтобы не было (уже не существующего) двойного подбородка, и закинула ногу на ногу, чтобы создать впечатление длинной, стройной линии тела.

Мало-помалу она пришла к выводу, что ей не нужно напрягаться, чтобы доставить удовольствие Энди. Он был так доволен Мариной, что не имел ничего против того, что она уводила его руки от проблемных мест к более безопасным зонам. Он даже интерпретировал это как содействие, которое ему страшно нравилось.

Потом Марина стала ждать, что вот-вот возникнет неловкость. Он ведь, в конце-то концов, коллега, да к тому же скверно вел себя по отношению к ней в последнее время. Оба ждали повышения по службе и претендовали на первенство в деле привлечения капитала. Но никакой неловкости не возникло. Они во всех отношениях были довольны друг другом — вместе посмеялись, поговорили о книгах, о кино, о житейских проблемах. Вероятно, новый образ Марины и сделал возможным то, что они соединились таким неожиданным образом.

Единственная тучка набежала за завтраком. Марина вспомнила, что оставила дома таблетки. Внутри у нее что-то зашевелилось, когда она подумала о том, не проявит ли ее аппетит все свое бесконтрольное многообразие без немаркированной маленькой белой таблетки. Когда Энди достал из холодильника круассаны вместе с маслом (настоящим, не заменителем с низким содержанием жира) и клубничный джем (сплошные углеводы) и даже налил ей в чай жирное молоко, Марине захотелось опрокинуть стол и убежать.

Энди заметил, что она ни к чему не притронулась, и немного рассердился.

— Только не говори мне, будто сидишь на диете. То есть, я хочу сказать, это замечательно, что ты сделала, Марина, и выглядишь ты здорово, но не слишком увлекайся.

Увидев, как она расстроилась, он смягчился.

— Мы отлично провели ночь. Не будем ее портить. Давай вместе позавтракаем, да и глупо смотреть друг на друга, как на рекламе мюсли! И потом, тебе не кажется, что ночью мы сожгли достаточно калорий, чтобы позволить себе некоторые излишества?

Она заставила себя съесть круассан, но решительно отказалась притронуться к маслу.

Марина заглянула домой, чтобы переодеться, и когда она пришла на работу, оба стали вести себя так, будто этой ночи и не было, заранее договорившись, что так будет разумно, пока в агентстве существует конфронтация. Прежде чем предстать перед Риком Гиффордом, Энди выпил две чашки очень крепкого кофе.

— Ну что, завалил дело?

Энди напустил на себя свою самую обезоруживающую улыбку, надеясь уменьшить масштаб головной боли, которую должен был получить.

— Ну, не знаю, мы ведь на первых страницах всех бульварных изданий, и даже «Телеграф» выделила место для «Спарклиз» на третьей странице.

— На этот раз у тебя ничего не выйдет, Энди. Шутками не отделаешься. Работа выполнена плохо, и выполнил ее плохо ты. У тебя родилась грандиозная идея, ты продаешь ее клиенту, а потом просто сидишь и ждешь, когда все сработает само собой. Ты лентяй, Энди, и всегда им был. В нашем деле мало быть умным. Победители от побежденных отличаются тем, что обращают внимание на детали... тебе скучно это слушать?

Энди с трудом подавил зевок.

— Нет, извини, Рик. Вчера поздно лег спать. Пытался выяснить отношения с Полом Джеромом.

Рик покачал головой.

— Да ты и вправду большой счастливчик. Я только что с ним разговаривал, и он настроен на удивление порядочно. Но мне все же пришлось гарантировать выплату судебных издержек «Спарклиз», когда все эти ненормальные водители подадут в суд.

При этих словах Энди вздрогнул.

— Значит, не видать мне моей премии.

— Ты так ничего и не понял? Премии никому не видать. На это уйдет, наверное, весь годовой доход, если нам не придется отдать и то, что мы заработаем в последующие пять лет. Ты обошелся нам очень дорого. Ты собираешься объяснить всем остальным сотрудникам, что в этом году не будет ни премии, ни повышения зарплаты?

Весть об этом разнеслась по агентству еще до обеда. Одна секретарша расплакалась.

— Я так рассчитывала на эту премию к свадьбе. Теперь нам придется все отложить.

Многие регулярно перебирали суммы со своих кредитных карточек, залезая в долги, надеясь расплатиться премиальными. Энди весь день ловил на себе недружелюбные взгляды. Пока еще он занимал высокую должность, так что младшие сотрудники не осмеливались врезать ему по первое число, отчего у них стало бы лучше на душе. Да в физическом насилии и не было нужды. Для человека, живущего популярностью, изгнание — лучшее наказание.

Он нашел утешение в Марине, которая явилась для него источником нескончаемого восторга. Он уже давно не разговаривал с возлюбленной. В тот первый уикенд они даже ездили к морю и провели день в идиллическом настроении, которое он всегда так осуждал: гуляли по пляжу, строили замки из песка, смотрели на Большую Медведицу и бросали монеты в игровые автоматы, сосали леденцы и хрустели чипсами, целовались на вершине холма и, держась за руки, бродили вдоль пирса.

Энди не похудел на четыре стоуна, но в Марининых глазах и он изменился. Примирившись со своим новым образом, она решила, что и Энди должен быть другим, не похожим на того человека, который так долго мучил ее. К принятию этого решения она подошла осторожно, но рискнуть, по ее мнению, стоило.

Это был лучший уикенд в жизни Энди. Да и у Марины тоже.

Так зачем же она переспала с Дэвидом спустя два дня?

Дэвид пригласил ее на обед, чтобы поделиться своими тревогами по поводу Эммы. Она не должна была взвешиваться еще две недели, и он искренне думал, что Эмма до этого времени умрет. Поскольку Марина была первой из ТФБП, с кем он познакомился, то всякий раз, когда у него возникали проблемы в общении с другими членами группы, он предпочитал обращаться к ней.

Лишь только Марина села за столик, как он понял, что это совсем другой человек. Он не видел ее со времени последнего взвешивания. Когда она приходила к нему в кабинет, он неизменно смотрел на нее как на крупное бесполое существо, которое ему представили в декабре прошлого года на ужине у Сюзи. Он с удовольствием наблюдал за тем, как она худеет, но никогда не соотносил цифры с изменениями, происходившими с этой женщиной. Даже измеряя толщину жира на руках, ногах и животе, он не связывал его сокращающиеся объемы с оживавшей привлекательностью.

Он впервые по-настоящему разглядел Марину. Он легко вжилась в свой новый образ и уже привыкла выбирать соответствующее оформление для него, без усилий обнаруживая

вкус. Несколько разных вариантов макияжа подчеркивали ее индивидуальность, при этом казалось, что она вообще не пользуется косметикой.

Дэвид пристально смотрел на нее. Его взгляд, не задерживаясь на незнакомом лице, скользил по всему телу этой обновленной сирены. Его глаза быстро раздели ее. О Господи, да откуда взялось это тело, спрашивал он у самого себя, а найдя ответ, едва громко не рассмеялся. Да ведь это я ее сотворил! Это мое создание! Я гений. С моими таблетками толстушку можно превратить в фантазию!

А Марина вся светилась оттого, что она любима и желанна. Это придавало ей еще больше привлекательности, и Дэвид еще сильнее утвердился в своем первоначальном намерении: я должен переспать с ней.

— Марина! Не знаю, что и сказать. Ты выглядишь просто божественно. Не могу поверить. Да ты ходячая реклама оксиметабулину. Вау.

Марине нравилось, что при ее появлении глаза на лоб лезут. Она тоже вспомнила тот ужин, когда впервые встретилась с этим мужчиной, который вознамерился столь кардинально изменить ее жизнь. Тогда все было по-другому. Они занимали разные ступеньки в общественном мнении. Марина недвижимо сидела внизу, тогда как он летал в стратосфере подобно Питеру Пэну из сериала, который показывают по Эй-би-си-1. Она недостойна была даже находиться с ним в одной комнате. Он следовал правилам, а она всем своим существом презирала их.

Но теперь все изменилось, и Марине нравилось смотреть на Дэвида сверху вниз, а тому оставалось взирать на нее снизу вверх и сопеть от желания. У нее немного ушло времени на то, чтобы по достоинству оценить положение красивой женщины на рынке секса. Глядя на хорошеньких девушек и симпатичных юношей, она раньше считала, что они в силу своей привлекательности в равном положении, но теперь поняла, что это не так.

Нет, красивая женщина уровнем всегда выше симпатичного мужчины, и с точки зрения эволюции для этого, кажется, нет весомых причин. Это скорее следствие время от времени происходящих у мужчин позывов страсти, требующих удовлетворения, прежде чем он примется за осуществление более высоких целей. Но женская красота преходяща, такова судьба красивых женщин в глазах отчаянно преследующих их мужчин. Мужчины — упаси Бог! — не женятся на них, а используют, пока не появится женщина, на которой можно жениться.

Более просвещенные мыслители-феминистки, возможно, придут в ужас от столь поверхностного вердикта отношениям между мужчинами и женщинами, но Марину это в ужас не приводило. Ее прекрасно устраивало то, что ее рассматривают как объект эфемерной похоти. Она еще не до конца свыклась со своим новым образом, и все, что ей было нужно, это отношения типа «en route»^[35].

Между тем это не объясняет, почему она позволила Дэвиду соблазнить себя, да и Энди тоже, если уж на то пошло. Оба мужчины, относившиеся к ней презрительно, когда она была толстой, с ума посходили от обожания ее нового тела. Она могла бы дать тому и другому пощечину, закричать: «Я тот же человек!» — и сокрушить их лицемерие категорическим отказом. Но вместо этого она с головой бросилась в омут физического наслаждения, получая несказанное удовольствие от удовольствия, которое она дает тем, что стала сама собой.

По сути, она простила их, потому что поняла их. Когда Марина была толстой, она презирала свое тело. Она наказывала себя едой, и на каждое брошенное в ее сторону оскорбление карала себя в миллион раз больше. Как личность она себе тоже не нравилась,

поскольку была слабой, неспособной даже аппетит сдерживать. Весь ее ум, остроумие и восприимчивость мало значили для нее, когда она видела свое лицо склонившимся над тарелкой с холодными равиоли.

Так что новая фигура — это не просто новая оболочка. Она означает гораздо больше, и мужчины это понимали. Подразумевалось, что она сильная, умеет владеть собой. Имелось в виду, что она считает себя достойной присоединиться к остальной части общества. Новая фигура говорила: «Эй, насчет меня не волнуйтесь! Со мной все в порядке, я такая же, как вы, так что не переживайте».

То, что в действительности все это было достигнуто путем медицинского вмешательства, казалось Марине несущественным, как, по правде, и Дэвиду с Энди.

Она сделала вид, что не замечает выражения лица Дэвида и его легкомысленного взгляда.

— Ты сказал, что тревожишься насчет Эммы. И в чем же проблема?

Дэвиду пришлось вернуться к своим заботам.

— Ах да, Эмма. Когда ты видела ее в последний раз?

Вспомнив, что они не виделись с того дня, когда пару месяцев назад обедали вместе, Марина почувствовала себя виноватой. И дело не в том, что они не были настоящими подругами — даже это не оправдание. И она, и Тереза чувствовали, что Эмма в беде, что она слишком резко и быстро худеет, что налицо все признаки полного самоуничтожения. Но у обеих своих проблем хватало. Тереза была уверена, что Род с кем-то встречается, а Марина была вовлечена во все усиливавшуюся борьбу с Энди.

С тех пор они даже на собрания ТФБП не ходили. Говорили, что слишком заняты. Слишком похудели, думали про них.

Дэвид ждал ответа, и ждал с удовольствием, поскольку получил еще несколько секунд, чтобы получше рассмотреть сидевшее перед ним чудо химического воздействия.

— Думаю, месяца два. Да мы все в ТФБП далеко не лучшие подруги, — словно в свою защиту прибавила она.

— И как она тебе показалась?

— Меры не знает. Явный перебор с диетой.

Дэвид вздрогнул, услышав это ненароком произнесенное запретное слово. Марина осознала свою ошибку и пошла на попятную.

— Когда я сказала «диета», я не имела в виду диету как таковую. Знаю, никто из нас не должен был сидеть на диете. И уверена, никто и не сидел. В прямом смысле. Нет, просто я хотела сказать, что каков бы ни был эффект от этих таблеток, они заставляли ее... принимать пищу несколько... осторожно.

Дэвид покачал головой.

— Ох уж эти мне женщины. Ты, наверное, меня за дурака принимаешь. Я знаю, что вы почти все изменили свой подход к питанию. Не забывайте, что у меня уже было представление о том, насколько в среднем оксиметабулин помогает сбросить вес, но вы переплюнули эти показатели.

Марина с глупым видом смотрела на него.

— Ладно, не переживай, — продолжал Дэвид. — Я нашел этому объяснение. Когда женщина впервые существенно сбрасывает вес, психологически это оправдано. Кто-то скажет, что у всех женщин изначально есть мотивация для того, чтобы либо начать программу похудения, либо продолжать ее, если они успели убедиться, что стали лучше

выглядеть. Это то же самое, как если у вас завелись глисты и вы неделю не едите. Вы запросто сбрасываете стоун веса, и вам кажется, вау, это так просто, может, я и дальше буду худеть?

Марина вынуждена была согласиться, что в том, что он говорит, есть доля правды, но и ее ограниченных научных познаний было довольно, чтобы увидеть недостатки подобного подхода. Это вроде той ситуации, когда явно манипулируют результатами, чтобы привести их в соответствие с заданной предпосылкой.

— Ну да ладно, вернемся к Эмме. Меня уже давно тревожит, как она выглядит. А больше всего меня беспокоит то, что таблетки могут оказывать на нее негативное воздействие. Но я решил подождать еще один месяц, раз уж она не при смерти.

— А когда ты ее видел?

— Вот в этом-то и закавыка. В прошлом месяце она не приходила взвешиваться. Сказала, что простыла. Особо подчеркнула, что таблетки тут ни при чем. Все вокруг ходят простуженные, всякое такое. И с тех пор ничего.

— Что значит — ничего?

— Она не снимает трубку и не перезванивает мне. Я уже стал было нервничать, потому что просто-напросто не могу заполнить пустые графы в своем отчете. Поэтому вчера пошел к ней домой, что с профессиональной точки зрения совершенно недопустимо; но я не знал, что можно еще предпринять.

— И?

— Никто мне не открыл. Но когда я вернулся к машине, она подошла к двери. Я и не догадался, что это она, пока не увидел ее. Тощая как палка, просто ужасно. Хотя было жарко, она была в пальто, чтобы скрыть свою худобу.

— Так сильно отощала?

— Я бы сказал, что она весит что-то около шести стоунов.

— О Боже. Бедняжка.

— Волосы спутаны, и я так и не понял, они просто у нее всегда такие или Эмма не мыла и не расчесывала их несколько недель.

— Мне надо повидаться с ней. Может, я чем-то помогу.

— Напрасно потеряешь время. Она посмотрела сквозь меня и решительно отказалась со мной разговаривать.

— Но если она не пришла на последнее взвешивание, значит, у нее точно больше нет таблеток.

— Согласен, но эксперименту это не поможет. Мне все равно придется написать в отчете о ее результатах и объяснить, почему она больше не участвует в эксперименте. Я могу предложить только одно объяснение, которое не будет дискредитировать программу.

— И что это за идея?

— Я могу сказать, что она беременна.

— Но это же явная ложь! Комитет по этике, или как там они сами себя называют, наверняка не согласится с этим.

— А им и не нужно будет выяснять, так ли это на самом деле. Марина, ты только подумай. У Эммы, прежде чем она приступила к программе, явно было какое-то заболевание. Мне бы, наверное, следовало обратить на это внимание, но я химик, а не психоаналитик. Мне пришлось согласиться с ее заявлением, что режим питания ее устраивает и что она и дальше будет продолжать в том же духе в ходе всего эксперимента.

Марина вспомнила, что и она сделала такое же заявление, как и все остальные. Да они шутят, что ли, подумала она тогда. Да если бы режим питания их устраивал, то ни одна бы из них не имела такой комплекции. Они хотели только одного — положить конец этой мучительной череде пиршеств и голоданий. Они все привыкли переедать (и тайком постились от случая к случаю, пытаясь противодействовать побочным эффектам). И разве мог их устраивать режим питания, в результате которого выступал пот в тех местах, где предплечья терлись о груди, от жары краснело лицо, а если они пробовали взбежать на несколько ступенек, то задыхались?

Она не стала объяснять все это Дэвиду, у которого и без того забот хватало.

— Так что тебе понятно, беременность — единственная причина, которая освобождает от участия в эксперименте. Разумеется, если бы кто-то из участниц действительно забеременел, то ей немедленно пришлось бы оставить программу. Поэтому объяснение вполне разумное.

— А что ты скажешь, если Эмма не родит ребенка?

— Но ведь всякое бывает.

Столь легкое избавление от воображаемого ребенка Эммы заставило Марину содрогнуться. Это показалось ей бессердечным, хотя думать так глупо. Ее молчание Дэвид принял за согласие со своей стратегией.

— Я знал, что ты меня поймешь. Посмотри на себя. Уж тебе ли не знать, какие изменения приносит оксиметабулин в жизнь женщины. Произойдет настоящая трагедия, если все рухнет из-за того, что проблемы с питанием, которые имела одна из женщин до начала эксперимента, возьмут над ней верх.

Марине не понравились такие перспективы. Таблетки изменили ее жизнь только в лучшую сторону. И насколько ей было известно, ни одна из женщин не испытывала серьезных побочных эффектов. Она невольно потеряла виски и лоб, где возобновились боли. Да разве она сможет найти оправдание тому, что для более широкого круга женщин оксиметабулин станет недоступен? В то же самое время Дэвид громоздит полную ложь, чтобы облегчить получение благоприятных результатов своего исследования. Разумеется, это неправильно.

Ей захотелось уйти и разрешить эту сложную ситуацию наилучшим известным ей способом. Съесть что-нибудь.

Вместо этого она оказалась в постели Дэвида. Она много пила, нарочно ела поменьше, чтобы оправдать получение дополнительных калорий, содержащихся в вине (Дэвид не усмотрел тут связи), и довольно быстро опьянела. Они провели в постели весь день. И вечер. И всю ночь. Марина позвонила своей секретарше и поручила ей срочное дело по «Спарклиз». В подробности она не входила. По голосовой почте Энди послала ему туманное и трусливое послание, чтобы не пришлось потом врать, когда они увидятся.

И дело не в том, что она жалела о содеянном. С чего это я должна жалеть? — думала она. Я красивая одинокая женщина, а он красивый одинокий мужчина. Да, я вроде как имею отношения с другим мужчиной, да, Дэвид немного мерзавец, но я имею право на легкий бессмысленный секс. Десять лет не могла, а теперь могу. И буду.

И она получила то, что хотела.

Когда раздался истерический звонок Сюзи, рядом с ней в постели был Дэвид. Его настойчивые расспросы относительно того, что происходит, она истолковала как

беспокойство (удивительное) о человеке знакомом.

— Да, и что она сказала?

— Дэвид, я тебе уже говорила. Ее тревожит вес, и она нервничает по поводу того, что ты не даешь ей возможности участвовать в программе с оксиметабулином. А пока ты меня не прервал, скажу, что это я рассказала ей, что ты не мог поступить иначе. Так что можешь не чувствовать себя виноватым. Когда увижусь с ней, снова ей все объясню.

— А что ты расскажешь ей о нас?

— Ничего. И зачем? Для меня это была просто интрижка на один раз.

Дэвид так и рухнул, точно подстреленный. Да как смеет эта женщина, эта женщина, которую он спас и вернул к жизни, говорить ему, что это интрижка на один раз. Это ведь его инициатива! И может, он хотел, чтобы это было нечто большее, чем на один раз.

Марина с удовольствием наблюдала за тем, как на его лице отражается недоумение. Она знала, о чем он думает. Она попыталась проникнуть в мысли жестокого человека. Или, точнее, женщины. Главное — это власть. Главное — видеть, как другой сгорает от желания. Сознание того, что ты смог заставить кого-то возжелать себя, приносит удовлетворение. Приятно осознавать, что этот человек будет всеми силами стараться скрыть свое желание, и старания его будут безуспешными, поскольку жестокий любовник уже догадался о существовании этого желания.

Она отбросила эти мысли, понимая, что только сила воли может помешать ей остаться с этим человеком надолго. Быть жестоким очень легко и совершенно безопасно, подумала она. Она была довольна тем, что Дэвид Сэндхерст, пожалуй, нечаянно выпустил из-под контроля свое «я».

— Прости, Дэвид. Надо бежать. Береги себя. Я позвоню.

Она взъерошила его волосы, словно он был щенком лабрадора, и ушла. Даже не поцеловала, подумал Дэвид. И сказала «позвоню», но не сказала когда. Он знал, что это означает. Мужчины тридцати четырех лет понимают, что к чему.

Она никогда больше не позвонит.

В последние два месяца дела у Дэвида наладились. Он нашел несколько компаний в Восточном Лондоне, отпочковавшихся от мелких, незарегистрированных контор, которые предоставляли кредиты без нудных бесед с Джеффом Перриамом из компании «Перрико» по поводу того, что означают выражения «обычно» и «почти определенно». Проценты, разумеется, были дикие, а невысказанные угрозы внушали некоторое беспокойство, но Дэвид положился на свое бывшее везение. Скоро он станет богатым. Получит премию, заплатит все долги, и у него останутся еще деньги. Ему остается лишь плыть стоя. И следить за продолжением эксперимента.

И молиться Богу, чтобы эти ЧЕРТОВЫ женщины не разрушили все.

Потому что если эксперимент рухнет в какой-либо момент и он не получит премию...

Он помчался в ванную, где его вытошнило самым жестоким образом.

— Ну и как я тебе?

Тереза кружилась посреди спальни. Накидка из легкой ткани прильнула к ее новой угловатой фигуре шелковым поцелуем. Ежедневные трехчасовые занятия в спортзале привели к появлению мягчайших линий, под которыми угадывались мышцы. Она купила эту ночную рубашку три недели назад, когда появилась цель физического совершенства. Сегодня она достигла эту цель.

Хотя вертелась она якобы ради Рода, самая ослепительная улыбка появлялась у нее, когда в поле зрения оказывалось зеркало. Она стала тем человеком, каким всегда хотела стать. Всегда. Даже когда была старостой ТФБП и утверждала с искренностью, что не лишит себя пищи ради того, чтобы соответствовать общепринятым стереотипам. Про себя она молилась, что станет стройной естественно и легко.

Противоречия между двумя точками зрения она не видела. Она бы предпочла родиться в мире, в котором почитают и уважают полноту женской фигуры. Но мир, в котором она жила, был не таков. Она бы предпочла родиться со скромным аппетитом, который давал бы ей возможность чувствовать себя сытой после скромной трапезы. У нее же был аппетит двухлетнего ребенка, который кричит во все горло, если ему не дают то, что он хочет и когда он хочет. Хочу, хочу, хочу! — будет кричать он, стоит только ей попытаться заставить его умерить свой аппетит.

ТФБП создана прямо для нее. Будучи членом этой организации, она с большей свободой смотрела на свой обмен веществ, на свои потребности, на историю своего питания, что давало ей возможность примириться с судьбой. Чего ТФБП не сделала, так это не лишила ее мечты.

Оксиметабулин предложил ответ ее мечте. Но и ТФБП никуда не денется, если мечта не осуществится.

В этом и заключалось небольшое противоречие.

Терезу охватывало все большее нетерпение. Она была готова к тому, что Род изумится ее красоте, и ожидала его реакции. Но нет. Род смотрел на нее, как на свою мать, которая интересуется его мнением насчет нового платья. Ни желанья, ни огня в глазах.

Ей стало нехорошо. Все делалось ради этой минуты, месяцы ушли на глотание таблеток и физические упражнения. Она нарочно не говорила никому (включая Дэвида Сэндхерста), что у нее начались страшные головные боли, из опасения, что ее снимут с программы. Она не обращала внимания на появлявшееся время от времени головокружение и тошноту. Все ради того, чтобы предстать перед Родом во всем блеске худосочной красоты.

Он пристально смотрел ей прямо в лицо, в лучшем случае лишь скользая взглядом по ее телу.

— И что ты хочешь от меня услышать?

У Терезы перехватило дух.

— Не верю. Да я сделала это для тебя! Посмотри на меня. Разве ты не этого хотел?

Род смотрел на нее как на сумасшедшую.

— Разве я когда-нибудь тебе об этом говорил? Да никогда. Когда я тебе говорил, что предпочитаю тощих женщин? Никогда. Когда я тебе говорил, что хочу, чтобы ты похудела? Никогда. Когда я тебе говорил, что ты, твое тело, ты вся и есть мой идеал в совершенном

виде? Да каждый божий день в течение девятнадцати лет, а то и больше.

— Да, но ты так говорил только потому, что любишь меня.

— Значит, ты думаешь, что я лгал тебе каждый день? Поэтому и ты лгала мне каждый день и думала, что именно так и нужно вести себя в браке?

— Я никогда не лгала тебе!

— Так зачем же мне лгать тебе?

— Потому что ты добрый.

Род отвернулся, оскорбленный ее словами, самим ее появлением в новом образе.

— Сдаюсь. Могу лишь предположить, что ты сделала все это ради того, чтобы избавиться от меня.

— Да о чем ты говоришь? — начала выходить она из себя. Как это все ужасно!

Род попытался подойти с другого боку.

— Помнишь, как тебе нравилась моя борода? И как ты была недовольна, когда я несколько лет назад сбрил ее?

— Помню.

Почувствовав себя на более твердой почве, Тереза немного успокоилась.

— Но когда ты сбрил бороду, я увидела, что у тебя нет подбородка!

И она захихикала при этом воспоминании.

— Я не раз с тех пор испытывал желание снова сбрить бороду. Просто так. Или просто затем, что с ней жарко, а мне хотелось, чтобы лицо дышало.

— Ты никогда мне об этом не говорил.

Род пожал плечами.

— А зачем? Я знал, что тебе это очень не понравится, вот и не говорил.

Тереза чувствовала, куда все это может завести. Из этого угла ей будет трудно выбраться.

— Но я бы не стала возражать, если бы это было ненадолго. Временная мера, — слабо произнесла она.

Род покачал головой.

— Стала бы. Ты бы и целовать меня отказалась. Ходила бы мрачнее тучи и без конца пилила меня, пока я не согласился бы снова отрастить бороду. Как и в первый раз. Это правда, и ты это знаешь, так ведь?

Она знала, что это правда.

— Но это не имело никакого значения. Я любил тебя, и, раз уж ты так крепко привязалась к моей бороде, я ради тебя ее и оставил. Потому что любил тебя.

«Любил». В прошедшем времени.

— Если бы я, проснувшись сегодня утром, сбрил бороду и объявил, что отныне так и будет, что бы ты подумала?

— Что тебе наплевать на то, что я думаю, на мои чувства, — уступила Тереза.

— А если бы при всем при том я сказал, что где-то в глубине души я знал, что тебе вообще не нравится моя борода, и что я сбрил ее ради тебя?

Тереза попробовала действовать его же оружием.

— Но ты ведь знаешь, что мне нравится твоя борода. Откуда же мне было знать, что тебе нравится мое тело?

— Потому что я тебе об этом говорил. Разными способами. Тысячью разных способов.

Тереза упала на кровать.

— Но оно никак не могло тебе нравиться. Разве это возможно? Я была безобразна. Никто не мог бы полюбить меня, мое тело.

— А я полюбил.

И он ушел, не поцеловав ее на прощание. Она не знала, куда он направился, а спросить не решилась.

— Не знаю, зачем тебе понадобилась эта встреча. У нас больше нет ничего общего. А может, и не было.

Гейл чувствовала себя неловко в присутствии этой стройной красивой женщины. Рядом с изящной Мариной она чувствовала себя бегемотом и ненавидела ее за это. Да и рестораны она не любила. Едва она вошла, как ее вдруг охватил ужас: а вдруг метрдотель не пустит ее из-за того, что она недостаточно хороша. Она знала, что будет здесь единственной толстушкой. И оказалась права.

Марина попробовала проникнуться симпатией к этой расплывшейся женщине.

— Гейл, пожалуйста, давай не будем сдаваться, пока есть хоть один шанс. Я тебе уже говорила, что Эмма меня очень беспокоит. Когда ты видела ее в последний раз?

Гейл напряглась еще сильнее.

— Не помню. Наверное, несколько месяцев назад. Говорят, не выходит из спортзала. Не сомневаюсь, она сейчас наслаждается жизнью как никогда, лебедем плавает по городу, щеголяет новым гардеробом перед своими новыми блестящими друзьями.

Ее детская раздражительность могла бы заставить Марину рассмеяться, не будь она тронута несчастным видом Гейл.

— Если бы ты знала, как ты не права. Она очень больна. Уже недели две не выходит из квартиры. Я каждый день прохожу мимо ее квартиры и кричу ей в щель в почтовом ящике, пока она не откликнется. Если откликнется, значит, жива.

Гейл постаралась сделать вид, что ее это не очень-то интересует, однако взгляд был явно тревожный.

— Что с ней? Наверное, все из-за этих чертовых таблеток. Я знала, что-то такое произойдет. Нет безопасной таблетки для похудения, и никогда не будет.

— А мы не думаем, что тут дело в таблетках.

Она не сказала, что Эмма больше не принимает препарат. Марина и сама слишком глубоко запуталась во вранье Дэвида, чтобы предавать его.

— Это единственный участник эксперимента, который настолько плох. У нее нет аппетита.

— И насколько же она плоха?

— Думаю, весит стоунов пять, хотя сказать трудно, ведь я вижу ее только в щель почтового ящика.

Гейл закрыла глаза и какое-то время переваривала эту информацию. Ее размышления были прерваны появлением симпатичного молодого официанта, который на слюну исходил, склонившись над Мариной со своим блокнотом в ожидании заказа.

— Могу я принести дамам аперитив? — спросил он, даже не взглянув на Гейл.

Она не удивилась такому отношению, но странно, что ее это задело. Уже не в первый раз она прокляла тот день, когда Марина принесла надежды «Перрико» в ТФБП.

Марина собралась заказать минеральной воды, но ей не хотелось отличаться от Гейл, которая — она была в этом уверена — осудит ее за столь скромный выбор. Поэтому она

заказала бокал красного вина, отчего у нее потом еще больше разболится голова. Гейл заказала то же самое. Марина молча поблагодарила свой инстинкт за то, что сделала выбор, который ее непростая собеседница сочла приемлемым.

Теперь еда. Почему я не предложила встретиться в пабе? — спросила у себя Марина. Она знала, чего хочет, и знала, что нужно. Ей хотелось чего-то легкого, салат или какую-нибудь рыбу с дымящимися овощами. Но нужно было, чтобы видели, что она ест как человек, которым она когда-то была. Ради Гейл. Ей становилось все труднее поддерживать прежние дружеские отношения.

— Я возьму печень и бекон. И жареную картошку, пожалуйста, — прибавила она, тайком глядя на Гейл в ожидании одобрительного кивка.

Кивка не последовало. Гейл была слишком поглощена меню. Официант неохотно повернулся к ней лицом, чтобы принять заказ.

— А мне жареный палтус с овощами. Масла не нужно.

Марина попыталась скрыть свое удивление, но у нее ничего не вышло. Гейл улыбнулась без удовольствия.

— Ты думала, я выберу самое жирное блюдо из меню?

— Нет-нет. Совсем нет.

— Да ладно, думала. Ты забыла все то, чему мы научились в ТФБП? Не важно, что ты ешь самое калорийное блюдо при первом удобном случае, важно есть то, что хочешь и когда хочешь.

Марина не забыла, просто она больше этому не верила. Она чувствовала себя дурой. Возложив надежды на оксиметабулин (если она именно его принимала), она пришла к убеждению, что ее аппетит — ненастоящий бог, которого нужно умиротворять едой или таблетками. Она утратила веру в посылку ТФБП, утверждающую, что ее аппетит — это просто еще одна функция тела, а не жестокий своенравный господин.

— А сегодня мне захотелось чего-нибудь легкого. Вот почему я и сделала такой заказ. Скажи мне, когда ты в последний раз ела что хотела?

Марина попыталась ответить как можно более убедительно.

— Я теперь всегда ем что хочу. Просто мне не хочется столько, сколько раньше. Полагаю, это таблетки так действуют.

— А что будет, когда ты перестанешь принимать таблетки и желания вернуться?

Это не было целью их встречи, и Марине не хотелось обсуждать эту тему. Что до нее, то она принимала таблетки какое-то время, сбросила лишний вес без борьбы или душевной травмы, и жизнь ее стала в миллион раз лучше. Что станет делать, когда эксперимент завершится, она и не думала. Ей всегда казалось, что раз уж она похудела, то нетрудно поддерживать форму — вот начать худеть почти невозможно.

Она знала, что скоро ей придется решать эту проблему, потому что ее вес начал угрожающе опускаться ниже минимального уровня, который коллеги Дэвида считали приемлемым.

Стратегия была простой — каждая женщина принимает таблетки, пока не достигнет желаемого здорового веса. Потом важно проследить, что станет с телом, если прием таблеток продолжен. Была надежда на то, что на этой стадии снижение веса прекратится (или, по крайней мере, замедлится до контролируемого минимума). Первоначально Дэвид исходил из того, что оксиметабулин задает обмену веществ идеальный темп, а потом приспособливает его к различным потребностям тела. Если он будет попросту бесконечно

проволачиваться, то почти наверняка тело изнаосится. Фатальный исход станет неизбежен.

На следующей стадии эксперимента, после достижения целевого веса и сохранения его на короткое время на одном уровне, нужно проследить, что произойдет после прекращения приема таблеток. У крыс (и у Дэвида, когда он сам принимал препарат) сниженный вес сохранялся на определенном уровне с незначительными колебаниями.

Об этической целостности эксперимента Марина, как большинство других женщин, и не задумывалась. На определенном этапе она почувствовала, что темп снижения веса замедлился. Она становилась все тоньше и тоньше и знала, что это означает конец ее дозировке. Поэтому она открыто нарушила указания «Перрико» и продолжала принимать таблетки, а также стала больше есть, с тем чтобы при взвешивании показатели не отличались от установленных норм. Это вполне удовлетворило Дэвида, так что он мог дать ей возможность принимать таблетки еще несколько недель.

Она, однако, знала, что через несколько дней при взвешивании Дэвид объявит, что пора отказаться от таблеток, чтобы он смог посмотреть, что произойдет. Когда она думала об этом, ей становилось страшно.

— Послушай, Гейл, я правда хочу поговорить об Эмме. Мне совершенно ясно, как ты относишься к оксиметабулину, и мы должны просто согласиться, что у нас разные мнения на этот счет. Но мне страшно представить, что станет с Эммой, если мы что-то не сделаем. Разве мы не можем оставить разногласия и подумать, чем мы можем ей помочь?

— Ты права. Извини. Не знаю, впрочем, что я могу сделать. Если она тебя не пускает, то я-то чем лучше?

— Вы ведь были такими добрыми приятельницами...

Оксиметабулин.

Гейл вздохнула.

— Она отвернулась от меня с того самого первого дня, когда начала принимать таблетки. Будто я напоминала ей о прошлом, от которого она отказалась навсегда. В общем-то, я ее понимала. Я всегда знала, что ТФБП для нее просто опора, без которой не обойтись в определенный момент жизни.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Когда мы познакомились, она пережила кризис. Она искусственно поддерживала себя в тонусе и была убеждена, что ее годы самобичевания подошли к концу. Она и в самом деле верила, что исповедует принципы ТФБП. Только я одна знала, что она обманывает себя. Ты говоришь, она ужасно больна. Да она и раньше бывала при смерти.

— Я слышала о попытках покончить с собой, но это ведь было несколько лет назад?

— Пять. Но в ее взрослой жизни, наверное, года не было, когда она не пыталась покончить с собой тем или иным способом. Отсутствие аппетита, ненормально повышенный аппетит, членовредительство. Да у нее шрамы на обеих руках от порезов. Они остались еще с того времени, когда она была подростком.

Марина была шокирована.

— Но почему? У нее что, было такое ужасное детство? Родители ведь не обращались с ней плохо? Или еще что-нибудь?

— Нет, родители не обращались с ней плохо.

Гейл сделала паузу.

— Эмма была убеждена, что в больнице ее подменили и отдали другим родителям. Она никогда не смеялась, когда рассказывала об этом.

— Да нам всем иногда кажется что-то подобное, разве не так?

Гейл фыркнула.

— Я не говорю о мучивших ее сомнениях или чувстве, будто ты чужой, которое многие испытывают в подростковом возрасте. У Эммы не было ни одного дня, когда бы она почувствовала, что находится в своей семье. У нее есть две старшие сестры и два младших брата, и все они на всю жизнь соединились в семейном кругу, из которого ее исключили.

— Каким образом?

На Марину все это не произвело никакого впечатления. У нее самой не было ничего общего ни с матерью, ни с отцом. Одни лишь родственные чувства заставляли ее поддерживать с ними связь. Поэтому этот рассказ не тронул ее. Она ожидала, что услышит нечто такое, что действительно объясняет поведение Эммы.

Вернулся официант. Прежде чем продолжить, Гейл подождала, когда тот поставит на стол вино.

— Спасибо, — иронически произнесла она ему вслед.

Официанту снова удалось проигнорировать ее присутствие. Гейл отпила немного из своего бокала и в знак того, что вино ей понравилось, едва заметно кивнула сама себе.

— Так о чем это я? Ах да, Эмма. Ты бы знала ее родителей. Два человека поженились в шестнадцать лет, потому что им нужен был секс, но у них не хватало воображения, чтобы просто выпустить из организма пар. Не понимая, что такое предохранение, или не думая об этом, они за пять лет нарожали пятерых детей.

Оценить свои родительские достижения они могли только одним способом — наблюдать за тем, как дети развиваются физически. По вечерам под грузом тяжелой жирной пищи все валялись в постели. Когда Эмма впервые наивно упомянула о том, что хотела бы сесть на диету, ее мать рассердилась. Она увидела в этом угрозу своим принципам, весьма неотчетливым. Поэтому, готовя каждый день еду, подливку Эммы она разбавляла парой столовых ложек замороженного жира.

— Когда Эмму передергивало от этого вкуса, ее мать говорила, что это особый рецепт для похудения, который она нашла в газете «Сан». Когда Эмма стала по-настоящему толстеть, она догадалась, что ее попытки воспрепятствовать этому словно наталкиваются на стену. Тогда-то она и застала свою мамочку за разливанием жира. При одной только мысли о том, сколько жира она съела, Марину впервые стошнило. Ей было одиннадцать лет, и с тех пор она не доверяла еде.

Марина едва не ощутила вкус жира и подавила подступившую тошноту. Она вспомнила, как ее мать пыталась помочь ей стать стройной. В отличие от родителей Эммы, Мариной матери ничего так не хотелось, как того, чтобы дочь была стройной, как все ее подруги. Она давала ей все меньшие порции, не зная, что Марина потом устроит пиршество в своей спальне, пока не насытится.

Когда Марина наконец согласилась сесть на диету, смехотворное невежество ее матери в вопросах подсчета калорий привело к тому, что Марина еще больше поправилась. В школу она отправлялась с тяжелой сумкой, в которую были уложены четыре бутерброда, намазанные толстым, с палец, слоем масла, с куском сыра и ломтем жирной ветчины. Мать давала ей еще и термос с жирным молоком, чтобы Марина не грохнулась в обморок от недоедания.

Да Марина и сама была виновата в том, что не понимала, каково воздействие на организм так называемых продуктов для похудения. Она как-то накопила карманных денег и

купила пачку печенья. Марина с большим интересом прочитала то, что было написано на упаковке, не придав прочитанному значения. Ей и так было все ясно. От этого печенья худеют. Так там и было сказано. А значит, чем больше его съешь, тем больше похудеешь.

Довольно скоро она стала съедать по пачке печенья в день. Это помимо всего другого, более существенного. Наверное, она не прочитала то место, где говорилось, что это печенье должно заменять еду, а не дополнять ее.

В отличие от Эммы она не прибегала к более драматическим очистительным методам, и главным образом потому, как она с удивлением потом поняла, что не могла причинить страданий своим родителям.

Так-так-так, думала она, сидя в модном ресторане, вся такая роскошная и стройная. Может, я и не ненавижу вовсе эту старую ведьму. Какое разочарование! О Господи! Меня вдруг осенило. Да ведь я не была дома с Рождества. Разве можно лишить мамочку той радостной минуты, когда она наконец-то увидит свою дочь такой, какой всегда хотела видеть!

Она с трепетом представила себе это радостное событие и отметила в уме, что визит к родителям состоится в ближайший уикенд.

Гейл ждала, когда ее подруга снова обратит на нее внимание.

— Прости, Гейл, ты сказала нечто такое, что навеяло на меня воспоминания. Я тебя слушала, правда. Продолжай, прошу тебя.

— Если тебе неинтересно, ты так и скажи. Мне казалось, что ты хочешь понять Эмму. Между прочим, я могла бы сейчас быть в другом месте.

Марина еще раз извинилась. Гейл успокоилась и продолжила свой рассказ.

— Ее мать и отец брались за любую низкую работу, которая попадалась этим двум рано состарившимся полуграмотным людям. Они предпочитали работу с дополнительными доходами — уборка транспорта, что обеспечивало всей семье бесплатный проезд, работа на фабрике, где рабочим каждый день доставались ломаное печенье или мясные обрезки. Эмма шутила, что никогда не была голодной.

Марина улыбнулась.

— Можно сказать, они замечательно заботились о своей семье.

— И старались облегчить ей жизнь. Сказать можно все что угодно. Но они не знали, что делать с Эммой. Она была большой умницей, рано начала читать, и все такое. Но в доме не было ни одной книги, и ей не разрешали после школы ходить в библиотеку. Они испытывали перед умственными занятиями ужасный страх, которому подвержены некоторые интеллектуально неразвитые люди.

Ишь какая птица, подумала Марина. Если я думаю о своих родителях в точности то же самое, это не означает, что можно произносить такие вещи вслух.

— Она им точно вызов бросала. Ей не свойственно было делать то, чем занимаются другие дети. Эмма не гуляла с мальчиками и вообще непонятно как развлекалась. Да и внешне не была похожа на других. Она была очень мила. И не пожелала следовать семейной традиции, согласно которой нужно быть пухлым и толстым. Они все ели с подносов, сидя перед телевизором, так что ей нетрудно было складывать еду в карманы, чтобы потом от нее избавиться.

И, что еще важнее, она не обнаруживала желания внести свой вклад в семейную казну. Все другие работали лет с одиннадцати. На рынках, в соседних магазинах, везде, где не слишком строго соблюдаются правила.

Но Эмма была далека от всего этого. Ей хотелось вырваться, и она знала, что для этого есть только один способ — образование. Она училась каждую свободную минуту. Друзей у нее не было, потому что девушек, которые ей нравились, она не могла пригласить в свой шумный, довольно неопрятный дом. Да и времени для друзей у нее не было. И к тринадцати годам она стала умной, честолюбивой, симпатичной, стройной.

Марина озадаченно смотрела на нее.

— Гейл, я читала эту историю миллион раз. Бедная, умная, никем не понятая девушка возвышается без чьей-либо поддержки над убогой средой и становится микрохирургом, премьер-министром или еще кем-нибудь в этом же духе. Это называется иметь твердый характер.

Гейл не обратила внимания на то, что ее перебили.

— И они отдали ее в приют.

Марина ужаснулась. Гейл была рада, что наконец-то дождалась реакции, на которую рассчитывала.

— Да-да. Отдали в приют. И не потому, что надеялись, что там ей будет лучше, а чтобы наказать ее. Несколько минут назад ты спросила меня, не обращались ли с ней родители жестоко.

— И ты сказала, что нет.

— Это так. С ней обращались жестоко ее приемные родители.

Марине не хотелось это слышать. Она хотела понять Эмму, но слышать вещи, о которых ей неприятно думать, она не желала. Она так и не выработала в себе надежный механизм, который позволял бы ей переваривать неудобную правду. Вместо прежней чрезвычайно эффективной манеры усваивать пищу. Придется напиться, мрачно подумала она, осушая стакан и одновременно ловя взгляд официанта, чтобы сделать новый заказ.

В первой семье с ней обращались, как с рабыней. Это было нечто из фильма «Вверх-вниз». Она драила полы, стирала вручную белье для всех членов семьи, латала штаны, да-да, латала. И оказалась в больнице. Приемные родители не заметили, что она перестала есть. Она говорила, что покончит с собой, если ее снова отправят в этот дом.

В следующей семье крут замкнулся. Мать не обращала на нее внимания, а отец систематически подвергал ее полному набору запротоколированных оскорблений. Днем он ее бил, ночью насиловал. Она оставалась там до шестнадцати лет, решив, что заслуживает такого обращения, поскольку отдалась от своей семьи. Сделай она над собой еще одно усилие, чтобы остаться с ними, и она была бы дома и наслаждалась бы счастливой, посредственной жизнью, без мучений.

Марину этот рассказ шокировал. То, что Эмма победила свое трагическое прошлое и получила признание как классная журналистка, восхищало ее. Но тут ей пришло в голову — Эмма вовсе и не победила свое прошлое. Ее прошлое было знаменем победы, которое реяло перед ее испуганными глазами всякий раз, когда она осмеливалась подумать, что ушла от него. «От меня тебе не убежать, ты, неряшливая толстушка, я знаю тебя, видел таких», — было начертано на нем большими жирными красными буквами.

— Она когда-нибудь встречалась со своей семьей? Со своей настоящей семьей.

— О да, это самое смешное во всей истории. Пока ее опекали, она виделась со своей семьей каждую неделю. Ела все, что перед ней ставили, чтобы угодить родителям, потом возвращалась к приемным родителям и, чтобы угодить себе, делала так, чтобы ее стошнило.

Когда ей исполнилось шестнадцать и она наконец освободилась от опекунов, то

поступила в колледж, заимела свою квартиру, но продолжала каждую неделю бывать в семье.

Представь себе такую сцену. Эмма, вся такая красивая, умная и не от мира сего, сидит в своих вельветовых джинсах, глаза подкрашены. Среди своих единокровных братьев и сестер. Все четверо закончили школу в шестнадцать лет без единой пятерки. У всех грубые черты лица, любезно завещанные им родителями, заварившими это невкусное генетическое варево. Они сидят себе и курят одну за другой, рыгают и ненавидят ее за то, что она лучше их.

— А о чем они говорят? — спросила Марина.

— Эмма рассказывает им о своей жизни. Показывает свои статьи в глянцевах журналах. Она знает, что они ненавидят ее еще больше за успехи, но ничего не может поделать. Она приносит им ненужные подарки, которые они потом перепродают на распродаже. Она хочет, чтобы ее либо приняли в семью, либо отвергли, но у них попросту не хватает слов, чтобы выразить свое отношение к ней.

Какое-то время обе сидели молча, думая о том, есть ли что-то такое, что они могли бы сделать, помешав тем самым Эмме разрушать себя, тогда как внешние обстоятельства обещали именно такой конец.

Принесли еду. Марина взглянула на тарелку, содержимое которой отливало маслом, и снова ощутила тошноту. Она бросила завистливый взгляд на рыбу и овощи Гейл, которые излучали свежесть.

Прежде чем взять нож и вилку, она несколько раз глубоко вздохнула. Дабы отложить неминуемое еще на несколько секунд, она повернулась и посмотрела на других посетителей. Она завела эту привычку, потому что теперь регулярно обедала и ужинала с Терезой. Они придумывали необычные истории про окружающих их незнакомых людей.

Правда, не все они были незнакомыми. В кабинке в глубине ресторана сидели два человека, которые вели себя так, что было очевидно — это не просто хорошие друзья. Она узнала мужчину, хотя видела его только два раза. Это был Род, муж Терезы, такой большой, с рыжей бородой. Ни с кем не спутаешь.

Поначалу она решила, что Тереза пришла с ним. Она подняла было руку, но тотчас опустила ее на стол.

Это была не Тереза, но выглядела точно как Тереза. Или, лучше сказать, выглядела в точности как Тереза полугодичной давности. Ведь теперь Тереза была высокой стройной сильфидой, одевавшейся так, чтобы играть на все возраставшей схожести с юной Одри Хепберн^[36]. Свою хрупкую конституцию она подчеркивала платьями с высокой талией, узкими юбками и брюками.

Но нет, эта сотрапезница Рода была совсем не такая. Да, высокая, но плотная, тогда как Тереза теперь была худощавая. Там, где у Терезы были кости, у нее — изгибы, и еще у нее была улыбка и грудь, тогда как у Терезы — гримаса тревоги и грудная клетка.

Но во всех прочих отношениях Род обманывал Терезу с ее точно сошедшим с фотографии двойником. Марина быстро отвернулась. Да разве Тереза сможет когда-нибудь примириться с тем, что сбросила весь свой лишний вес ради Рода и сделала это только для того, чтобы узнать, что он говорил правду — что всегда любил больших женщин?

— Ну и что будем делать с Эммой? — спросила Гейл.

Марина подумала об Эмме, как та сидит дома и голодает до смерти. Она подумала о Терезе, которая сбросила вес непонятно ради чего. Она подумала о Гейл, которая так близко к сердцу принимает ситуацию, в которой оказалась ее подруга, но так слепа к своим

проблемам. Она подумала о Сюзи, которая, подобно Алисе из Страны чудес, выпила не из той бутылки и теперь неудержимо увеличивается в размерах. Она подумала о себе. Вот-вот у нее отнимут спасательный жилет в виде оксиметабулина. Что делать с нами со всеми? — подумала она.

— Мне нравятся женщины не только красивые, но и умные, — промурлыкал Дэвид полуголой простушке, сидевшей перед его компьютером.

Ее звали Джейн, и она была абсолютно заурядна. У нее не было ни единой черты, которая говорила бы о том, что Джейн безобразна или, напротив, красива. В детстве она, может, и была милой девочкой, какими бывают многие девочки до пяти лет. Но потом все выросло и определилось, упорно отказываясь составить те пропорции, на которые так часто указывают псевдоученые, представляя математическую формулу красоты.

Дэвид пригласил ее на ужин к себе домой. Она была жутко польщена тем, что этот мужчина будет для нее готовить, а при мысли о том, что будет потом, ее охватывала дрожь. Дэвид, впрочем, выбрал полуфабрикаты, потому что у него не было денег. И еще потому, что все было затеяно только для того, чтобы усадить ее за компьютер.

Дэвид был самым симпатичным мужчиной, с которым Джейн когда-либо спала. Он добился в жизни успеха, и ее переполняла гордость оттого, что, возможно, ему нужно не только ее тело. Обед был от «M&S»^[37] (он продал джемпер, который подарила ему другая женщина, и на вырученные деньги купил еду), но он тщательно подогрел его с гарниром, следуя рекомендации на коробке. Да, он был скрупулезен во всем.

Секс удовлетворил обе стороны. Он все делал торопливо, стараясь создать у нее впечатление, будто ее умение не давало ему возможности сдерживать свою страсть. У него уже был готов сценарий десятиминутной сцены, отведенной им для нежностей после акта. «Знаешь, Джейн, мне ничего так не хочется, как провести с тобой всю ночь, да и почти весь завтрашний день, но боюсь, мне придется уйти с любовью к тебе».

Выражение отчаяния появилось на ее лице. Это должно было означать, что он выбрал правильный тон.

— Но сейчас уже половина одиннадцатого! Куда ты пойдешь в такое время?

— К себе в офис. Знаю, тебе это неприятно, но у меня нет выбора. Мне должны позвонить завтра утром и сообщить кое-какие цифры, а информация в моем компьютере в лаборатории.

— Но я видела в твоей гостиной модем. Почему тебе не сделать всю эту работу здесь?

Дэвид шаловливо улыбнулся ей, точно маленький мальчик, с которым бесполезно спорить.

— Легче сказать, чем сделать. Дайте мне химическую лабораторию, и я вмиг изобрету препарат, который всю жизнь изменит. Но посадите меня перед компьютером, и я полный профан. В офисе все, что нужно делать, расписано для меня на языке, понятном идиоту. Честно говоря, я и сам не знаю, зачем мне нужен дома модем. Ума не приложу, как им пользоваться.

Джейн терпеливо покачала головой.

— У тебя где-нибудь записано, как обращаться с твоим компьютером в «Перрико»?

Дэвид выскочил из постели и сделал вид, будто ищет свои бумаги, и наконец он нашел их именно там, куда и положил несколькими часами раньше.

— Это чем-нибудь поможет? — с надеждой спросил он.

Джейн взяла бумаги и быстро пробежала глазами текст.

— Отлично! Теперь слушай меня. Сделай-ка мне кофе, а я сделаю так, что твой

компьютер здесь войдет в контакт с компьютером в офисе.

— Так просто? — спросил Дэвид, надеясь, что она сможет разглядеть на его лице выражение крайнего изумления.

— Это мой хлеб, разве ты не знал?

— Ты шутишь! То есть я хотел сказать, что знал, что ты что-то делаешь с компьютерами в «Перрико», но и не подозревал, что ты такой профессионал. Я сражен! Но мне кажется, что лабораторные компьютеры замкнуты в другой системе, или как там это называется, и не связаны с другими компьютерами компании. Наверное, из соображений безопасности.

Джейн рассмеялась.

— Знаю. Я сама установила эту систему безопасности! Но не беспокойся, она рассчитана на то, чтобы не допускать посторонних, а не рассеянных ученых, вроде тебя.

Дэвид покорно опустил глаза. Джейн поцеловала его с уверенностью, которую придавала ей ее востребованность, и позволила ему с нежностью подвести ее к столу.

— Черный кофе или с молоком? — спросил он.

— Ну вот, мы туда вошли. Так что ты хотел узнать?

Дэвид сел на стул рядом с Джейн, столь тесно прижавшись к ее бедру, что она готова была ради него банк ограбить.

— Вот эта папка. *Oxymetab.data*. Распечатай мне всю папку.

Пальцы Джейн проворно забегали по клавиатуре.

— Хорошо. Хм. Небольшая проблема. Чтобы раскрыть эту папку, нужно знать пароль. Ты его знаешь?

Дэвид застонал и ударил себя по лбу, точно проклиная за глупость.

— Не верю. Ты столько всего сделала, а мне все равно придется туда пойти. Пароль записан у меня в ежедневнике, который лежит на столе.

— А так не вспомнишь?

Джейн смутила недалёковидность Дэвида.

— Ты, наверное, принимаешь меня за идиота! Я могу запомнить формулу в двадцать строк, но пароль — никогда. Скорее всего, потому, что мне и не нужно их помнить. Я всегда записываю пароли, поэтому мой мозг не утруждает себя тем, чтобы обрабатывать их.

— Это в тебе говорит ученый. И куда ты собрался?

Вид у Джейн был встревоженный.

— Я тебе уже сказал. Мне нужно в офис. Чтобы переписать пароль.

Джейн схватила его за руку и снова усадила на стул. Обращалась она с Дэвидом несколько бесцеремонно. В последнее время он довольно нервно реагировал на быстрые неожиданные движения. Люди, одалживавшие ему деньги, не столь однозначно реагировали на его гибкий подход к возвращению долгов. Он даже увидел нечто вроде... угрозы в предупреждениях, сделанных ими в последнее время. Это его удручало.

— Сядь! — безапелляционно заявила Джейн. — Я узнаю пароль.

— И как ты это сделаешь? Все, наверное, строго засекречено.

— Это так. Только не от таких, как я. Смотри-ка.

Он в восхищении смотрел, как она проникает в базу данных. Экран заполнился

непонятными символами и отдельными буквами. Он ощутил сдержанное уважение перед ее способностями и, будь она симпатичнее, согласился бы встретиться с ней еще не раз.

Время шло, и он начал обнаруживать нетерпение.

— Вот мы и в дамках, — торжествующе объявила она наконец.

И все, что нужно, предстало перед его глазами. Фамилии всех женщин, принимающих участие в эксперименте с оксиметабулином, а рядом — название препарата. «О» — если это был оксиметабулин, «П» — если «пустышка». На экран он смотрел недолго. Пора расплачиваться за услугу. Он обнял Джейн и заглянул ей в глаза.

— Ты гений. Позволь мне доказать, как я тебе благодарен.

Уводя ее снова в спальню, он нажал на клавишу, благодаря которой включился принтер в соседней комнате. Печатать принтер будет бесшумно, пока Дэвид развлекает Джейн.

Решив извлечь для себя максимум из этого вложения в одну ночь, он задал еще один вопрос:

— Кстати, Джейн, а какой там пароль? Я спрашиваю не потому, что не помню, просто интересно.

Она рассмеялась.

— Вообще-то я и сама хотела у тебя это спросить. Ты сам его придумал?

— Конечно, — ответил он, приготовившись защищаться.

— Мне это нравится в мужчине.

— Что?

Дэвид не любил загадки. Пароль придумал начальник лаборатории «Перрико», а Дэвид уже давно подозревал, что этот человек недолюбливает его.

— И какой же пароль?

— Да как ты мог забыть такое? ХИТРЫЙ ДЕЙВ, — со смехом ответила Джейн.

Нэнси Ризенталь едва не захлопнула дверь перед носом Марины.

— Спасибо, в рекламных агентах не нуждаемся, — начала было она, но тотчас у нее от изумления перехватило дыхание.

— Марина! Это ты? Не может быть.

— Я, мамочка.

Марина стояла у порога, ощущая себя десятилетней девочкой.

Нэнси прижалась к двери, чтобы не упасть. В доме уже давно не было незнакомых людей, но именно незнакомка перед ней и стояла. Совершенная незнакомка.

— Я думала, это кто-то из консервативной партии.

Марина рассмеялась, но вдруг поняла, что это самое большое оскорбление, которое могла нанести ей мать (после «толстушки»).

— Кто там, любовь моя? — выкрикнул откуда-то из дома Дональд.

То, что он не в саду, удивило Марину. А не проводил ли он все время в саду раньше, когда она была дома? — с ужасом подумала она. Она вообразила себе, что отец избегает общества Нэнси столь же тщательно, сколь и Марина. Может, они с матерью на самом деле были очень счастливы вместе, и это Марина разделяла их?

Ей эти мысли ничуть не понравились. Она осторожно подтолкнула дверь, чтобы можно было войти в дом и посмотреть, как живется родителям, не ждавшим ее в гости.

— А мы тебя не ждали, — виновато произнес Дональд, услышав ее голос. А когда увидел, то побледнел. Марине показалось, что он сейчас рухнет без сознания.

— С тобой все в порядке, папа?

Она подбежала к нему, чтобы схватить его за руку на тот случай, если он потеряет сознание. Однако мать подбежала к нему первой и встала живой стеной — своего рода эмоциональная защита от неожиданных сюрпризов.

— С твоим отцом все в порядке. Он немного шокирован, вот и все. Да мы оба шокированы. Ты не говорила нам, что придешь. И что ты...

Она не закончила фразу. Только сейчас она начала осознавать, какая масштабная трансформация произошла с ее дочерью. Марина являла собою совершенный дочерний образ. Стройная, красивая, ничего лишнего. Студийная фотография, которую изучают в поисках недостатков. Женщина, которой хотел бы обладать любой мужчина.

Она больше не была дочерью Нэнси. Все их отношения основывались на принципе притеснитель/притесняемый. Материнство Нэнси свелось к решимости, в духе Свенгали [\[38\]](#), совершенно изменить Марину. И вот Марина превратилась в идеал, о котором Нэнси всегда мечтала.

Но она сделала все сама, а это совершенно несправедливо. При чем тут материнство Нэнси, когда ее дочь добилась своего только после того, как совсем избавилась от материнского влияния? Разве имеет Нэнси какое-то отношение к тому человеку, в которого превратилась Марина? Как честная женщина, она не могла смотреть своим подругам в глаза и утверждать, что сыграла хоть какую-то роль в создании этой красивой женщины. Она чувствовала себя обманутой.

Марина не имела представления, о чем думает ее мать, но такой реакции она точно не ожидала. Не стоять же так бесконечно! Поэтому она смело задала вопрос, которого от нее не ожидали.

— Ну, что скажешь?

Она вытянула руки и стала кружиться, словно балерина в пачке. Движения ее были такими свободными, что родители вздрогнули. Они отступили на шаг на тот случай, если она потеряет равновесие и упадет на них. На долю секунду им показалось, будто это все та же толстая неуклюжая девочка, которая в детстве прыгала по дому.

Первым заговорил Дональд.

— Выглядишь ты отлично, любовь моя. Сама на себя не похожа, если понимаешь, что я имею в виду.

Она понимала. Она испытывала такие же чувства всякий раз, когда смотрелась в зеркало. Она ждала, что отец сейчас подойдет и обнимет ее. Или похлопает по плечу. Или коснется. Если и есть оправдание для группового объятия, тот это был как раз тот случай. Но он продолжал стоять, чуточку загороженный Нэнси.

— Ты, мама, так ничего и не сказала.

— Ты была больна? Мы так давно ничего о тебе не слышали. И не видели тебя с Рождества, и тут ты являешься как гром среди ясного неба, вся такая тонкая. Что мы должны думать?

Марина попыталась скрыть свое разочарование. Однако ее попытка обратилась в гнев.

— Нет, я не болела. Я не была дома, потому что мне казалось, вам неинтересно меня видеть. Я была занята своей карьерой. Той самой, о которой вы меня ни разу не спрашивали. Ездила по миру, организуя кампании в сотни миллионов фунтов, и всякое такое. Все это не так впечатляет, как приготовление яичницы или жареного картофеля для мужа и пятерых детей, но это моя жизнь.

Нэнси рассердили эти нападки на ее ценности.

— Ну зачем же так злиться? Просто мы ошеломлены, вот и все. И обеспокоены. Ты ведь никогда не была такой худой. Любая мать встревожилась бы, если бы ее дочь сбросила столько лишнего веса.

Марина крепко задумалась, прежде чем ответить. Она знала, что сейчас соврет. К родителям она явилась главным образом затем, чтобы наконец услышать от них слова одобрения. Ей хотелось, чтобы они восхищались ее успехами. Она знала, что рассказом об эксперименте с новым препаратом их не склонить на свою сторону. Дисциплина — единственный мотив, который они стали бы уважать.

— Диета и упражнения, вот и все.

Солгав, она не ощутила вины. Дети беспрерывно лгут своим родителям, начиная с ненастоящих слез в колыбели до наглого вранья в подростковом возрасте и недоговоренностей в зрелые годы. Только это и позволяет сохранять зыбкое единство семьи.

И тут Дональд сделал шаг вперед и с гордостью погладил ее руку.

— Молодец, любовь моя.

А вот на этот раз Марина ощутила вину за свою ложь.

Нэнси тоже приблизилась к ней, потому что никогда не отпускала от себя Дональда дальше чем на несколько футов.

— Ну ладно, Марина, молодец. Если, разумеется, это только диета и упражнения.

Это подозрение, основанное на проницательности, миг нарушило душевное равновесие Марины. Нэнси тотчас напустила на себя самодовольный вид, поскольку верно во всем разобралась. Ее волновало только одно — на какие ухищрения Марине пришлось пойти, чтобы настолько измениться.

Было очередное Рождество. Дональд скрылся в сарае. Марина и Нэнси сидели друг против друга в гостиной. Перед ними, точно обвинение, были разбросаны остатки пищи. Телевизор был включен, и сообщения о глобальных несправедливостях, сообщаемые мрачным тоном, перемежались с фирменными охами Нэнси.

Физические перемены, происшедшие с Мариной, оказали глубокое воздействие и на ее личность. Она осмелела настолько, что могла задавать вопросы, которые раньше не решилась бы задать. Ей казалось, что это, наверное, оттого, что она больше не является мишенью для острых стрел. Теперь она может говорить что хочет, но уязвить ее невозможно. А вопросы у нее были. Пустоты, которые нужно было заполнить, и она чувствовала в себе силы сделать это. От свободы захватывало дух.

— Почему после Испании ты больше не ездила за границу, мама?

Нэнси сощурилась и стала еще внимательнее смотреть на телеэкран, надеясь, что Марина истолкует это как добровольную глухоту и оставит ее в покое. Прежняя Марина ушла бы в себя, получив такой отпор, и занялась бы очередным пирожным. Но теперь Марина была другой. Она не притронулась к отвратительному набору пирожных и бисквитов, которые Нэнси выставила перед ней. Для Марины это было все равно что отравленное яблоко, пусть и красивое. Она намеренно отодвинула сахарницу, но чай помешала и поднесла чашку к своим ярко-красным губам с изяществом леди.

Еще совсем недавно подобное воздержание далось бы ей легко. Сегодня был второй день без таблеток, и бороться с искушениями становилось все труднее. Когда она ехала в машине к родителям, приманки проносились мимо нее всякий раз, как она проезжала мимо

очередной заправки. «Конфеты и шоколад!» — манили неоновые вывески. Лучше зайти и наесться, а то окажешься там, где нечего будет есть несколько дней подряд. А что, если застрянешь в пробке и проголодаешься? Запасы жира практически истощены. Так можно и с голоду умереть. Или получить диабетический шок от недостатка сахара. Ну-ка, быстрее, запасись провизией, прежде чем в стране наступит дефицит!

Она глубоко дышала и методично, сосредоточенно сжевала три пакетика жевательной резинки. Только это и удерживало ее от того, чтобы не остановить машину и не ринуться в кондитерский магазин с открытым ртом.

С ума можно сойти, думала она. Еще и двух дней не прошло с тех пор, как я съела последнюю таблетку. Где-то в теле еще остался химический осадок. А желудок у меня теперь, наверное, в несколько раз меньше прежнего. Это все физиология. Я стала физиологически зависимой от таблеток, и теперь, когда у меня отняли костыли, моя защита рухнула.

А если то, что я принимала, не оксиметабулин? Допустим, это была «пустышка». Половина женщин глотали липовые таблетки, а посмотрите-ка на нас. Мы все похудели. Все дело в голове, а не в таблетках. Поэтому нужно лишь убедить себя, что я сбросила весь этот лишний вес благодаря силе воли и что в этих таблетках — пустой порошок. И мне никогда не будет не хватать того, чего у меня никогда не было.

Это теория. Как и все теории, выглядит она здорово, но ничего не значит. Теперь, когда она сидит напротив своей матери, все ее сомнения куда-то улетучились. Она остро ощущала свое физическое совершенство, зная, что соответствует материнскому идеалу женской красоты в той мере, какой сама Нэнси так и не смогла достичь. Нэнси не догадывалась, что Марине все труднее держаться за свой совершенный образ; она могла лишь преклоняться перед своей новой дочерью, присутствие которой нельзя было игнорировать.

— Ты слышала, что я спросила, мама? Почему после Испании ты больше не ездила за границу?

Не прошло и часа, как Нэнси удостоверилась, какое необыкновенное создание — ее дочь. Уверенная в себе, целеустремленная и упорная. Чутьочку похожа на Нэнси, когда та была моложе. Намного моложе. Не отступится, пока не услышит ответ на вопрос. К своему удовольствию.

Она вздохнула, втянув в себя пятьдесят лет пыльных извинений, которые были несостоятельны еще тогда, когда она придумала их. Взяв в руки вязание, она энергично заработала спицами.

— За границу я не ездила потому, что в этом не было никакого смысла. Испания — для несмышленных подростков, ищущих приключений. Я ничего не добилась. Лишь обожгла себе пальцы. Училась на своих ошибках и осталась здесь.

— А чего ты добилась, никуда не поехав?

— Прожила жизнь здесь. Или ты хочешь сказать, что учение ни к чему?

— Да не сердись на меня, мама. Просто я пытаюсь понять тебя. Ты была блестящей учительницей. Все так говорили.

— Ну вот, опять ты за свое.

В уголках глаз Нэнси сверкнули огоньки, отдаленно напомнившие те, с которыми когда-то смелая девушка отправилась на войну, не имевшую к ней никакого отношения.

Марина решила настоять на своем, несмотря на желание матери не ввязываться в разговор, который затеяла дочь.

— Ты была отличной учительницей. Ты прочитала все, что только можно. Тебе, должно быть, было душно жить городской жизнью, смотреть, как твои ученики растут и разъезжаются, и делают то, что и ты могла бы делать, но не пробовала.

— По-твоему, все так легко. Так просто.

Ее горечь была очевидной. Она заметила удивление во взгляде Марины и пошла на попятную.

— Ладно, допускаю, тебе, наверное, нелегко пришлось приспособливаться к жизни с твоей...

Она не сразу закончила фразу. Не смогла.

— ...но ведь ты сама придумала себе эту проблему. Ты могла бы избавиться от этого недостатка в любое время, когда бы захотела, и ты убедительно доказала это. Потому-то я всегда и подталкивала тебя к такому решению. Так легко было все разрешить, но ты даже не пыталась.

— Вовсе это было не легко, мама. Этого ты никогда и не понимала.

Нэнси опустила голову. Она продолжала вязать, но голос ее изменился.

— Может, ты и права. Но я довольно много читала о ТФБП, об этой группе, о которой ты рассказывала в Рождество. Пошла в библиотеку и прочитала несколько статей в журналах.

Марина громко рассмеялась.

— Не успела я подумать, что уже готова рассказать тебе об этом, а ты, оказывается, все знаешь. Я и не думала, что ты меня иногда слушаешь.

Нэнси поджала губы, услышав очередное обвинение.

— Марина, я всегда тебя слушаю. Я часто не отвечаю, потому что не знаю, что сказать. Ты всегда меня обрывала, когда я хотела поговорить с тобой. Ты, бывало, спросишь у меня что-то, а потом устроишь скандал, если мой совет не придется тебе по душе.

— Потому что совет был всегда один и тот же: похудей, найди мужа. В этой последовательности.

— Это потому, что я думала, ты станешь счастливее, если найдешь кого-то. А я знала, что ты не найдешь мужа, пока не...

— Я что, была большим жирным Блимпом^[39]?

— Я этого не говорила.

— Но ты так думала. Да и какая разница?

— Мне не хотелось, чтобы ты повторяла мои ошибки. Все матери такие. Надеюсь, ты и сама это когда-нибудь узнаешь.

Они оказались в опасной близости к открытому и откровенному разговору, и Нэнси ощутила неловкость. Оно прибавила звук на пульте управления.

Марина никак не могла успокоиться.

— Какие ошибки, мама?

Нэнси холодно и строго посмотрела на свою дочь.

— Я знаю, Марина, что ты от меня хочешь. Ты хочешь, чтобы я была четырнадцатилетней девочкой, о которой тебе рассказывала няня. Но это не я. Я другая. Занудливая учительница на пенсии. Мать, которая не понимает, что значит быть молодой. Или чувствовать иначе. Вот кто я такая. Вот с кем тебе приходится иметь дело.

— Какие ошибки, мама?

Марина не пожелала отступить.

Нэнси выронила спицу, ругая себя за неловкость. Марине она ответила с раздражением.

— Когда живешь один. Возводишь стены вокруг себя. Говоришь всем: «Не подходите ко мне! Спасибо, сэр, мне не нужно вашего счастья! Оставьте меня в покое. Лучше буду несчастной. И одинокой».

Марина никогда не задумывалась о том, как ее мать прожила двадцать лет после Испании и до замужества. Двадцать лет. Это много. Наверное, ей уже никогда не узнать, как мать жила все эти годы. Но, как она догадывалась, очень нелегко. Это были пустые годы. Потраченные впустую.

Она покачала головой.

— Но все совсем не так, мама. Теперь все по-другому. Люди счастливы, если живут одни. И мой вес не имеет к этому никакого отношения.

Нэнси устала говорить о вещах, о которых ей говорить не хотелось.

— Может быть. Поэтому я и заинтересовалась группой ТФБП. Наверное, ты была права, не раз обвиняя меня в том, что я не принимала тебя такой, какой ты была. Но я не принимала. И не была убеждена в том, что ты настолько уж счастлива.

— Я, мама, совсем не была счастлива, совсем. Но если хотя бы раз ты сказала мне, что понимаешь, каково мне, то я бы поговорила с тобой. Может, мы смогли бы вместе что-то переменить к лучшему.

Это Марина и хотела сказать. Больше она ничего не добавила.

Нэнси пожала плечами. Она попыталась плавно закончить разговор. У нее больше не осталось слов.

— Как бы там ни было, мне все стало немного понятнее. Тебе и твоим подругам нравилось быть такими, какими вы были. Это у нас всех остальных проблемы. Это мы хотим изменить вас, чтобы все были похожи друг на друга. Мне пришлось с этим согласиться. И я согласилась.

О Господи, сделай так, чтобы я не расплакалась, подумала Марина. Впрочем, если и расплачусь, что с того? Голос Нэнси между тем снова зазвучал резко.

— Вот почему я была шокирована сегодня, когда увидела тебя. Увидела такой, какой ты стала. А я-то собралась встретить тебя такой, какой ты была. А ты совсем другая. Это кто-то другой. Я ничего не поняла. И до сих пор не понимаю. Какой ты хочешь быть, кого я должна понимать? Скажи мне, и я пойму.

Нэнси снова превратилась в обвинительницу, в мать, которая не понимает, в чем ее вина. В страдалицу со стажем. В человека, который выдающиеся успехи дочери в жизни истолковывает как личный выпад против матери.

Марина хотела ей все объяснить. Она хотела ей рассказать, как мужчины, симпатичные мужчины, потянулись к ней после того, как она похудела. И как женщины, которые раньше держались от нее подальше, теперь толпились вокруг нее, чтобы поделиться сокровенными тайнами. И как ее толстые подруги больше не хотели ее знать. И как теперь все стало по-другому, кроме того, что внутри. Но она не думала, что Нэнси сумеет связать воедино все эти разрозненные чувства. Теперь настал черед Марины делать неверный вывод.

— Ты спросила у меня, почему я больше никогда не ездила за границу, — сказала Нэнси. — Все дело в том, что я кое-чему научилась в ходе моего большого приключения. Я ездила в Испанию, чтобы изменить себя, а не мир. Чтобы превратиться в обаятельную торжествующую героиню, на миллион миль оторванную от школьницы из графства Уэст-Мидлендс.

— Но ты была героиней, мама.

— Нет, Марина. Я оставалась школьницей из Уэст-Мидлендс в повстанческой одежде. Но это была просто одежда. Под ней я оставалась прежней. Так же как и ты внутри, толстая ты или тонкая. Я была скучным, городским, заурядным человеком, который никогда не станет другим, в скольких бы войнах ни воевал. Я узнала кое-что такое, что, возможно, тебе еще предстоит узнать — невозможно изменить себя, можно лишь сменить одежду.

Марина ничего не отвечала. Тарелка с пирожными, доставлявшими ей мучения, стояла всего в нескольких дюймах от ее наманикюренных пальцев. Пирожные назывались «фантазия». Они должны были так называться. Вся жизнь фантазия.

Я хочу их съесть, я хочу их съесть, я хочу их съесть.

Нэнси была благодарна Марине за то, что та прекратила этот неловкий разговор. Но она не смогла не нарушить молчание стандартным материнским вопросом.

— Скажи что-нибудь, Марина.

Марина чувствовала изнеможение от этого нового для нее обмена мнениями, граничившего с откровенностью. Ей захотелось обратно в Лондон. В свою квартиру. К своей работе. Еде.

— Просто я рада, что я дома, мама. И рада, что мы поговорили.

Лгунья, лгунья.

Наступил октябрь. Таблетки больше никто не принимал.

Вторник был днем взвешивания. В приемной царило уныние. На смену летним расцветкам и ярким краскам пришли приглушенные осенние тона, которые скрывали больше, нежели обнажали. Разговор велся тихий и нервный. Ноги скрещены, руки сложены на груди. Эммы не было.

— Что это значит — исчезла? — спросила Тереза у Марины.

— Исчезла, и все. Выехала из квартиры и не оставила адреса. Я позвонила в пару журналов, в которые, насколько мне известно, она писала, но и они от нее ничего не слышали. Очевидно, в этом ничего необычного нет. Пишет историю про оксиметабулин, но окончания от нее ждут не раньше чем через несколько месяцев, когда закончится эксперимент и станут известны предварительные результаты.

— Если это больше никого не беспокоит, может, и нам не надо беспокоиться?

— Не знаю, Терри. Ты не видела ее. Мне показалось, что она при смерти.

— Ну, если у нее хватило сил выехать из дома, то не такая уж она и слабая. Поверь мне, переезд отнимает столько энергии, уж я-то знаю.

Марина взяла за руку свою подругу.

— Терри, извини, я и не спросила. Как дела с переездом?

— Все зависит от того, какая его часть тебя интересует. Если та часть, когда я собирала осколки разбитого девятнадцатилетнего замужества и раскладывала их по картонным коробкам, словно старую одежду для распродажи на благотворительном базаре, то это все равно что умираешь, но смерть не приносит облегчения. С другой стороны, совершенно замечательная фирма по перевозке мебели прислала мужчину с фургоном, который переложил коробки в машину с минимальными повреждениями, и все это обошлось недорого. Так что в целом грех жаловаться.

Она наклонила голову, но Марина успела увидеть выступившие слезы.

— Я чувствую себя ужасно. Наверное, мне раньше надо было что-то сказать...

Теперь пришел черед Терезы успокаивать Марину.

— Не знаю, права ты была или нет, когда ничего не сказала, но я знаю, что сделала бы то же самое, если бы мы поменялись ролями.

— Может быть, — с сомнением произнесла Марина.

...Она долго раздумывала, прежде чем наконец решила не говорить Терезе о том, что видела Рода с другой женщиной. Решение это она была вынуждена принять совершенно самостоятельно, а потом задумалась о том, насколько важно для нее иметь близкую подругу. Есть Сюзи, но у нее и без того жизнь настолько усложнилась, что Марина боялась и заговорить с ней. Кроме того, у Сюзи и самой интрижка; все, может, и кончено, хотя Марина и не успела разобраться в этом до конца. Как ни крутись, а ее мотивы все равно будут истолкованы неверно.

Еще одной настоящей подругой Марины была сама Тереза. Тут вообще гиблое дело. Она прочитала все журналы и колонки с советами, где говорится о правде, честности и личном «праве знать». Но есть и еще кое-что. Быть может, Тереза что-то подозревает и не хочет, чтобы ее подозрения подтвердились. А может, это просто проявление дурного настроения и все кончится через несколько дней. Может, Роду нужен был какой-то толчок, чтобы он

подумал о Терезе. Надо ли доставлять Терезе мучения, которые будут вечно преследовать ее, если в этом нет совершенно никакой необходимости? Марина пришла к заключению, что лучше ей ничего не говорить.

Все совсем не так. Она ничего не говорит, потому что трусиха. Марина боялась, что Тереза займет позицию человека, которому остается лишь «пристрелить гонца с известием». Она боялась потерять свою подругу.

В конце концов Род и сам все рассказал Терезе. Это не было проявлением дурного настроения, да и подталкивать его к этому не пришлось. Он любил эту девушку, с которой ему было легко, и любил так же, как когда-то Терезу в их молодые годы. Ее звали Мэри, что казалось Терезе несправедливым. Такое домашнее имя, которое не подходит ни для неряшливой девки, ни для тощей захватчицы.

Именно Марина рассказала ей, как выглядит Мэри. Ей показалось, что Терезу успокоит то, что ее соперница внешне ей не ровня. Зная, какой становишься неуверенной, всю жизнь ненавидя свое тело, она подумала, что этот утешительный приз может, по крайней мере, придать Терезе достаточно уверенности в самой себе, чтобы решительнее начать новую жизнь.

Но все вышло по-другому. Тереза почувствовала себя опустошенной. Невзирая на неловкие Маринины попытки утаить главное, она тут же увидела во всем скрытый смысл.

— Значит, он всегда об этом думал! — задыхаясь, произнесла она.

— О чем? — спросила Марина, зная точно, что Тереза имеет в виду.

— Он всегда любил и до сих пор любит больших женщин. Он мне говорил это тысячу раз, но я ему не верила.

Марина была готова к такой реакции, но ей удалось удержаться от соблазна сказать: «И я говорила тебе то же самое».

— Тут легко ошибиться.

— Легко? — возразила Тереза. — Легко обвинять мужчину, которого ты любила двадцать лет, который во всем был честен с тобой, а ты в конце концов обвиняешь его в огромной лжи, которая существовала в ваших отношениях все это время?

Марина заранее отрепетировала несколько банальностей, которые, как она надеялась, помогут.

— Это все оттого, что у тебя была проблема. У нас обеих были проблемы, Терри. Да у нас всех. Мы все настолько были поглощены проблемой с лишним весом, что никому из нас и в голову не приходило, что, может, эта проблема других и не касается. Это как болезнь.

— Вот от этого мне много лучше. Это не жир сделал меня такой неразумной коровой, а душевная болезнь. Да Род, когда узнает об этом, обратно прибежит.

— Я не это имела в виду, и ты это знаешь.

Больше они тогда ни о чем не говорили. Против такого аргумента не возразишь, да к тому же никто из них не был уверен в своей правоте.

Тереза организовала переезд немедленно. Она решила выйти из положения именно таким образом. Нашла крошечную квартирку неподалеку. Далеко уехать не могла, потому что ей по-прежнему приходилось возвращаться в этот дом ради службы в офисе, который они занимали вместе. Ситуация для нее складывалась невыносимая, а тут еще и таблетки отняли.

Как все женщины, Марина и Тереза тревожились насчет того, что покажут весы. Обе снова повели борьбу с лишним весом, ни на секунду не забывая следить за собой в течение

всего дня. Каждый кусок пищи с неприемлемым содержанием калорий, прежде чем отправиться в рот, подвергался изучению, после чего отвергался. Процесс еды стал таким же мучительным испытанием, каким он был в их толстой жизни. Теперь, когда они похудели, им не стало легче.

Проблемой явилась та самая помощь, которая дала им возможность побороть тягу к еде. А именно лекарство. Неважно, какой препарат принимаешь — настоящий или «пустышку». Для других женщин они похудели из-за таблеток. Без них они снова станут толстушками, потеряют над собой контроль, станут безумно размахивать руками, чтобы ненароком не схватить еду, от которой отказывались в последние месяцы с такой легкостью.

Лучшее в этой программе с таблетками то, что еда утратила свою главенствующую роль как нечто главное в жизни женщины. А худшее — что еда утратила свою главенствующую роль в ее жизни. Потеря значительная. Утрата тяжелая. На вкус еда стала не такая. Никакого удовольствия. Умиротворения. Развлечения. К счастью, хватало радости от того, что у тебя новое тело, чтобы заполнить многие пустоты, которые казались угрожающими.

Но как только вес снизился и стабилизировался и на смену радостным чувствам пришло прозаичное принятие нового статус-кво, голодная душа потянулась к другому спасательному жилету. Без таблеток у женщин оставался только один спасательный жилет.

Разумеется, они пробовали обратиться и к некоторым более популярным средствам, которыми пользуются женщины, умудряющиеся сохранять свой вес на одном уровне. Они пробовали алкоголь (от него толстеют, и он еще больше снижает сопротивляемость еде), курение (всего лишь шестидесяти шгук в день достаточно, чтобы заполнить те минуты, когда хочется есть, но к смертельному исходу никто из них не был готов), секс (секс без их участия вызывал у них ощущение, будто им опять не уделили внимания).

Ничто из перечисленного не помогало. Помогала только еда, потому что они знали, что с ней делать. Старый знакомый режим опять звал их обратно к контролируемому отказу от пиршества. У еды опять появился замечательный вкус — грешный, воскрешающий, волшебный. Женщины говорили с едой на одном языке, и им было хорошо вместе. Точно домой вернулись.

Это не значит, что все женщины прибавили в весе. Как и предсказывал Дэвид, женщинам, принимавшим оксиметабулин, было легче сбрасывать лишний вес с помощью установленного темпа обмена веществ.

Глядя на женщин, сидевших в приемной, было трудно сказать, сколько весит та или другая. У большинства людей есть задел в двадцать фунтов в ту или другую сторону от их идеального веса, куда можно припрятать излишки (или потери!) веса, разумно выбрав одежду. Но были и несчастные, на лицах которых, на щеках и подбородках, появились первые лишние фунты в виде пончиков.

Марина была одной из этих женщин. С ее лица сошла подкладка, только когда она всем телом стала болезненно худой. Хотя она и вынуждена была согласиться со всеми, кто знал ее, что ее лицу идет подкладка, тем не менее именно худое лицо и стало отправной точкой для оценки наступающего совершенства.

В это утро она посмотрела на себя в зеркало, и хотя оно запотело, но не могло скрыть того, что скулы выступают не так, как несколькими неделями раньше. Она бросилась к шкафу и схватила одежду, которая была ей в самый раз. Ее гордостью была юбка десятого размера, которую она купила в сентябре. Она аккуратно застегивалась на талии, ткань удобно сидела на бедрах, без единой неровности или морщины. Интенсивные занятия

физическими упражнениями привели к тому, что ее плоский живот переходил в плоские бока. Она надевала бесшовный корсет, чтобы создать впечатление гладкой фигуры.

В этот вторник она тоже попробовала его надеть. Но не смогла в него влезть. Даже лежа, втянув живот и задержав дыхание. Она занервничала. Ну-ка прекрати, резко сказала она себе, пытаясь говорить голосом матери. Эта же юбка десятого размера. Размер маленький. Да, я, наверное, потолстела, ну и что такого? Может, я и не должна быть десятого размера. Что плохого в том, что у тебя двенадцатый размер? Хорошо быть тощей, но не *такой* же тощей.

Но у нее ничего не получалось. Она натянула на себя тренировочные штаны с веревкой на поясе и побежала по магазинам. Только одно могло ее спасти от того, чтобы не свихнуться, — надо наполнить продуктовую корзинку чем-нибудь вкусным. Есть я ничего не буду, говорила она. Во всяком случае, не все съем. Просто посмотрю на то, что купила, потом рассмотрю фотографии, на которых я запечатлена такой, какой была раньше, потом посмотрю на мою новую одежду, потом на фотографию Энди, которую сама сделала, а уже потом приму взвешенное решение.

И она сделала все это и приняла взвешенное решение. Пиршество было в десять раз более радостным, поскольку последовало за осмысленным спором с самой собой. Процесс поглощения пищи был не столь импульсивен, более сдержан. Она была удивлена, сколько может поглотить, прежде чем наступит чувство пресыщения. Она ждала, что ее съезжившийся желудок скажет «нет» гораздо раньше, чем это произошло.

В отличие от предыдущих разгулов на этот раз она не завершила его в море слез, пролитых в самобичевании. Через несколько часов ее должны были взвесить, и у нее не было намерения позволить своей глупости стать предметом всеобщего интереса.

Поэтому она вставила пальцы в рот и выпустила все обратно. Она проделала это впервые. Ей это не очень понравилось, но помогло.

— Марина Ризенталь! — выкрикнула сестра.

Тереза пожелала ей удачи, и она направилась в кабинет Дэвида.

— И как тебе живется без таблеток, Марина?

Холодный тон Дэвида рассмешил Марину. Она знала, как он был зол на нее за то, что она отказалась провести с ним еще одну ночь. Он настойчиво преследовал ее, надеясь не показаться отчаявшимся. На самом деле он выглядел настолько отчаявшимся, что Марина едва не уступила из жалости к нему. Но в ней росло чувство преданности к Энди, и, предав его, она могла искупить свою вину лишь одним способом — сделать так, чтобы та ночь была навсегда вытравлена из ее памяти как безумный миг.

Марина стояла на весах, подсознательно сжав все мышцы, чтобы казаться меньше.

— Отлично. Никаких проблем.

— Да ты прибавила пятнадцать фунтов за две недели.

Марина вскрикнула. Пятнадцать фунтов! И это после того, как она опустошила свой желудок всего пару часов назад. Она не взвешивалась с того дня, когда почувствовала, что снова набирает вес. Ей хотелось и дальше жить с ложью.

— Этого не может быть! Знаю, что я прибавила немного. Но не столько же. Я и не ела столько, чтобы так много прибавилось. Может, это переизбыток воды или еще что-нибудь в этом духе! А может, это побочный эффект от того, что я перестала принимать таблетки. Как стероиды. Может, мне нужно еще немного времени, чтобы все стабилизировалось? А может,

мне стоит снова принимать таблетки, только уменьшить дозировку? Может, тебе не стоило снимать меня с таблеток так резко?

Дэвиду нравилось то, что она переживает. В его собственной жизни было столько неприятностей, что единственным утешением оставалось сознание того, что и у других есть проблемы. Он не платил по кредитам уже месяца два. Не мог. Да он вообще не мог выплатить никакие долги, за исключением грабительских выплат, востребованных акулами займа.

Самые настоящие акулы. Для себя он решил называть их «независимыми финансовыми консультантами», но когда впервые задержался с выплатой, людей, появившихся в его квартире, трудно было отнести к названной категории. То, что он должен делать в первую очередь, ему разъяснили односложными словами. Теперь, когда он задержался с выплатой, неизбежны санкции. Это означает, что он должен выплатить оговоренную сумму *вдвойне*.

Они не уточняли, каковы будут последствия, если он не отдаст долги. Да это и не нужно было делать. Теперь ему придется отдать этим людям всю зарплату. Другие его кредиторы тоже кружились вокруг, а их письма становились все более угрожающими. Его поддерживал триумvirат женщин, кормивших его и даже дававших ему деньги, в таком он был бедственном положении. Но денег все равно не хватало. Он был в большой, очень большой беде. Он даже не знал, доживет ли до своей премии в декабре.

Успешное завершение испытания становилось все более сомнительным. Они просто убивали его, эти женщины.

Марина была, вероятно, права, сказав, что у нее наступил период стабилизации, однако Дэвид был рад тому, что заставил ее поеживаться от беспокойства. Мало того что у него с деньгами плохо, так еще эта женщина задела его за живое. До нее еще никому не удавалось отвергнуть его. Ему хотелось снова оказаться с ней вместе, а потом бросить ее, как и должно быть.

Однако эксперимент более важен, нежели возможность причинить боль этой женщине. Хотя и последнее тоже важно. Он попытался успокоить ее.

— Прибавка, возможно, временная. Но все равно это многовато за такое короткое время. Главное, ты набираешь вес быстрее, чем сбрасывала его. А это не хорошо.

Марина нервно рассмеялась.

— Если бы мы знали, какое было лекарство — настоящее или нет, то это бы помогло.

Дэвид резко посмотрел на нее.

— Нисколько бы не помогло. В этом весь смысл слепого эксперимента. Если бы ты знала, что принимаешь, то это подсознательно оказало бы влияние на твоё поведение, и ты постаралась бы выдать те результаты, которых от тебя ждут.

— Хочу сказать только одно. Нам всем трудно без таблеток. Конечно, так случается в ходе всех экспериментов с препаратами. Ты дал таблетки, которые нужно принимать каждый день в течение нескольких месяцев, они изменяют твою жизнь в ту или иную сторону, а потом от тебя отнимают лекарство. Должна последовать какая-то психологическая реакция. И разумеется, эта психологическая реакция будет такой, какую тебе хотелось бы предотвратить. Иначе даже те участницы эксперимента, которые принимают оксиметабулин, могут вернуться к свободному рациону в ответ на то, что у них отняли. А это совершенно спутает твои результаты.

Дэвида это поразило. Только он подумал, что предусмотрел все, на что может пойти женщина с лишним весом, как перед ним возникла новая преграда. Поначалу все казалось

простым. Ожидалось, что эти женщины из ГФБП преодолели всяческие неврозы, связанные с едой, которые возникают у менее подготовленных натур. Предполагалось, что они вроде как нормальные люди. Поэтому он и выбрал их. Именно на этом основании и получил право проводить эксперимент.

И вот одна из этих нормальных, положительно настроенных женщин швыряет в него фразы типа «свободный рацион». Он уже взвесил семь других участниц, и у всех выявились такие же колебания, более существенные, чем планировалось. Эту ситуацию он не мог игнорировать. Если Марина права, значит, эти женщины начали эксперимент со здоровым отношением к еде, но таблетки разожгли новую зависимость, которая позже изменила их поведение.

Единственное, чего он не мог знать, так это то, что сама предпосылка, с которой все началось, была лживой. Едва он поставил на обсуждение возможность легкого режима похудения, как эти женщины снова заняли ту же позицию, которую уже занимали когда-то в жизни — позицию женщины, которая хочет стать стройной любой ценой.

Он начал задумываться, следя за тем, как все они теряют в весе в большей или меньшей степени, но надеялся, что результаты, полученные в будущем, дадут ему возможность извлечь кое-какие ценные данные из эксперимента.

То, что говорила Марина, имело смысл, но он не понимал, как связать ее мысли с экспериментом. Протокол был составлен еще в начале. Его нельзя изменить, если не возникла угроза человеческой жизни и тем более если одна из участниц выступила с какой-нибудь легковесной теорией.

И все же он вынужден был задать свой вопрос.

— Как, по-твоему, я должен разрешить эту проблему — если, конечно, проблема существует?

Марина пожала плечами.

— Ты ученый, не я. Одно хочу сказать. Может, таблетки постепенно утратили свой эффект? Сейчас, наверное, слишком поздно что-то предпринимать. Если только нет способа снова посадить нас на таблетки, а потом медленно отойти от них.

В ее голосе безошибочно угадывалась надежда. Дэвид покачал головой.

— Это совершенно невозможно. Хотя...

— Хотя что? — с жаром подхватила Марина.

— Есть еще одна возможность, но не знаю, приемлема ли она.

— Почему ты не скажешь мне, что это за возможность?

— Если бы была медицинская проблема, что-то непредвиденное, тогда бы я мог изменить ход эксперимента, чтобы действовать иначе.

Марина соображала быстро.

— Эмма.

— Ты видела ее в последнее время?

— Нет, уже несколько месяцев. Полагаю, ничего страшного с ней не произошло, а то мы бы узнали. В СМИ она человек известный.

Дэвид внимательно выслушал ее слова.

— Что ж, новости хорошие. Но когда я видел ее в последний раз, она была действительно плоха, да и ты говорила то же самое. Я не имею в виду, что это прямой результат приема лекарства. А если это следствие того, что она слишком быстро прекратила принимать препарат?

Марина с сомнением посмотрела на него.

— Не в этом дело. Она так и не подошла к той стадии, когда ты прекратил давать ей таблетки. Она заболела задолго до этого.

Дэвид поднял палец, предупреждая ее не делать поспешных выводов.

— Насколько мы знаем.

— Не понимаю.

— Допустим, она прекратила принимать таблетки по какой-то безумной причине, о которой никто из нас не подозревает. И только потом заболела. Значит, в этом случае отнюдь не отказ от приема таблеток вызвал появление проблемы.

— Но как ты можешь это узнать?

— А нам и не нужно это узнавать.

— Погоди-ка. Я думала, ты хотел сказать, что Эмма забеременела и именно поэтому вышла из эксперимента?

— Да, но я изменил свое мнение. Как ты сказала, она известная журналистка. Мне бы не хотелось, чтобы она написала что-то совершенно другое.

— И что ты написал о ее участии в эксперименте? Как ты объяснил то, что она не появилась на взвешивании?

Затянувшееся молчание Дэвида свидетельствовало о том, что он что-то скрывает.

— Ты что, приписал ей какие-то цифры? Что она якобы по-прежнему принимает участие в эксперименте? Ты с ума сошел?

— Послушай, никто ничего не заметит. Индивидуальные данные никогда не раскрываются, это нарушение конфиденциальности. Она и сама ничего не будет знать. Но она наверняка узнает, если против ее фамилии записи будут отсутствовать по причине беременности.

У Марины заколотилось сердце, а пустой желудок настоятельно требовал к себе внимания.

— По-моему, ты зашел слишком далеко, Дэвид. Тебя поймают. И выяснится, что все было напрасно.

— Как это напрасно? Лекарство действует, и ты это знаешь.

Она это знала, но она так устала. Ей не хотелось ничего знать. Просто ей хотелось быть стройной и продолжать жить. В скольких еще сражениях ей предстоит участвовать, чтобы жить, как другие женщины?

— Значит, ты собираешься доложить своим боссам, что Эмма неожиданно прекратила принимать таблетки без твоего разрешения, и у нее начались... проблемы? И не скажешь о том, что она не участвует в программе уже три месяца, а представишь дело так, будто она продолжает эксперимент?

— Вот именно!

Он не принял ее обвинений.

— И поэтому я уверен, что лучше всего назначать отмену препарата более осторожными методами.

В его сощурившихся глазах светилась плутоватая невинность.

— Моя позиция значительно укрепилась бы, если бы я смог представить кого-то, кто подтвердил бы, что испытывает трудности после отказа от приема препарата. То есть в отсутствие Эммы.

Он подал мяч на сторону Марины, и тот завис в воздухе, пока она боролась со своей

совестью.

Как все ужасно. Это Марина понимала. Но иначе ему никак не выкрутиться. При первых же серьезных проблемах с чьим-либо здоровьем эксперимент прекратится. Однако это вам не торговля средством для чистки стекол, которая вдруг показалась ей делом более надежным и отрегулированным, чем исследовательская работа, в ходе которой то и дело приходится что-то придумывать. Впрочем, ей все равно. Пятнадцать фунтов за две недели. Тридцать фунтов за месяц. И шестьдесят фунтов за полтора месяца. Она скоро вернется к тому весу, с которым приступила к эксперименту.

Она опять подумала о таблетках. Они ей нужны. Как она и говорила, ей нужно еще немного времени, чтобы отказаться от них, приспособиться к своему новому аппетиту, медленно вывести химические составляющие из организма. Если бы только она могла принимать таблетки еще недели две. И все. Она снова влезет в свою юбку десятого размера и будет чувствовать себя отлично.

Двое отчаявшихся людей смотрели друг на друга. Каждому хотелось покоя. Никому из них не нужны были кризисы и стрессы. Ни у кого не оставалось сил на долгие моральные и философские разговоры. У каждого были свои проблемы. И решение им хотелось найти простое.

От дополнительного груза, который Дэвид взвалил на ее совесть, у Марины опустились плечи.

— Не такая уж это будет и большая ложь. То, что я толстею так быстро, это ведь не хорошо для здоровья, правда? И для сердца плохо. А ем я не больше, чем раньше. Значит, я больна. Что-то не так работает в моем теле, поэтому я больна, так ведь?

— Ну конечно! — согласился Дэвид, даже и не пытаясь следить за ее хромающей логикой. Она разделяет его мысли, а почему, ему все равно. — Так я напишу здесь, что у тебя были, скажем так, головные боли, не очень, запомни, сильные, жалобы на бессонницу, работу желудка. И что ты была совершенно здорова, когда принимала лекарство. Устраивает?

Это ее устраивало, если не считать того, что головные боли, бессонница и жалобы на работу желудка были побочными эффектами, от которых она страдала, пока принимала лекарство. Она нарочно утаивала от Дэвида эти побочные эффекты, лишь бы ее не сняли с эксперимента.

Мало того. Прекратив принимать таблетки, она стала чувствовать себя гораздо лучше, чем в предыдущие месяцы, но не собиралась говорить Дэвиду об этом.

— Хорошо, — слабо согласилась она.

Дэвид облегченно вздохнул, когда она ушла. Трудную ситуацию удалось разрядить, а Марина между тем снова становилась пухленькой. Чем скорее ему разонравится эта женщина, тем счастливее он будет.

День выдался длинным. Женщины засыпали его горестными историями, лгали насчет того, как они питаются, утверждали, будто предменструальные отеки дали прибавку в весе не меньше семи фунтов. Просматривая свои записи, он обратил внимание на то, что у некоторых из этих женщин критические дни составляли, похоже, три четверти жизни.

К шести часам у него разболелась голова. Ему удалось внушить некоторым женщинам мысль о том, как избавиться от головной боли, и теперь ему нужно было составить план, как снова посадить их на таблетки, пока он думает, что предпринять дальше.

Все это было ужасно. Распечатка фамилий участниц и лекарств, которые они

принимали, сама по себе оказалась почти бесполезной. Он обнаружил, что самые значительные снижения веса оказались у женщин, которые принимали «пустышку», а у тех, кто сидел на оксиметабулине, вес то снижался, то увеличивался. Он размышлял над тем, не стоит ли незаметно внушить некоторым женщинам мысль о том, чтобы они выдавали данные поближе к ожидаемым, но оставил это, подумав, что не может показать, что ему известно, какое лекарство они принимают.

Решение созрело только тогда, когда он вспомнил, как ему повезло, что эти сведения у него в руках. Результаты программы в компьютере были защищены только одним способом — паролем. Если его взломать, то это будет другой документ. И как всякий документ, он может быть отредактирован. Изменен.

Почему я не подумал об этом раньше? Просто возьму и изменю данные, которые отличаются от ожидаемых. Ничего аморального в этом нет. Всем известно, что лекарство действует. Так почему же все должно рухнуть только из-за кучки ненормальных женщин, которые не могут контролировать то, что кладут себе в рот?

Вот что я сделаю. Внесу-ка я изменения в протокол.

— Не верю, что я здесь! — произнесла Сюзи в пятый раз за последний час.

Был конец октября, а зима до Греции еще не добралась.

— Ты это уже говорила, — неловко прокомментировал Энди.

Марина окинула его испепеляющим взглядом. Она изобразила улыбку, которую последний раз видела в «Энни», когда та, стоя на краю пирса в Истбурне, пела «Завтра выглянет солнце...». Искренности в улыбке было мало, зато много хороших зубов.

— Я рада, что ты приехала. Мы оба рады, правда, Энди?

— Я уже говорил, что рад. Сколько мне еще радоваться?

Была еще только пятница, и у них впереди целый уикенд. Идея казалась такой замечательной. По крайней мере, Сюзи. Энди хотел провести какое-то время вместе с Мариной. Им было о чем поговорить. Некоторых тем Марина избегала неделями.

— Я никогда не была в Греции, — весело проговорила Сюзи.

— Ты это уже говорила, — еще раз заметил Энди.

Они около часа сидели в таверне, и Сюзи была уже очень пьяна — не веселый, оживленный человек навеселе, а зануда, которая повторяет одно и то же. Да и разговаривала она все громче. К счастью, она была глуха к колкостям, которые отпускал Энди с того времени, как они вылетели из Хитроу. За солнечными очками Сюзи стало появляться мечтательное, слезливое выражение.

Только не это, подумал Энди. Сейчас опять примется рассказывать нам о Кене и детях.

— Интересно, чем сейчас занимаются Кен и дети.

Ни Марине, ни Энди это было неинтересно. Им было интересно в первый раз, когда Сюзи произнесла эту фразу. На этот раз они попросту принялись смотреть в сторону Эгейского моря, при этом каждый думал о своем.

Сюзи, по обыкновению, заводилась, когда речь заходила о детях.

— Забыл ведь дать Элис витамин С, а Фредерику — ушные капли. О Господи, а цветы! Я ведь собиралась подкормить их в конце этой недели! Да они пожелтеют, когда я вернусь! Что делать? А обед? Клянусь, он их толком не накормит. Наверное, сидят сейчас оба в Макдональдсе. Уж я-то знаю, каков Кен, когда меня нет дома. Даже не подумает об уровне холестерина у детей.

— Послушай, Сюзи, но им же только по семь лет.

— Да, но это мои дети! Им достался от меня ленивый обмен веществ. И никогда не рано заводить хорошие привычки. Я прослушала курс по детскому питанию. Там говорилось, что нездоровый уровень холестерина может обнаруживаться у детей с пяти лет. И потом, я слушала на днях лекцию, не помню уже о чем, так врач говорил, что надо тщательно заботиться о том, чтобы у ваших детей не развивался невроз. Да это же минное поле. Просто я хочу, чтобы все было правильно. Мне бы не хотелось, чтобы они стали такой же, как я.

При мысли о том, что в новом тысячелетии в мире взрослых появятся еще две Сюзи, Энди содрогнулся. Ее присутствие утомило его. Она беспрестанно пересказывала то, что было на минувшей неделе, и прокручивала то, что может случиться на следующей. Он представил себе, какое радостное облегчение царит в ее семье без нее. Ничего не надо делать, осмысливать, осуществлять, совершать, можно просто... быть.

Марина взорвалась.

— Сюзи, если ты не возьмешь себя в руки, я сегодня же вечером посажу тебя на обратный самолет. Я пытаюсь тебе сочувствовать, но, право же, то, о чем ты говоришь, вовсе не трагедия.

— Это для тебя не трагедия! — захлебываясь, проговорила Сюзи. — Разве ты можешь понять? У тебя ведь нет детей.

Марина почувствовала себя уязвленной, хотя и понимала, почему Сюзи набросилась на нее. Она и сама была такой же много лет. Сюзи толстела, и это выводило ее из себя. Она обращала свой гнев на кого угодно, но только не на себя. У нее появилось право быть раздраженной. Ее оскорбили, и оскорбили очень сильно.

Кен с двойняшками отправился в Нью-Форест в поход на уикенд, организованный ассоциацией учителей и родителей. Сюзи должна была поехать вместе с ними, и она потратила кучу денег на суперсовременное снаряжение, призванное свести к минимуму неудобства, сопряженные с ночлегом в поле. Она хотела все сделать правильно и подошла к решению этой проблемы единственным известным ей способом — куча денег и масса времени, выделенного из ее и без того сверхплотного графика.

Она скупилась все журналы в отделе «Для туристов» в магазине «Смитс». Потом засиделась допоздна, просматривая статьи и объявления, пока с уверенностью не составила список необходимых вещей и предметов роскоши на всякий возможный случай.

Самое печальное то, что она делала все это для того, чтобы не подвести двойняшек. Ей хотелось, чтобы все было организовано лучшим образом, чтобы ее место на вершине материнства оставалось незыблемым. Сюзи ничего не могла с собой поделаться, такая уж она есть. Именно с этим добрым намерением, пузырившимся в ее насыщенном углекислотой мозгу, она и приступила к сложнейшей задаче по сбору вещей. И в тот самый ответственный момент, когда, довольная собой, она заполнила еще одну сумку, ей показалось, будто Элис и Фредерик все это время наблюдали за ней.

— В чем дело? — нервно спросила она.

В последнее время они вообще много смотрели на нее, и ее это все больше выводило из себя.

Элис выпала роль говорить от лица обоих.

— Мама, мы с Фредериком хотели спросить — такие брюки ведь не носят в походе?

Сюзи перестала ставить «птички» в своем списке и в смятении посмотрела на двойняшек.

— О чем это вы? Какие еще брюки?

Элис не знала, стоит ли ей нарываться на большие неприятности, и отступила, ожидая яростной реакции на свои следующие слова.

— Эти розовые брюки, в которых, как говорит Сильвия Рутон-Джоунс, ты похожа на мистера Блобби.

Ее мать ураганом вскочила на ноги, и Элис отступила еще на шаг. Сюзи готова была раскаленной лавой излить свой гнев на несчастных двойняшек. Элис решила попытаться успокоить Сюзи, тем самым демонстрируя, что унаследовала от своей матери умение все делать не совсем так, сколько ни старайся.

— Я не думаю, что ты похожа на мистера Блобби. И Фредди так не думает. У мистера Блобби по всему телу пятна, а у тебя они только на лице, и они у тебя красные, тогда как у мистера Блобби желтые, и еще у него нет волос. И руки у тебя не толстые, только все остальное толстое, а мистер Блобби весь толстый...

Она не стала продолжать. Реакции, которую она ожидала, не последовало. Произошло кое-что похуже. Ее мамочка расплакалась. Элис с Фредериком не знали, что и делать. Мамы не должны плакать.

— Идите посмотрите телевизор или займитесь чем-нибудь другим! — закричала на них Сюзи.

Они с благодарностью выбежали из комнаты. Что хорошо в их толстой мамочке, так это то, что она разрешает им смотреть телевизор.

Она не смогла поехать с ними. Во всяком случае, не сейчас, когда стала посмешищем для семилетних представителей среднего класса по всему юго-западному Лондону. Она даже поклялась вообще не появляться на людях, пока снова не станет весить восемь стоунов. Но поскольку сейчас она весила двенадцать стоунов, то добровольно посадила себя под домашний арест на полгода. Она не оставила надежду получить у Дэвида таблетки. Самое ужасное то, что Дэвид и смотреть на нее не хотел, пока она толстая. Поэтому прежде чем соблазнить его на то, чтобы он дал ей таблетки для похудения, ей придется сбросить весь свой лишний вес. Ха-ха, невесело подумала она.

Вот почему вместо Гемпшира она в этот уикенд оказалась в Афинах.

«Спарклиз» проводила конференцию в Афинах с целью проанализировать, как прошел запуск продукта на английском рынке. Марина была рада вылететь на пару дней раньше вместе с Энди, чтобы насладиться уикендом до начала совещания в понедельник. Это напомнило ей, какую она испытала зависть, когда увидела Пола Джерома со своей секретаршей в Нью-Йорке.

За месяцы произошедших с нею бурных перемен она многое научилась понимать лучше. Так, она понимала, что не просто завидует Элеоноре, потому что та была с мужчиной, с которым ей самой хотелось быть. Вовсе нет. Она ревновала и Элеонору, и Пола. Более того, она ревновала Элеонору за то, что та нашла человека, с которым можно разделить впечатления о пребывании в Нью-Йорке. Надо лишь позвонить, и в обществе любимого человека все преобразится.

«Ну ладно, я начинаю мыслить, как моя мама». Вместе с тем она понимала, что ее мать подразумевает под страхом одиночества, хотя Нэнси так и не выразила свои чувства словами, которые можно вышить на ковре. Сидя рядом с Энди в самолете, она ощущала полное умиротворение. За руки они не держались, каждый читал свою книгу. Их сближало духовное единение.

И зачем она пригласила Сюзи? Вообще-то она ее и не приглашала. То есть не то чтобы приглашала. Сюзи как-то ворвалась к ней в квартиру. Безупречный макияж с трудом скрывал горестное выражение лица. Марина поняла, что что-то произошло, потому что Сюзи была без сумок. Похоже, она совершила путешествие до Марининой квартиры, не останавливаясь для того, чтобы что-то купить своей вечной нуждающейся семье. Что-то наверняка было не так.

Сюзи рухнула на диван и начала извергать поток сознания, за которым Марина не могла уследить. Что-то насчет мистера Блобби в Нью-Форесте, у которого вес двенадцать стоунов и красные пятна на теле.

В следующую минуту Марина говорила о предстоящем уикенде в Афинах и делала это главным образом затем, чтобы попытаться отвлечь Сюзи от дурных мыслей. И тут Сюзи, порывшись в своей сумочке, извлекла дисконтную карту супермаркета и затараторила о скидке на воздушные путешествия.

— Ты могла бы сказать «нет», — коротко бросил Энди, когда Марина сообщила, что ее подруга присоединится к их романтическому уикенду.

— Нет, лапочка, не могла. Она была в таком состоянии...

Она пересказала печальную историю о том, как тощая Сюзи превратилась в толстую Сюзи, что привело ее детей в замешательство. Марина постаралась сделать так, чтобы история получилась веселой, а секрет приготовления соуса приберегла на финал комедии. Энди не смеялся. Все, что имело отношение к лишнему весу, было у них запретной темой, недавней историей, еще не завершившейся. Это напомнило Энди, каким подлым, жестоким человеком он был. Это ему также напомнило, какой большой и несимпатичной Марина была когда-то.

Он думал, что любит ее, но вместе с тем отдавал себе отчет в том, что она прибавляет в весе. Пока она была стройной и красивой, и, похоже, в последнее время ее вес стабилизировался, но он не мог не задаться вопросом — как он себя почувствует, если она вернется к своим первоначальным габаритам? Марина никогда его не спрашивала. Она знала, что скорее всего он соврет. Но она также верила и в то, что несправедливо подвергать его подобным испытаниям.

Когда она влюбилась в Энди, это был веселый, умный мужчина, которому нравилось то же, что и ей. Но именно он когда-то обращался с ней, точно с прокаженной, подорвал ее репутацию как сотрудника и едва скрывал отвращение при ее появлении. Будет ли она испытывать к нему те же чувства, если эта сторона его личности снова окажется на поверхности? Так нужно ли ждать от него, что он будет испытывать по отношению к ней те же чувства, если прежнее неуверенное в себе, невротическое, терзаемое сомнениями существо, притаившееся внутри нее, решит снова взять над ней верх?

И дело не только в том, что раньше она была толстой. Теперь она это знает. Но теперь легче отталкивать людей, приближать их к себе, нравиться им. Да, Энди так и не удосужился выяснить, разделяет ли толстая Марина его интерес к книгам, но и Марина никогда не пыталась узнать, разделяет ли грубоватый Энди ее увлечение музыкой.

«Стала бы ты любить Энди, будь он пустым человеком? Задай себе этот вопрос. И сама ответь на него».

Кто это сказал? Марина не могла вспомнить, когда этот голос впервые заговорил с ней, но, услышав его, содрогнулась. Это не мог быть Бог, потому что она была уверена, что запрятала эту правду так глубоко, что даже Он не смог бы отыскать ее. Значит, остается она сама. И она не отступится, пока не ответит на этот вопрос.

Поэтому она и задала его. Этот Вопрос. Который нельзя задавать. Марина, каково было бы твое отношение к Энди, если бы он начал съедать 8 тысяч калорий в день и заметно распухать день ото дня, пока не стал бы весить двадцать стоунов? Я бы по-прежнему любила его, говоришь ты, в глубине он оставался бы таким же человеком. Нет, это не так, говорит голос. Он бы тогда стал совершенно другим человеком, который ест намного больше, чем нужно, уродует свое тело и превращается в того, кого общество осуждает, и ему это известно. Он бы весь изменился, вольно или невольно, и превратился бы в человека, который выглядит и ведет себя по-другому. Он бы стал *другим* человеком.

А отсюда возникают и другие вопросы. Как насчет того, чтобы заниматься с ним сексом — эта огромная масса со складками жира наваливается на твое изящное гибкое тело, приподнимается и опускается и трется о него в потном вожделении? Шума, хлюпанья наверняка прибавится, это уже будет что-то другое, отнюдь не атлетические кувырканья,

которые доставляли тебе столько удовольствия. Приложи руку к сердцу и скажи, что для тебя это не будет иметь значения. Видишь — не можешь! Она действительно не могла.

Или давай соври что-нибудь насчет того, что тебя волнует, чтобы он как можно дольше был здоров. Она уже собралась было это сделать, как голос опередил ее. Помнишь старый анекдот о том, как женщина хочет только одного — чтобы он был счастлив?

Хватит, хватит, хватит!

Ну вот. Она задала этот вопрос. Вернее, вопросы. Но не ответила, да это и не нужно. Я такая же, как все, подумала она грустно. Я теперь не только похожа на других, но и думаю, как все. Как бы там ни было, это самопознание помогло ей острее понять, почему Энди раньше был жестоким. Однако вина в данном случае распределялась неравномерно. Энди проявил присущую ему агрессивность, тогда как Марина действовала молча и обдуманно. Он был больше виноват, вот почему ему сильнее хотелось уйти от темы, которая всегда угнетала их своей недоказанностью.

Они с Мариной были вместе уже два месяца и почти не расставались. В агентстве теперь все об этом знали. Их отношения, к восторгу следивших за ними коллег, развивались, как в странной мыльной опере.

Никто не говорил о том, что между ними стоит Берлинская стена, тщательно охраняемая с обеих сторон. Об этом не говорили и Марина с Энди. Решение о включении кого-то из них в состав совета директоров должно было быть принято через несколько недель. Но теперь все было не так однозначно, как несколькими месяцами ранее. Энди привлек в компанию несколько небольших сумм, пусть и не чета трем миллионам фунтам от «Спарклиз», но все же оставалась какая-то надежда в далеком будущем превысить их.

Он добился впечатляющего успеха, но в результате был вынужден работать еще напряженнее. По иронии судьбы именно его растущая любовь к Марине придавала ему силы упорнее трудиться. Он и сам над собой посмеивался, когда думал о своем личном вкладе в совершенствование этой женщины, которую когда-то презирал, и старался забыть о том, что она его соперник. Стремление к повышению по службе занимало совсем иное место в его жизни. Кроме того, ему не хотелось думать о том, каковы станут их отношения, когда одного из них выберут в совет вместо другого. Но до этого еще далеко.

Им было легко работать вместе, они с удовольствием занимались делами «Спарклиз». Разумеется, основная тяжесть ответственности лежала на Марине, что освобождало Энди для поиска нового бизнеса. Они по очереди обедали и ужинали с Полом Джеромом, который с трудом воспринимал отношения Марины и Энди.

— Я этого просто не понимаю, Энди.

— Чего ты не понимаешь?

— Ты же раньше ее ненавидел. По-настоящему ненавидел. Говорил о ней ужасные вещи.

— Я никогда ее не ненавидел. Я ее просто не знал. Возможно, я и говорил что-то о ней, но это касается только рабочих моментов. По-моему, ты даже посмеялся несколько раз.

— Я смеялся для того, чтобы ты не догадался, какой несмешной мне казалась твоя жестокость. Потому что я тоже испытывал какие-то чувства к Марине.

Он научился держать свои мысли при себе. Он видел, как Марина уменьшается в объемах и как становится все более привлекательной прямо у него на глазах, однако не мог претендовать на нее, как ему того хотелось.

Он вообще вел себя как идиот. Человек он был чувствительный и знал, что она думает.

Ох уж эти мне мужчины, которые не хотели меня знать, когда я была толстой. Теперь все в обморок передо мной падают, но ведь это та же самая я, только плоти меньше. Ну и черт с ними со всеми. Найду себе мужчину, который будет любить меня за то, что я — это я. Так и сделаю.

Но как ты это сделаешь, Марина? — хотелось ему крикнуть. Теперь, когда ты стала красивой, как ты сможешь сказать, любит он тебя саму или же твой сверкающий фасад? Не сможешь. Но ведь есть я, Марина! Я всегда умел разглядеть то, что скрывается за внешним видом. Я всегда хотел тебе это сказать, но не решался. Поэтому просто поверь мне. Да, знаю, я был с Элеонорой, она, можно сказать, твоя противоположность, но все потому, что я запутался. Все вышло как-то само собой, без осложнений, так, как, я знал, никогда не будет у нас с тобой.

Его всегда изумляло, что Марина не читала его мысли и только догадывалась, какие чувства он испытывает по отношению к ней. Он телеграфировал ей их всякий раз, когда оказывался рядом. Но она, похоже, ничего не замечала. А ведь женщины надеются, что мужчины прочтают *их* мысли, с обидой подумал он.

Он так сильно ревновал Энди, что с трудом мог находиться в его обществе более двух часов. Она слишком хороша для него, правда. Он утешал себя тем, что Энди может быть ее «Элеонорой», своим парнем, с которым легче пережить переходный период, пока не появится более серьезный жизненный партнер. Да, наверное, так и есть, думал он.

— Хочешь знать, что я нашла в нем, да?

Пол едва не захлебнулся вином. Он с удовольствием проводил вечер с Мариной и тщательно избегал любого упоминания об Энди, которое может обнаружить его ревность. Она была совершенно права. Вот о чем он думал. Он сидел напротив этой женщины, намного превосходившей его идеал той, с кем он хотел бы прожить жизнь. Его раздражало то, что только ему одному удалось разглядеть ее истинные возможности, а его нерешительность свидетельствовала лишь об одном — он упустил свой шанс.

— Я вовсе не об этом думал. Хотя, может, и об этом тоже. Знаешь, я всегда... высоко ценил тебя, и мне просто хотелось видеть тебя счастливой.

Марину позабавило то, что он заговорил так старомодно.

— И ты думаешь, Энди не сделает меня счастливой?

— Ну что ты, я против него ничего не имею. По-моему, он отличный парень.

— Но недостаточно хорош для меня?

— Да, да, да! Нет, нет, нет, совсем нет! Хотя, может быть, и не совсем. Ты смеешься надо мной!

— Извини. Но согласись, ведь это смешно. Никогда не думала, что наступит день, когда на меня будут смотреть как на человека, который для кого-то слишком хорош. Я уже давно свыклась с реальным положением дел, и мне казалось, я всегда буду в лучшем случае «женщина все равно».

— Что такое «женщина все равно»?

— Ну как бы тебе сказать. У тебя ведь много было женщин, но ты искал мисс Совершенство, отказываясь идти на компромиссы, пока не найдешь то, что тебе нужно. Поэтому посмотришь иной раз на ту, что с тобой, и скажешь: «Ну ладно, мне все равно».

Полу захотелось стиснуть ее как можно крепче, чтобы она вся, целиком, почувствовала себя надежно и уверенно в его объятиях. Но он этого не сделал, потому что их отношения

строились на профессиональной основе и он упустил возможность обратить их во что-то другое.

— Просто я надеюсь, что Энди не окажется твоим «мужчиной все равно». Право, ты заслуживаешь лучшей участи.

Марина почувствовала себя польщенной. Она уже давно спрашивала у себя, находит ли Пол ее симпатичной. Он не посылал ей сигналы, которые она научилась распознавать в последние месяцы. Он флиртовал с ней с их первого знакомства, но тогда она никак не могла ему нравиться. Она пыталась уловить незаметные перемены в его отношении к ней, ждала ласковых слов, прикосновений, намеков, чего угодно. Но не было ничего.

Кроме его новой тревоги по поводу ее счастья и сомнений насчет Энди в роли спасителя/принца. Разве она могла понимать это иначе чем выражение его собственного интереса к ней? Но она настолько не доверяла своему мнению, что не принимала подобное предположение как должное. И потом, если она и нравится Полу, то принадлежит Энди. Вроде как.

Ей захотелось пококетничать с этим мужчиной. Она по-прежнему ощущала физическую дрожь в его присутствии, как и тогда, когда они впервые встретились. Ей так и не удалось избавиться от ощущения, что она недостойна его. Странно, ибо, если уж на то пошло, он внешне ненамного приятнее Энди или Дэвида Сэндхерста. Вместе с тем он занимает более высокое положение, чем его соперники, настолько высокое, что ей туда ни за что не добраться, как бы широко она ни расправила крылья.

У Пола было что-то такое, чего она не замечала в других мужчинах. Это качество не поддается цветистому литературному описанию. Оно состояло в его умении расположить к себе людей. Он был мил. Порядочен. Надежен. Как многие женщины, Марина держалась того мнения, будто умеющие располагать к себе мужчины на самом деле слабые, занудливые, непоследовательные. Едва ее чувство собственного достоинства начало расти из ничего, как она научилась ценить умение располагать к себе, порядочность и надежность в мужчинах. Но пока это чувство собственного достоинства не достигнет оптимального уровня, она будет ценить все это на расстоянии.

И дело не в том, что Энди недостаточно мил. Просто его готовность к проявлению недоброжелательности была спрятана неглубоко, и едва острый осколок Марининой несостоятельности задевал его, как эта готовность мигом оборачивалась уколом.

Нет, Пол был все же слишком хорош для нее, и так, вероятно, будет всегда.

Марина оглядела конференц-зал. Интересно, с кем из делегатов Сюзи спала накануне? Ведь это и было целью ее поездки в Афины. Поначалу Сюзи этого не знала. Но знала Марина, потому что научилась лучше понимать свою подругу. С увеличением веса Сюзи становилась все более уязвимой и открытой. Марина могла читать ее мысли. Сюзи решила, что единственной возможностью избежать пленения жиром будет для нее беременность. Марина следила за тем, как Сюзи спускает кучу денег на средства для определения беременности. С каждой неудачей Сюзи все острее переживала оттого, что эта маленькая точка не появилась в белом окошке. Марина не знала, что происходит в спальне Сюзи и Кена, — их дружеские отношения исключали посвящение в интимные подробности, — но она знала, что Сюзи не готова ждать еще несколько месяцев. С каждым месяцем она толстела все больше.

Так не об этом ли думала Сюзи, обналичивая свои воздушные мили? — размышляла

Марина. Сюзю с возмущением отвергла бы подобную мысль. Она не такая. Но даже если Греция в октябре и прекрасное место с умеренным климатом, это никак, ну никак не могло позвать ее в дорогу.

Нет, тут наверняка возлагается надежда на то, что гостиница полна делегатов со всего света, преимущественно мужчин. И в этой многонациональной суете Сюзю точно отыщет мужчин, которые: а) находят крупных женщин бесконечно более привлекательными, нежели маленьких, б) с радостью обмениваются телесными флюидами без необходимости обмениваться именами, биографиями или обещаниями.

Марина была совершенно права в своем анализе.

Сюзю никогда бы не рассказала Марине, что она думает или собирается предпринять. Ей было слишком стыдно. Но ее отчаяние оказалось сильнее стыда. Бедному Кену было нелегко поспевать за требованиями своей жены. Она не забеременела за первые два месяца, пытаясь сделать это, и утвердилась в мысли, что, значит, не очень активно пыталась. Кен вообще считал, что дети больше не нужны, поскольку Элис и Фредерик превращались скорее в семейку Аддамсов, чем в шайку Брейди.

Он и не думал, что Сюзю движет исключительно стремление возобновить лактацию, и она с радостью родила бы тролля, если б только благодаря этому у нее снова пошло молоко. И если Кен не мог дать ей ребенка так быстро, как ей хотелось, то ей нужно куда-нибудь уехать, чтобы ускорить процесс.

Она вовсе не планировала неразборчивые связи. Она вынуждена избегать мужчин, кожа которых чуть темнее, чем у Кена (хотя ей ужасно захотелось отказаться от этого правила, когда она увидела португальских участников; ощутив свободу от семейных уз впервые за многие годы, она захихикала). Нет, она отнеслась к этому серьезно. С ума она не сошла, нет, сэр. У нее был план, который подтверждал то, что она не безрассудная или безответственная. И не безумная.

Если бы только она доверилась Марине, то узнала бы, что нет ничего необычного или неправильного в том, что увеличившийся вес свел ее с ума. В некоторых случаях налицо бывает полный психоз. Если бы только она знала, что не одинока в своем страхе, то не пошла бы на столь крайние меры.

Вместо этого Сюзю только и думала о том, что существует гарантированный выход из затруднения. Угрызений совести от намеченного плана произвести ребенка на свет главным образом для того, чтобы снизить вес, она не испытывала. Как и от использования другого мужчины, помимо Кена, для ускорения этого процесса. Да и почему она должна чего-то стыдиться? Кен ничего не узнает. Он примет ребенка как своего и будет любить его соответственно. Счастливое дитя появится в обеспеченной семье, и, мальчик это окажется или девочка, его будет любить и лелеять самая заботливая мать в Лондоне, преданная, готовая на самопожертвование. В конце концов этот ребенок будет спасителем.

Сюзю не думала о том, что это умаляет святость деторождения. Многие в наши дни производят детей, чтобы получить костный мозг для больного единоутробного брата или сестры. Что ж, этому ребенку суждено спасти жизнь больной матери.

На следующее утро Марина размышляла о будущем Сюзю, когда услышала свое имя, прозвучавшее во вступительной речи Рика.

— ...уверен, Марина не будет возражать, если я скажу, что в последние полгода наши успехи и росли, и снижались, все было.

Все громко рассмеялись, расслышав в этих словах намеки на ее новый образ, такой

отличный от того, в каком она впервые предстала в Нью-Йорке шесть месяцами ранее. Марине и на этот раз было не по душе то, что она оказалась в центре внимания. Ей не нравилось, что о ее внешности говорят в связи с изменением ситуации в компании. Слишком много это навеивает воспоминаний о том, какой она когда-то была. Она хотела забыть об этом, хотела, чтобы о ней говорили исключительно как о стройной, динамичной, полной жизни женщине, каковой она была теперь.

— Я знаю, что Пол Джером по достоинству оценил ее замечательный профессионализм в трудные для «Спарклиз» времена, — продолжал Рик. — И я уверен, что все присутствующие здесь слышали, как нам икнулось или, лучше сказать, громко рыгнулось во время запуска «Спарклиз» в Великобритании.

Подняв брови, он посмотрел в сторону Энди и иронично улыбнулся. Только Энди, знавший Рика всю жизнь, понимал, что улыбка не ироничная. А холодная. Как смерть.

Энди густо покраснел. Он не ждал, что провал с «Толкотней на перекрестке» останется незамеченным в обзоре запуска продукта, но надеялся, что это и не выделят так уж откровенно. Все смотрели на него отнюдь не с явным восхищением, как на Марину. Зависть пронзила его, точно зубная боль, и тотчас успокоилась, не оставив видимого следа на лице.

— Благодаря огромной совместной работе над продвижением «Спарклиз» всей команды ТНСВ, возглавляемой Мариной и Полом, нам удалось минус обратить в плюс. Грамотная маркетинговая работа и пиар-кампания привели к тому, что девяносто два процента взрослого населения Англии признали этот продукт уже в первые две недели после его появления на рынке. Это намного опередило запланированные сроки и продемонстрировало, что мы способны реагировать на непредвиденную ситуацию, когда объединяем свои усилия.

Следуя этой логике, возмущенно думал Энди, весь успех обязан *моей* «Толкотне на перекрестке». Так почему же меня считают самым плохим учеником в классе? В течение нескольких приятных минут он перебирал в голове бесчисленное число обид, нанесенных ему Риком в последние годы. Это была его любимая игра. Энди представил себе, как именно он добирается до вершины, тогда как Рик, участвующий в том же состязании, отстает от него. Из фантазий он вернулся, услышав шокирующее заявление Рика.

— С большим удовольствием объявляю, что начиная с этой минуты Марина Ризенталь входит в совет директоров ТНСВ.

Первой мыслью Марины было — а как же Энди? Она посмотрела на него и увидела, что он так же потрясен, как и она. Я ничего не знала, захотелось ей закричать. Для меня это такой же сюрприз, как и для тебя! Глядя на нее, он произнес одно слово: «Поздравляю», но она прочитала на его губах слово «предательство», что лишний раз свидетельствовало о его неискренности. А Рик между тем протягивал руки к Марине, точно она была его королевой.

Она заставила себя встать со стула и направилась к докладчику. По пути она прошла мимо стула, на котором сидел Пол. Он вскочил, чтобы запечатлеть на ее щеке чересчур нежный поцелуй. Ее это настолько изумило, что она повернулась к нему лицом, и второй поцелуй пришелся в губы. Они отпрыгнули друг от друга, словно подростки, застигнутые родителями, и сделали вид, будто ничего не произошло. Но это произошло. И что-то да значило. И оба это знали. Она попыталась сконцентрироваться на Энди, отвергая всякую мысль о собственном вероломстве. Пол между тем с улыбкой заглядывал ей в душу.

Энди увидел все.

Он был охвачен гневом, а ревность превратила профессиональное оскорбление в

бурлящую ярость. Но последовало кое-что и похуже. Рик взял Марину под руку, точно свою невесту. Потом тоже поцеловал ее. В губы, как Пол. Да, такими поцелуями коллеги обмениваются в подобные минуты, но Энди все истолковывал иначе. Марина — еще одна добыча, которую Рик собрался вырвать из рук Энди.

Да, Рик всегда был верен Джиллиан. Но в последнее время он вел себя странно. Был какой-то рассеянный, раздраженный, весь в себе. Всякий раз, когда Энди приходил в его кабинет, Рик что-то прятал в ящике стола с виноватым видом человека, который сделал что-то не так. Если это не другая женщина, то наверняка он в чем-то замешан. И Энди страшно не нравилось, что он не доверяется своему лучшему другу — своему единственному другу.

Это и вызвало у него подозрения, что тут не обошлось без Марины. Разумеется, единственный секрет, который нужно скрывать от Энди, наверняка имеет отношение к возлюбленной Энди.

Бедный, бедный Энди. Не его вина, что он неправильно оценил ситуацию. Его выводы вполне логичны. Он рассматривал факты такими, какие они есть, и выстраивал их в диалектической последовательности. Откуда ему знать, что его дружба с Риком основывается исключительно на эмоциональной неверности?

Когда Энди в первый раз ворвался в кабинет Рика, тот в долю секунды принял решение скрыть свои намерения, свои планы. Он мог бы и его вовлечь, подключить друга, но недовольство жизнью затмевало все. Когда он убегал — а именно к этому сводились его планы, — то собирался убежать от всего. Включая Энди.

Он три раза ездил в Корнуолл для осмотра недвижимости. Затем обналичил свои акции и перевел деньги на новый банковский счет, который открыл отдельно от совместного счета с Джилли. Рик связался с опекунами, которым были доверены деньги, оставленные ему родителями, умершими, когда ему было четырнадцать лет. Опекунам был поручено перевести деньги на Лорну и Сэма. С Джилли все будет в порядке. У нее есть деньги.

Он приготовил еще один сюрприз. Поскольку уже решено, что Марина назначается в совет директоров, то его отъезд будет означать, что понадобится новый директор по административно-хозяйственной части. Потребовав от совета соблюдения тайны, он сообщил, что собирается уехать вместе с семьей из Лондона, но не хотел бы разглашать свои планы, пока все не определится. После бурной дискуссии ему удалось убедить остальных, что Энди — лучший кандидат на эту должность, особенно в свете чрезвычайных усилий, предпринятых в последние месяцы.

Но он ничего не мог сказать Энди, не раскрывая всех подробностей. Откройся он другу, и все может резко измениться.

— Да как ты смеешь! — кричала Марина на Энди, когда они одевались к ужину в тот же вечер. — Ты правда думаешь, будто я что-то вроде временно замещающей, которая спит с директором, чтобы получить постоянную работу? Или ты думаешь, я готова переспать с Риком при любых обстоятельствах? Да ведь он женат, и счастлив в браке. Ты и сам все время говоришь о том, какая это прекрасная пара, он и не посмотрит на другую женщину. Но даже если бы это было не так, мне он не нравится. Об этом ты подумал? Да если бы даже и нравился, я бы не пошла на такую глупость, как связь со своим боссом.

Энди недовольно фыркнул.

— Ну да, понимаю. Ты будешь спать со мной, обыкновенным любовником, потому что этим карьеру не испортишь, но поостережешься бросить взгляд на человека вроде Рика, занимающего более высокое положение. А знаешь что? Ты ведь теперь в совете. Так что он

теперь тебе не босс. Теперь я могу испортить свою карьеру, если буду спать с тобой. Так что, может, тебе лучше хлопать ресницами в сторону более важного лица?

Марина натянула колготки с такой силой, что остались дыры от всех пяти пальцев. Она сняла их и выбросила в корзину.

— Ты только посмотри, что я из-за тебя наделала!

Она вынула из ящика другую пару и стала их натягивать.

— Конечно, из-за меня. Конечно, это не твоя вина, потому что ты само совершенство.

— Да не будь же ты ребенком, Энди! Я не собираюсь еще раз извиняться. Мне вообще не нужно было это делать. Я не знала, что в совете приняли такое решение, и, разумеется, не имела понятия, что Рик сделает это заявление. Ты же знаешь, я бы тебе первому сказала.

— Может быть. А может, и нет. Возможно, ты и знала, но стеснялась сказать.

— Стеснялась чего?

— Того, что ты получила повышение, а не я.

Марина почувствовала, как вся напрягается. Так они могут зайти на опасную территорию. Лучше бы ей пропустить намек мимо ушей. Но она не смогла.

— Тогда скажи мне, почему я получила повышение, а не ты? Полагаю, это не имеет никакого отношения к тому, что я привлекла в компанию «Спарклиз» и с ним вместе бизнес на три миллиона фунтов? И что скажешь насчет того, что тебе так и не удалось сделать что-либо подобное? Да, и еще твоя блестящая идея, из-за которой мы чуть не потеряли «Спарклиз» и годовой доход. Все это ведь не имеет никакого значения, правда?

— Ну, раз ты считаешь, что все сводится именно к этому, думай так и дальше. Однако спроси себя вот о чем, Марина. Ты работаешь в ТНСВ десять лет. Ты и раньше привлекала новый бизнес. Не совпадение ли, что ты получила повышение, как только стала выглядеть, как некто из сериала «Бейрутч»?

Марина рассмеялась.

— Ты думаешь, в совете решили меня повесить, потому что я больше не толстая? Потому что больше нет этого препятствия? Да я и злиться не буду, настолько это глупо. Я была готова к повышению еще до того, как сбросила лишний вес. Если ты предпочитаешь думать, будто в мою пользу все сложилось благодаря диете, не принимая в расчет реальные факты, то пребывай и дальше в своем заблуждении.

Энди не нашелся что ответить.

Он сменил рубашку, и не потому, что в этом была нужда, а потому что это дало ему время на дальнейшие размышления. Из него делали дурака, и он не собирается кончать эту ссору, пока не окажется на высоте. Он решил попробовать пойти по другому пути и выставить аргумент, в котором был уверен.

— А на Пола тебе тоже нужно было бросаться? Передо мной и всеми остальными?

Марина покачала головой. Ей стало жаль его.

— Не верю! Ты, наверное, принимаешь меня за секс-бомбу года. Но ты забыл еще и о том, что я улыбалась официанту, когда он принес мне кофе.

— Не язви. Тебе это не идет. Ты прекрасно знаешь, о чем я говорю. Когда Пол поцеловал тебя, ты поцеловала его в ответ. А это что-то значит. Даже я это видел. Да все это видели.

— Не смешно, — тихо ответила Марина.

В прошлом ей не пришлось овладевать искусством романтического обмана, и эта неопытность была очевидна. Она и не собиралась лгать. Просто она и сама не понимала, что

значит этот поцелуй.

Энди ее мягкий ответ показался выражением слабости, знаком того, что он прав, и он ухватился за него.

— То, что мой самый старый друг приударил за тобой, уже плохо. Но еще и мой клиент! А я уж начал было видеть в нем друга.

— Понятно! Значит, все дело в тебе. Так что если бы это оказался официант, который принес кофе, то все было бы в порядке.

Энди не слушал ее. Он продолжал идти по выбранной дорожке.

— Теперь все становится ясно. Все, что он говорил о тебе и обо мне.

— О чем это ты? — спросила Марина, стараясь не обнаружить своей заинтересованности.

— Вся эта чушь насчет того, что ты мне не нравилась, пока не... ну, ты понимаешь.

— Говори смелее. Пока я не похудела. Но это же не сифилис. Это можно произносить, не задевая чувства слушателей.

— Знаю. И еще я знаю, что ты не любишь, когда об этом говорят.

— Это шутка, и тебе это известно! Я сотни раз пыталась поговорить с тобой о моих проблемах. И сомнениях насчет участия в эксперименте.

Это было, в общем-то, не совсем так. Она изложила ему сильно отредактированную версию истории с оксиметабулином, опустив подробности тайного сговора с Дэвидом относительно Эммы. И пошла на эту ложь, чтобы вернуться к таблеткам, хотя пыталась по-прежнему не так, как следовало. Ах да, еще ночь, проведенная с Дэвидом. Она и это опустила. Но все остальное она ему рассказала.

— Я всегда с сочувствием слушал тебя, — ответил Энди.

— Да, слушал-то ты с сочувствием, но тут же менял тему. Тебе всегда хотелось забыть о том, что когда-то я была толстой.

— Так вокруг этого все и крутится? Поэтому ты и хочешь переспать со всеми мужчинами вокруг, чтобы доказать, что ты больше не Марина-кубышка с рекламы покрышек «Мишлен»?

Слова сами собой слетели с его губ, прежде чем он успел подумать, что говорит. Но они всегда были наготове, просто скрывались за вывеской любезности. Неважно, сколько слоев умения расположить к себе он добавил к своей сути, эти слова терпеливо дожидались своего часа. Точно так же самые скверные дети в классе тянут вверх руки, чтобы сказать грубое слово, когда шум стихнет.

Марина замерла от боли. Ей снова стало одиннадцать. И двенадцать, и тринадцать, и так до тридцати одного. По мере того как она становилась старше, оскорбления делались все утонченнее. Но толстокожей она так и не стала. Обидными словами «Марина-крепыш с рекламы покрышек „Мишлен“» ее могли бы подразнить мальчишки, когда ей было одиннадцать лет. Наверное, поэтому они и причинили ей такую боль. Ее даже не считают достойной остроумного эпитета, какого-нибудь изысканного сравнения, придуманного творческим отделом ТНСВ.

— Марина, мне так жаль. Я не хотел этого говорить.

Он бережно взял ее руки в свои, попытался обнять ее, чувствуя, что если как можно крепче не прижмет ее к себе, то у него, возможно, никогда больше не будет возможности снова обнять ее.

Она высвободилась из его объятий.

— Нет, хотел. То, что не хотят сказать, не говорят. Единственное, о чем ты жалеешь, это о том, что сказал это не вовремя. Ты убил нас, и ты это знаешь. И ты знаешь, что я никогда не прощу тебе то, что ты сказал. Тебе жаль. И больше ничего.

— Не говори так! Сказать такое — глупо, глупо. Все что угодно отдал бы за то, чтобы вернуть свои слова назад.

— Слово не воробей... Всякий раз, когда я смотрела на тебя, я видела, как эти слова прячутся за твоими глазами. Это правда, и ты ничего не можешь с этим поделать.

Энди не знал, что и ответить.

— Ты все неправильно поняла. Я сказал это только потому, что завидую твоему повышению. Ну вот, я признался. Я законченный мерзавец. Но по крайней мере, я честен.

Марине стало жаль его. Он и сам не ведает, что говорит.

— Энди, я не глупа. Знаю, ты завидуешь, и именно потому тебя и понесло. Но слова... Слова, которые ты выбрал. Ты только сухой меня не назвал. Или хитрой коровой, молча соглашающейся на что угодно. И ты назвал меня кубышкой.

— Может, я покажусь педантом, но вообще-то я сказал, что ты не толстая.

— Ты отлично знаешь, о чем я, Энди. Не играй со мной в слова. Я все равно выиграю. Когда ты исчерпал все свои доводы, когда рухнули все барьеры, ты вспомнил про мой вес. И не имеет значения, в каком времени — в прошедшем или настоящем. Это всегда будет камнем преткновения между нами, оружием в твоём арсенале. И это всегда будет причинять мне большую боль, чем я могу стерпеть.

Прежде чем произнести слова, которых она никогда не произносила, Марина глубоко вздохнула.

— Думаю, нам лучше на этом закончить.

Энди подошел к окну и посмотрел в него. Он увидел вдалеке Парфенон точно на открытке. Его торжественная величественность не тронула Энди.

— Очень умно, Марина. Ты хоть понимаешь, что сделала?

— Я больше не желаю играть ни в какие игры, Энди. Просто не хочу, чтобы ты еще раз причинил мне боль. Или кому-то другому, если уж на то пошло. Начиная с этой минуты я больше не буду жертвой. Я этого не заслуживаю.

— Да ведь все совсем не так. Ну как ты не понимаешь? Ты так слепа по отношению к самой себе.

— Энди, ты злишься на меня. Поэтому говори что хочешь. Может, тебе от этого лучше станет.

Энди несимпатично фыркнул.

— А потом ты перенесешь свои вещи в комнату этой мерзкой Сюзи и вы заведете женский разговор. И о чем вы будете болтать? Да примерно вот о чем: «Ах, Сюзи, он такой же, как все! Все разговоры только о том, сколько я вешу. Это так ужасно, все разговоры сводятся только к моему весу». А она заохает и согласится с тобой. Но мы ведь сейчас с тобой не об этом говорили?

— Разве?

— Нет, Марина. Да, я вел себя грубо и сказал несколько непростительных вещей. Но мы расходимся в силу более глубоких причин, из-за несоответствия характеров, потому что у нас разные цели, разные ценности. То, что ты поднялась выше меня, говорит кое-что существенное о каждом из нас.

— А при чем здесь это?

— В конечном итоге ни при чем. Но посмотри повнимательнее, Марина. Ведь это ты свела все к своему весу.

— Ничего подобного. Это сделал ты!

— Ответь мне на один вопрос, только честно. Если сможешь. Когда Пол поцеловал тебя, когда ты поцеловала его в ответ, ты не задумалась, что могло бы произойти, не будь ты со мной?

— Конечно, нет.

Оба знали, что это ложь.

— А можешь ты сказать со всей откровенностью, что не благодарна мне за то, что я протянул тебе руку помощи несколько минут назад?

Марина ответила не сразу. Он обвинял ее в том, что она, сама того не ведая, пошла на хитрость. Но чем больше она думала об этом, тем больше понимала, что он прав.

— Значит, по-твоему, виновата только я? Просто я искала повод, чтобы расстаться с тобой и завести интрижку с моим клиентом?

— По-моему, когда речь заходит о твоей комплекции, конфликт неизбежен. Когда возникает другой вопрос, ты поворачиваешь дело так, чтобы перевести разговор в русло, более тебе знакомое. Думаю, расстанемся мы потому, что тебе хочется быть с кем-то другим. Я начал спор. Я наговорил гадостей. Но уходишь ты от меня не из-за этого. Подумай и согласишься со мной.

Но она и думать не стала. Потому что он был прав. Она может обдумывать только то, что имеет отношение к ее весу. В других областях она как ребенок. Ей нужно остаться одной, чтобы обдумать это. Но у нее не было времени, потому что они опаздывали на ужин.

Дэвид смотрел на то, что когда-то было его домом. Все, что нельзя было в квартире продать, было разбито. Красная краска кровью разлилась по ковру. Наверное, именно такое у него должно было возникнуть впечатление. В следующий раз это будет твоя кровь. Он знал, кто это сделал. И почему.

Его компьютер и дискеты исчезли. Это его не особенно волновало. Все это принадлежало «Перрико», и потери будут возмещены за счет страховки компании. Но было еще кое-что. Бумаги, в которых зафиксированы, преступление за преступлением, его манипуляции с цифрами в ходе эксперимента с оксиметабулином. Он надеялся, что их разорвут на клочки или скомкают, но они пропали. Вандалы, очевидно, полагали, что их стоит изучить внимательнее.

Он вскинул руки вверх в надежде, что записи истолкуют как ненужные цифры и выбросят. У него и без того достаточно проблем. Если этим бумагам дадут ход, его уволят. Его карьере придет конец.

А как он расплатится с акулами займа? Ему стало тошно, тошно, тошно.

Вот я здесь, Госпожа Удача! Приди и сделай свое дело, как ты всегда делаешь. Пожалуйста!

— Прости меня, — сказала она в пятый раз. А может, в пятнадцатый? Она и сама не помнила.

Нетвердой походкой она прошествовала от ванной к кровати и повалилась на матрас, не особенно заботясь о том, как при этом выглядит.

— Ничего страшного, — произнес Пол в пятый раз или в пятнадцатый.

Он сидел рядом с ней на кровати и вытирал ей лицо холодным влажным полотенцем. От нее исходил запах духов «Частная коллекция» от Эсти Лаудер и рвоты. Ему казалось, что в этом сочетании нашли выражение и ее красота, и ее слабость. Ей было все равно, как она пахнет, так ей было плохо.

Успокаивающее прикосновение ко лбу вызвало у нее желание расплакаться. Обычно она сдерживалась от проявления откровенного эксгибиционизма в присутствии другого человека, но в этот вечер напилась до бессилия. Поэтому и заплакала. Пол подхватил ее на руки, как ребенка. Неожиданное движение вызвало у нее очередной приступ рвоты.

— Прости меня, — сказала она, приложив руку ко рту.

Она бросилась в ванную, где опустила на пол и прислонила голову к спасительному холодному фарфору унитаза.

Еще с первым глотком она должна была бы понять, что вечер закончится трагически. Прекратив принимать оксиметабулин, она фанатически следила за тем, что ест и пьет. Она старалась держаться нормы в 1200 калорий в день. Это должно было стабильно поддерживать ее вес в десять стоунов. Это больше, чем ей хотелось бы, но такой уровень, по крайней мере, можно поддерживать.

Как и следовало ожидать, она все время хотела есть, постоянно чувствовала, что ей чего-то не хватает. В этот день она почти не ела, если не считать пары легких набегов на «шведский стол». Первый бокал вина проскочил легко, как клубничное желе на детской вечеринке. Он нашел место, где болит, и вызывал его онемение не хуже анестетика.

Однако по мере того, как боль отпускала, отпускались и тормоза. Выхватив у официанта другой бокал, она профессиональным взглядом окинула помещение, раздумывая, где бы ей лучше повеселиться, и увидела, как Энди явно очаровывает Элеонору. Ей бы рассмеяться, но она утратила чувство юмора. «Отлично, — подумала она. — Если он разговаривает с Элеонорой, значит, Пол с ней не разговаривает».

Но для Пола она была еще не готова. Ее голова продолжала кружиться от обвинений Энди, и ей нужно было рассортировать их, прежде чем отсеять ненужное. А может, лучше выпить. Да, отличная мысль. Ведь легче думается, когда выпьешь три бокала, а не два.

Пола она заметила только после четвертого бокала и приблизилась к его кругу. Он был рад видеть ее, а на то, что она была навеселе, не обращал внимания. В последнее время они не раз крепко выпивали, и это не умаляло его симпатии. Напротив, он теперь считал ее хорошим товарищем, человеком, с которым ему нравится проводить время, несмотря на то что он скрывал свое влечение к ней. А кому же не нравится выпивать с хорошим товарищем?

Однако Марина взбиралась по спиральной лестнице на ту ступень, где опьянение не веселит, а ведет к беде. После драмы под названием «Цветок против звезды» в Нью-Йорке, маркетинговая проблема на этот раз состояла в том, что лучше — высокая и стройная бутылка или короткая и толстая.

— Что ж, ты прав, выбрав меня, чтобы обсудить этот вопрос! — жизнерадостно произнесла Марина. — Как человек, имеющий представление о том, что такое габариты, я предпочитаю все высокое и стройное. Ну не выставлять же «Спарклиз» на потеху, правда? Да нас все мойщики окон засмеют: «Эй, толстушка! Анионовыми средствами окна моешь? Так изнутри аэрозольную полировку не смыть». По моему мнению, средство для очистки поверхности не может быть ни слишком жидким, ни слишком дешевым, ни слишком натуральным.

В этот момент другие делегаты конференции оставили Пола и Марину, чтобы продолжить более серьезный разговор на трезвую голову.

— Я что-то не так сказала? — спросила Марина у Пола.

— Лучше давай присядем где-нибудь, — ответил Пол, нежно уводя ее в гостиную, где он отыскал пару свободных мест.

Марина опустилась на стул как тряпичная кукла. От ходьбы у нее кружилась голова, и чтобы сфокусировать свой взгляд на столе, ей потребовалось какое-то время. Перед каждым прибором лежал жирный блестящий артишок.

— Что-то не так? — спросил Пол, обеспокоенный тем, какой у нее пристальный взгляд. — Тебе не нравятся артишоки? Я могу попросить, чтобы из кухни принесли что-то другое, если хочешь.

Но Марина была где-то далеко. Что-то другое. Это было десять лет назад. Она впервые пришла в ТНСВ. Рик и Энди пригласили ее на обед. Она впервые хорошо сделала работу и впервые пришла в хороший ресторан.

Она не знала, как себя вести, что заказать, что можно делать и чего нельзя. Всякий ощутил бы неловкость в такой ситуации, но Марина еще и стеснялась своей комплекции. Она несколько раз перечитала меню, ожидая, что первыми заказ сделают Рик и Энди. Наконец они заказали артишоки. «Мне тоже», — уверенно произнесла она. Она не знала, что такое артишок.

Официант принес три самые диковинные растения, которые она когда-либо видела. Когда он положил одно из растений перед ней, она его вежливо поблагодарила. Разговор прекратился. Никто не делал попыток приступить к еде. Отринув как нелепую возможность того, что они ждут, когда она прочитает молитву, она с ужасом поняла, что они надеются, что она приступит первой.

Но она не знала, что с этой штукой делать. Попыталась взять себя в руки. Я ведь интеллигентная женщина. Ну не на колени же мне становиться перед овощем. Если это овощ.

И она осторожно взяла вилку и стала ею размахивать, акцентируя некоторые моменты в глупом разговоре, который сама и затеяла. Однако ни Энди, ни Рик не двигались. А она не знала, куда ей лучше воткнуть вилку. И... да может ли такое быть... это не насмешка ли в их глазах? Они что, почуяли, что ей неловко? Ну уж нет. Это было бы слишком подло.

Потом она увидела небольшую чашу для ополаскивания пальцев после десерта и едва удержалась от того, чтобы не закричать «Эврика!». Она положила вилку, давая тем самым понять, что пользовалась ею эффекта ради.

И посмотрела на тарелку, словно увидела ее в первый раз. Потом посмотрела на тарелки Рика и Энди, как это делают всегда, когда заказывают одно и то же. Ее коронным номером были слова «Bon appetit», произнесенные веселым голосом, и поднятие бокала с вином. Это было приглашение другим приступить к еде. Столь изысканный жест мог бы исходить от самой мисс Хорошие Манеры.

Рик и Энди проигнорировали этот жест. Нос Марины между тем начинал блестеть, и с каждой секундой она все более оживлялась. Ее сотрапезники стиснули пальцы, положив локти на стол. Тут она поняла, что они обо всем догадались. И возненавидела их за это.

Что ж, если это своего рода приглашение, испытание, которое она должна вынести, тогда она пойдет на это. И в конце концов она решилась. Разгладила листья, ожидая сигнала от одного из них, что она поступает правильно. Сигнала не последовало. Наконец она отделила листик от стебля и притворилась, будто у нее приступ кашля. И только тогда Рик сжалился над ней и стал есть свой артишок.

Когда у Марины начались отношения с Энди, она спросила у него, помнит ли он тот случай и то унижение, через которое они заставили ее пройти. Он захихикал.

— Забыл. Вот смеху-то было! Ты была такая зеленая. Но согласись, смешно получилось!

Когда это произошло, ей не было смешно, она не смеялась и когда Энди снова разыграл эту сцену, и в этот вечер в Афинах тоже не смеялась. Она все плакала, плакала, плакала. С ней случилась истерика, и тогда Пол решил, что лучше увести ее от того места, где ей так грустно.

Она пыталась объяснить Полу, почему так расстроена, но ее рассказ развалился на бессвязные всхлипывания. Он отвел ее в свой номер в основном потому, что она не помнила, в каком номере живет. Там она ухитрилась опуститься в кресло, крошечные остатки приличий удержали ее от того, чтобы броситься на кровать. Пол присел рядом с ней на корточки, поглаживая ее руку, волосы, лоб. Он не раз утешал своих сестер таким образом и точно знал, что нужно говорить и сколько.

— Прости меня, — снова повторила Марина.

— Тсс, молчи. Все в порядке. Все хорошо.

Пол обнял ее и почувствовал, как Маринино напряжение спадает под его руками.

— Почему ты такой добрый? — спросила она.

Пол рассмеялся.

— Я совсем не добрый. За исключением тех случаев, когда у меня на руках плачущая женщина. Все остальное время я такой же, как все другие мужчины, — подлый и угрюмый мачо.

— Нет, неправда. Ты всегда добрый. И ничего ты с этим не поделаешь.

Пол сделал вид, что его это задело.

— А вот это меня беспокоит. Мне не раз приходилось читать женские журналы в приемной зубного врача, и я знаю, что «добрый» — это почти оскорбление. В наши дни женщины предпочитают иметь дело с теми, кто держит их в страхе.

Марина попыталась было подняться, но у нее закружилась голова, и она снова рухнула.

— Только не я. Я и сама могу причинить себе боль. Не раз в жизни приходилось делать это. Так что мне не нужен мужчина, который добавил бы мне страданий. Нет, я из тех, кто предпочитает хороших парней.

— А вот мне так не кажется. Ты забыла, что я довольно хорошо знаю Энди. Я не хочу

сказать, что он лишен обаяния, но не стал бы причислять его к разряду «хороших парней».

— В нем есть кое-что еще, что не видно с первого взгляда. Да как во всех нас, пожалуй. Впрочем, это больше не имеет значения. Мы расстались.

Пол умело скрыл свою реакцию. Даже если бы он перекувырнулся колесом, она бы ничего не заметила. Ее занимало только одно — желчь поднималась в ее теле точно извергающийся вулкан. Она пыталась глубоко дышать, дабы перекрыть горячий поток. Но у нее ничего не вышло. Все выплеснулось наружу. На Пола. На его рубашку, брюки, ботинки. Если бы она села за компьютер и составила программу, как покрыть рвотой возможно большую площадь одежды Пола, то лучше бы не придумала.

На какое-то время она почувствовала облегчение, что явилось следствием очищения, но затем ее охватил мучительный ужас. Ее вытошнило на добрейшего человека на свете. Это все равно, что тебя бы стошнило на Гари Линекера^[40]. И хотя она даже в фантазиях не уносила так далеко, что когда-нибудь... да нет, все эти мечты можно выбросить в окошко вместе с прочими глупостями. Она знала, что есть на свете порядочные, мудрые мужчины. Она видела, как Тереза упустила такого. Она знала — Пол один из лучших. Но весь ее здравый смысл подсказывал ей, что залить его рвотой в пьяном забвении — отнюдь не значит расположить к себе, если, конечно, он рассматривает ее как потенциальную...

— Как ты себя чувствуешь?

Ему показалось, что она не дышит. Но она дышала. Она оплакивала кончину возможного будущего, которую только что сформулировала в своем сердце. И она так устала. Марина поднялась на ноги и направилась к кровати, стараясь ступать как можно увереннее. Приблизившись к матрасу на расстояние вытянутого тела, она неожиданно споткнулась и рухнула, точно багор, который не добросили до судна.

— Со мной все просто отлично. Правда. Просто я немножко устала. Мне бы чуть-чуть...

Убедившись, что она жива, Пол остался в кресле. Он сидел и смотрел на нее. Ему было тепло и радостно. Он был доволен, что может вот так смотреть на нее. Ему хотелось ухаживать за ней, хотелось обнять ее, если она задрожит, вымыть ей лицо, если оно покраснеет, утешить ее, если она разрыдается. Ему нравилось смотреть, как она спит. Уголки ее рта подергивались. Сон делал ее то счастливой, то печальной, отражаясь на лице кинокадрами с законченной внутренней логикой, но безумным сюжетом.

Пока она глубоко спала, он переоделся. Отсутствие брезгливости — одно из преимуществ воспитания в большой семье. В доме Пола трудно было уединиться. Пятеро детей и двое родителей в трехкомнатной квартире. Пол был средним ребенком. Он с ранних лет понял, как это хорошо — принадлежать отчасти к трем старшим и отчасти трем младшим.

Всех детей поощряли к тому, чтобы они в чем-нибудь себя проявили. Один был академического склада, другой — спортивного, третий — художественного, и еще один умел делать все. Пол умел ладить с людьми, да и все остальное у него получалось хорошо, так что в жизни он мог бы заняться чем угодно.

Семья процветала и защищала себя, окружив взаимной любовью. Все члены семьи страстно любили мюзиклы. Все лишние деньги (а их было мало) тратились на места на балконе в театрах Уэст-Энда. Они выпрашивали на время пластинки, которые переписывали на скрипучие кассеты. Каждый из братьев и сестер учился играть на каком-нибудь музыкальном инструменте, так что они вместе могли экспромтом сыграть что-нибудь. Неважно, насколько кто-то удалился от семьи, будь то в общественном или географическом

смысле, никто не забывал о крепости семейных уз.

Принадлежность к этой странной семье отдаляла детей от сверстников. К счастью, они ходили в церковь, так что в конце концов сумели найти друзей, которых не путало то, что они так крепко держатся друг за друга. И самое главное, в силу необычного воспитания они ощущали свою неординарность. Любовь и взаимовыручка, составлявшие основу их жизни, сделали их разборчивыми в выборе друзей и партнеров. Нет нужды отчаянно жаждать любви, когда ты с детства окружен ею.

И в любви Пола к Марине не было отчаяния. Да, он был совершенно уверен, что его чувства перерастают в настоящую любовь. Эта любовь выросла из расположения и симпатии, расцвела из крохотного семечка и превратилась во вьющееся дерево надежности, которое совершенно точно будет беспрепятственно расти вечно. Анализируя свои чувства, он оставался объективным. Он помнил, как стыдился того, что испытывает чувство симпатии к Марине, когда она страдала лишним весом. Но он простил себя, найдя гордость и утешение в том, что этот стыд так и остался невысказанным, после чего растворился.

Он чувствовал расположение к ней задолго до того, как она похудела. Ему удалось отстраниться от существующего в обществе мнения, будто есть что-то порочное, даже извращенное в проявлении сексуального интереса к толстой женщине. И достиг он этого, не отделяя Марину от ее жира. Он не верил лживому утверждению, будто человек и его тело — не одно и то же и воспринимать и то, и другое нужно соответствующим образом. Для него физическая и душевная привлекательность были связаны нерасторжимо.

Ему нравился юмор, который светился в глазах Марины. Ему нравилось, как она сжимает губы, когда иронизирует. Ему нравилось, как она размахивает руками, когда нервничает. Ему нравилось, как она сидит, расставив ноги, когда на ней брюки. Ему нравилось, что во время еды она одну руку прижимает к животу. Ему нравилось, как она выглядит, как ходит, говорит, ему все в ней нравилось.

И хотя он не мог сказать, что любил ее, когда она была толстой, при том что ей и самой это не нравилось, его привлекала ее тогдашняя уязвимость. Общение с сестрами привело его к редко встречающемуся пониманию того, сколь сложны отношения женщин с едой. Он видел, как они борются с диетами, как их вес то растет, то уменьшается (хотя и не до таких крайностей, как у Марины), и понял, как вредна для женщины нездоровая тучность.

Марина была нездорова, это наверняка. А теперь, когда ее тело стало совершенным, значит ли это, что она излечилась? Он сомневался в этом, особенно если принять во внимание пьяную кому, в которую она только что впала. Ему хотелось вылечить ее, обещая жизнь, полную объятий, поцелуев и заверений в любви. Может, теперь, когда Энди не стоит на его пути, самое время сделать первый шаг?

— По-моему, меня сейчас опять стошнит, — застонала Марина, бросаясь в ванную. Успела она туда вовремя.

Пол расправил простыни, чтобы Марине было удобнее. Да, самое время сделать первый шаг. Тут он увидел, как Марина снова забирается в постель. Он медленно прикрыл ее простыней.

Нет, не сегодня, подумал он. У меня еще будет время...

— Пожалуйста, прости меня, — произнесла Сюзи в пятый раз.

Или в пятнадцатый? Она и сама не помнила. Она бросилась из ванной к кровати и рухнула поперек матраса, не заботясь о том, как выглядит.

— Ничего страшного, — неискренне пробормотал некий датчанин (или швед?).

Ему хотелось, чтобы она ушла. Он быстро протрезвел, когда эту чертову англичанку стало тошнить в его номере. Он с самого начала не испытывал большого энтузиазма от ее приглашения. Но она была настойчива, он был пьян, она оказалась довольно забавной, а его жена в сотнях миль отсюда.

Он даже не поцеловал ее, когда она совершила свой первый торопливый налет на ванную. Когда слышишь, как женщина стонет над унитазом, совсем не просто ощутить сексуальное пробуждение. Он знал Сюзи не настолько хорошо, чтобы жалеть ее. Она была занудой, обузой. Ему хотелось, чтобы ее здесь не было.

Ей хотелось того же, но она не знала, как добраться до своего номера. Она и номера-то не помнила, а ключ отдала Марине.

С трудом принимая более или менее удобную позу на кровати датчанина, она проклинала себя за то, что не умеет себя контролировать. Прежде чем забыться судорожным обезвоженным сном, она успела подумать о приборе для испытания на беременность, который оставила в Лондоне. Случайно? Кто знает. Да и нужно ли об этом думать? Просто ей нужен Кен.

— Я обдумал это предложение, и оно мне не нравится.

Представляя свой предварительный отчет, Дэвид ожидал, что возникнут кое-какие сомнения, но надеялся, что его убедительное обаяние поможет сгладить углы. Проявить свой конфронтационный стиль Дэвиду мешала его неспособность согласиться с тем, что он попросту не нравится Джеффу Перриаму, управляющему «Перрико». Джефф еще несколько лет назад мог бы уволить Дэвида за его непринужденный подход к научным исследованиям. Но беда в том, что Дэвид одарен. Мыслил он нестандартно и часто решал проблемы, на которых буксовали долгосрочные проекты в других командах «Перрико».

Открытие оксиметабулина произошло лишь за несколько дней до того, как Джефф собрался вынести последнее предупреждение насчет небрежной работы в лаборатории и сомнительных расходов. Но оксиметабулин — дитя Дэвида. Это не обсуждается. И появились возможности вызвать небольшую панику на многомиллиардном фармацевтическом рынке. Поэтому они продолжили эксперименты с препаратом, стараясь привлечь к нему внимание СМИ.

Джефф внимательно следил за ходом эксперимента. Он знал, что все идет своим чередом, поскольку ни одно из строгих правил не было нарушено, и приготовился сидеть и ждать, пока Дэвид сделает свое дело. Но вот уже несколько месяцев циркулировали разные слухи. Во-первых, говорили о том, будто одна из участниц беременна. Он обсудил это с Дэвидом, который живо положил конец этим слухам. С тех пор Джефф взял за правило заглядывать в лабораторию без предупреждения. Иногда он присутствовал при взвешивании и интересовался последними показателями.

Потом разгромили квартиру Дэвида. В любое другое время, случись подобное с кем-то из сотрудников, он лишь сказал бы несколько сочувствующих слов и посмотрел, как у компании дела со страховкой. Но все, что происходило вокруг Дэвида, внушало ему подозрения. А сам Дэвид? Дерганый какой-то. И потом, с банком у него что-то не так. Да и зачем ему понадобилось взять сразу такую огромную сумму?

Джефф так и не узнал Дэвида ближе. Да ему этого и не хотелось. Но он видел, что тот быстро катится вниз. И куда лежит его путь? Это ему предстояло узнать, если он хочет защищать интересы «Перрико».

До сих пор ему не удавалось придраться к методологии Дэвида. Джефф тревожился насчет того, что снижение веса происходит как в группе женщин, получающих оксиметабулин, так и в группе с «пустышками» вместо препарата, но он принял объяснение Дэвида об уникальном психологическом поведении женщин, когда у них снижается вес. Дэвид убедил его, что после стабилизационного периода, вслед за прекращением приема препарата, окончательные данные будут скорректированы, и тогда станет четко видно, кто принимал лекарство, а кто — его заменитель.

Но теперь Дэвид предлагал полное изменение хода эксперимента. Что-то насчет непредвиденных побочных эффектов эмоционального, а не медикаментозного свойства, которые выявились у большинства женщин, снятых с программы.

Джефф пожал плечами.

— Вы знаете правила. Если у кого-либо из участниц обнаружались побочные эффекты, то нужно немедленно прекратить давать ей лекарство.

— Но в таком случае я не должен давать его никому! И это не настоящий побочный эффект. Будь он настоящий, он бы затронул тех, кто принимает лекарство. Нет, это психологическая реакция группы женщин, у которых отняли костыли. Это не вопрос физиологии, поэтому я не вижу ничего дурного в небольшом изменении протокола для подтверждения этого наблюдения.

Ему хотелось снова посадить всех женщин на таблетки и постепенно снизить дозировку в ответ на эту непредвиденную проблему.

— Дело в том, Дэвид, что тебе нужно было ее предвидеть.

Дэвид не мог скрыть своего возмущения.

— По-моему, это не совсем справедливо. Такой проблемы не было во всех других наших экспериментах с лекарствами. По сути, реакция на снятие с программы — одна из самых ярких характеристик, выявленных нами между группой принимавших «пустышки» и теми, кто принимал настоящий препарат. Эти женщины уверили меня, что норма их питания осталась стабильной и что у них здоровые эмоциональные взаимоотношения со своим весом. Откуда мне было знать, что в ходе эксперимента обнаружится эта зависимость и что они все ополчатся на меня?

Джефф видел, какую неприязнь Дэвид испытывает по отношению к своим подопытным кроликам, и прибавил еще один пункт к списку причин, не позволявших ему симпатизировать или доверять этому человеку.

— Эту идею предложили нам вы. Вы были убеждены, что группа ТФБП поможет нам разрешить все проблемы, связанные с испытанием этого препарата. Вы исследовали эту группу и дали нам слово, что у вас есть коллектив женщин с лишним весом, которые при этом питаются нормально. Вот и все, о чем мы просили.

— Все, о чем просили? — взорвался Дэвид. — Да вы себе представляете, о чем думают эти женщины? Представляете, как они едят? Да они же все ненормальные, все! Сидят у меня в кабинете и расппевают лозунги ТФБП. «Рада быть толстой», «едим что хотим, когда хотим», «примиришься со своей судьбой» и прочую чушь. И я верю им. Простите, что я не сделал из этого вывод, что имею дело с группой патологических лгуний. Потому что именно такими они и оказались!

Как только они почуяли возможность, что я могу превратить их в нормальных стройных женщин, они выбросили все свои принципы в окно и превратились в самодовольное стадо тинейджеров, рассуждающих, сколько калорий в кусочке огурца.

Это был наш лучший, наш единственный шанс найти женщин, которые не исказят цифры посредством изменения заданного поведения. Никто не мог бы предугадать, как они собираются реагировать, и поэтому я думаю, что прав, изменив протокол в угоду новым обстоятельствам.

Он откинулся назад, довольный тем, что столь впечатляющим образом изложил свои доводы. Джефф выглядел еще более обеспокоенным.

— Если то, что вы говорите, правда, значит, весь эксперимент — напрасно потраченное время, и все результаты должны быть аннулированы. Это означает, что в итоге мы получим кучу случайных цифр, отражающих прибавку веса или его снижение, которые никак не сможем приписать действию оксиметабулина. Если мы не можем категорически утверждать, что поведение участниц было неизменным в ходе эксперимента, то все выводы ничего не будут значить.

Дэвид не мог сдержать своего нетерпения.

— Да вы меня не слушали! Их поведение было неизменным! По отношению к процессу потребления пищи. Оно изменилось по отношению к их предполагаемому поведению.

— Теперь я ничего не понимаю.

— Да вы не волнуйтесь, Джефф. Когда станут известны окончательные результаты, все будет ясно. Я гарантирую, мы увидим, что только в группе с оксиметабулином будет зарегистрировано стабильное снижение веса после отказа от приема лекарства вслед за необходимостью поддержать приемлемый базовый вес.

Джефф смотрел на него с сомнением.

— Да как вы можете что-то гарантировать? Вы только что сказали, что все женщины ненормальные и питаются неправильно. Не понимаю, как вы можете быть уверены, что мы в состоянии завершить эксперимент со значимым результатом, который можем предложить для изучения фармацевтическим компаниям?

Вид у Дэвида был на редкость самоуверенный.

— Доверьтесь мне на этот раз, Джефф. Просто дайте мне возможность подержать девочек на таблетках еще пару недель, и все будет хорошо.

Джефф недолго размышлял над этими словами.

— Оставьте это мне. Я все обдумаю и поговорю с вами.

Дэвида это не обрадовало.

— Но мне бы хотелось знать лучше раньше, чем позже.

Джефф поднялся и раскрыл перед Дэвидом дверь.

— Я уже сказал, я с вами поговорю.

Дэвид нехотя вышел, будучи неуверен, убедил ли он босса. Он был всерьез встревожен. Все зависело от завершения эксперимента и выплаты премии. Ему удалось договориться о шестинедельной отсрочке со своими кредиторами (законными), пообещав погасить все задолженности после получения премии. Добиться их согласия ему удалось только одним способом — он разослал всем письмо (подделанное) от Джеффа Перриама, гарантирующее, что премия будет выплачена.

Его не слишком-то удручало то, что он подобным образом расширяет круг своих жульнических проделок. У него не было выбора. Его квартиру собирались перепродать, прислать судебного пристава, который должен был объявить его банкротом. Ему оставалось только одно — продолжать эксперимент, всеми силами продолжать. И тогда все будет так, как он и обещал. Так что в том, чтобы подделать письмо, не было ничего предосудительного. Нет, это импровизация, возникшая по причине крайней необходимости.

После того как Дэвид ушел, Джефф сел за стол и принялся читать бумаги, имеющие отношение к эксперименту, не пропуская ни одного слова. Состоявшийся только что разговор очень, очень не понравился ему. Он не имел намерения разрешать Дэвиду продолжать эксперимент с таблетками. Ему хотелось знать, что заставляет Дэвида быть таким уверенным в том, что окончательные результаты оправдают целесообразность проекта и докажут несомненную важность оксиметабулина.

А чтобы это узнать, ему нужно было получить доступ к базе данных. Он снял трубку.

— Джейн? Это Джефф Перриам. Не могли бы вы ко мне зайти? Мне нужна ваша помощь в обработке кое-какой компьютерной информации.

Рик сидел у себя в офисе перед компьютером и просматривал файл, который он тщательно защитил двумя паролями. Это был корнуолльский файл. Сохранить рассудок в

последние месяцы ему удавалось путем практического планирования своей новой жизни. Это останавливало его от того, чтобы не помчаться на машине на побережье и не броситься в океан.

Его работа была почти завершена. Он нашел прекрасное место прямо на берегу Перранпорта и купил его за наличные. Лачуга была заброшенной, но со временем, вложив немало труда, ее можно будет превратить в магазин или кафе и там же устроить квартиру. Он физически ощущал, сколько сил от него потребует реконструкция. Ему хотелось как можно скорее выбросить из головы все те заботы, которые отдаляли его от мечты. О Джилли и детях он старался не думать. Он знал, что поступает правильно. Если он вскоре не уедет, то точно каким-нибудь образом умрет.

В конце концов его поймут.

Теперь ему оставалось только сказать Джилли, что он уезжает. Он снял трубку и набрал номер домашнего телефона. Послышались длинные гудки. Никто не отвечал. Наконец Джилли сняла трубку. Она с трудом переводила дух, поскольку прибежала из сада. Рик тотчас повесил трубку, стыдясь своей слабости. Приступ смелости так же быстро прошел, как и явился. Скоро, подумал он, очень скоро я ей все расскажу.

Энди снова повесил трубку. Черт побери! Он годами набирался храбрости, чтобы позвонить Рикку, а у того занято. Он не ходил на работу недели две, ссылаясь на мерзкий вирус, от которого не избавиться. На самом деле он искал другую работу. После Афин ему не оставалось ничего иного, поскольку он чувствовал себя преданным.

Он не мог работать в ТНСВ, где Марина была его директором. Он не считал для себя возможным работать с Мариной ни при каких обстоятельствах. Их размолвка сильно ранила его. Что еще хуже, у него было ужасное подозрение, что он мог бы увезти ее с собой: однако он не задерживался на этой мысли.

Энди удалось выжить. А через несколько дней ему стукнет сорок. Прежде чем принять великое решение, он хотел поговорить с Риком. Но может, ему и повезло, что телефон Рика занят. Тот мог попытаться отговорить его от ухода. А это бессмысленно.

Он все обдумал и принял решение.

— Мне кажется, сейчас меня инфаркт хватит, — тяжело дыша, проговорила Марина.

Она сидела на велотренажере точно мешок с рисом.

— Не хватит. Как мне кажется, — пробормотала Тереза, дрожа от напряжения.

Обе слезли с велотренажеров и повалились на пол. Прежде чем приступить к упражнениям для пресса, они неподвижно лежали какое-то время.

— Ты уверена, что нам это нужно? — спросила Марина.

Уловив в этом намек на их слабость, Тереза тотчас принялась поднимать и опускать верхнюю часть туловища.

— Конечно, нужно. Я за последнюю неделю сбросила два фунта. А ты?

— Я не уверена. Очень боюсь взвешиваться. Прибавить я никак не могла, ведь я съедаю не больше девятисот калорий в день. Но одежда не становится свободнее. И она четырнадцатого размера! У меня такое ужасное чувство, будто таблетки что-то сделали с моим обменом веществ. Я не раз читала о женщинах, которые слишком быстро худеют, и их организм начинает функционировать по схеме голодания, так что депонируется каждая съедаемая ими крошка на тот случай, если будет голод.

— Чепуха! Это научный факт. Если тратить больше калорий, чем съедаешь, то худеешь.

— Да, но весь проект с оксиметабулином основан на предпосылке, что можно впустую проворачивать обмен веществ, обмануть свое тело, чтобы оно вело себя так, будто ты худая. Поэтому мое тело, наверное, оказалось слишком умным для этого. «Меня не проведешь, — возможно, говорил мой обмен веществ. — Эта дама толстушка, и такой ей и быть!» Он может даже замедлиться, чтобы подразнить меня за мои попытки что-то сделать с ним. Как знать, что у этого чертова обмена веществ на уме!

Сосчитав до ста, Тереза остановилась.

— Зря ты нервничаешь. Я думала, мы это уже обсудили. Все в голове. Нам недостает таблеток? Все наши прежние привычки вернулись к нам? Все, что нам нужно, это сделать вид, будто мы продолжаем принимать их, надо обмануть силу воли, пусть она думает, что мы себя контролируем. И тогда мы действительно будем себя контролировать.

Марина вздохнула.

— А вот я себя не контролирую. По-моему, я превращаюсь в алкоголика.

Тереза фыркнула.

— Не смей меня! Ну, напилась несколько раз. Я напиваюсь почти каждый вечер и не чувствую себя алкоголиком.

— Да, но у тебя на то есть причины. Мы с Энди были вместе совсем недолго. Это не греческая трагедия. И с твоей ситуацией не сравнить.

Тереза задержала дыхание и, сосредоточившись, попыталась стереть из памяти картины своего замужества. У нее ничего не вышло, поэтому она сделала еще несколько упражнений. Боль, прокатившаяся по мышцам живота, оказалась кстати и помогла отвлечься от горестных мыслей.

— У меня сейчас все в порядке. Мы теперь с Родом ухитряемся разговаривать деликатно. И не очень долго. Но если нам удастся произнести три предложения без ругани или слез, то мы чувствуем себя вполне зрелыми людьми.

— Тебе не хватает его?

Темп упражнений Терезы приблизился к опасной черте.

— У меня нет времени думать об этом. Я занята, занята, занята. Как только просыпаюсь, иду в бассейн, потом работаю все утро, потом аэробика в обед, счета днем, спортзал вечером. Домой на несколько бокалов вина, после чего валюсь в постель.

Марине стало больно за Терезу, ибо этому изнурительному расписанию сопутствовало одиночество.

— Ты не должна проводить вечера одна. Да я бы и сама не прочь с кем-нибудь иногда побыть.

Терезе нелегко давался темп, который она же и задала.

— Я настолько устаю, что даже телефонную трубку не мшу поднять после спортзала. Поэтому и предложила встретиться здесь. Нет, светскую жизнь я отложила, пока раз и навсегда не определюсь со своим весом. Потом снова начну жить.

— Тереза, прекрати это делать, пока ты не убила себя.

Тереза легла на спину. Какое-то время обе молчали. Тереза пыталась восстановить дыхание, а Марина думала, что бы в такой ситуации лучше сказать. И тут Тереза заплакала. Марина быстро обняла ее, и они повалились на пол, не обращая внимания на мужчин и женщин вокруг, приводивших себя в изнурение. Но поскольку присутствующие, потя и превращаясь в других людей, были полностью поглощены своими отражениями, подруги не очень-то и смущались.

— Что случилось, Терри? Ну хорошо, все будет нормально, честное слово.

— Нет, не будет. Никогда не будет. Все кончилось. Я все испортила. И упустила свой шанс.

— Да что произошло? Скажи мне!

Тереза крутила вокруг пальца обручальное кольцо. С того времени, как она стала худеть, оно вертелось свободно, но она так и не переделала его. Для этого нужно было его снять. А потом принять решение надеть снова. Самой.

— Она беременна.

Первой мыслью Марины было, что Тереза, наверное, подразумевает Сюзи, которая только об овуляции и говорит. Потом подумала о ком-то еще.

— Ты имеешь в виду...

Тереза горестно кивнула.

— Мэри.

Она с трудом удержалась, чтобы не плюнуть, когда произносила это имя.

— Род погулял на стороне. С другой женщиной. Мэри. Мэри толщиной в две двери.

Марина поняла, отчего Тереза выглядела такой удрученной, однако сравнение ей сильно не понравилось. Она не стала вызывать Терезу на дальнейшие высказывания в том же духе.

— Мне так жаль, Тереза.

Больше она ничего не могла сказать. Эта тема оставалась запретной. В самом начале их дружбы Марина как-то спросила у Терезы, почему у нее нет детей.

— Ну, ты знаешь, как это происходит. Придешь в магазин, чтобы выбрать новый диван, и видишь тот, который тебе нравится. Современный, удобный, стильный — но белый. И нужно принимать какое-то решение, тут же, на месте, не откладывая.

Марина вспомнила дом Терезы с бежевыми коврами, белой мебелью, тонким стеклом и фарфором, расставленным по всей квартире на высоте, которая доступна ребенку,

начинающему ходить. Ей всегда хотелось спросить, что было первым — бездетность или обстановка, но инстинкт останавливал ее. Больше она эту тему не поднимала.

А сейчас Тереза лежала рядом с ней на полу и всхлипывала. Нужно было что-то сказать ей.

— Как ты узнала?

Они работали вместе в одном помещении. Теперь такое случается нечасто. Род старался приглашать клиентов в то время, когда Терезы нет в офисе. Точно так же и Тереза стремилась как можно больше работать дома. Но ей все же приходилось сидеть на телефоне, когда секретарши не было, и сегодня как раз выпал такой день.

Придя в офис, она с удивлением застала Рода на месте. Он явно ждал ее. Она поблагодарила свою интуицию, неизменно подсказывавшую ей, что нужно всегда следить за собой и стараться выглядеть как можно лучше, даже если не собираешься с кем-то встречаться. Она втянула в живот, понимая, что потяжелела с того рокового дня, три месяца назад, когда расхаживала перед ним в negligé. Потом вспомнила его горячую реакцию и быстро выдохнула. Она наконец согласилась с тем, что этого мужчину не трогает вид тощей женщины. Она даже подумала, а не выставить ли ей живот, но не стала этого делать. Ее вера в его предпочтения так далеко не распространялась.

— А, привет, Род. Вот уж не ожидала тебя здесь встретить.

«Я люблю тебя. Хочу, чтобы ты вернулся. А черт, чуть не сорвалось. Надо бы поосторожнее».

— Да я ненадолго заглянул. Есть разговор.

«Ты выглядишь гораздо лучше. Пополнела. Не сильно, но вполне достаточно, чтобы у тебя снова появился здоровый вид. Ты же знаешь, я по-прежнему тебя люблю, глупая ты, глупая женщина. Почему ты не можешь сказать, что думаешь? Или к чему все это? А, все равно слишком поздно».

— Могу я чем-то помочь?

«О Господи, да я разговариваю, как продавщица обувного магазина».

— Мне нужно тебе кое-что сказать. Да, в общем-то, не то чтобы нужно, просто я чувствую, что должен...

«Да не хочу я этого делать. Это же убьет ее. Она и без того страдает, а тут еще я с ножом с горлу».

— Да говори же! Почему ты всегда тянешь?

«Что он собирается сказать? Знаю, что-то плохое. Но насколько плохое? Не хочу это слышать, что бы это ни было, но если мне надо это выслушать, то хорошо бы покончить с этим как можно быстрее».

— Мэри беременна.

«Ну вот, я же говорила. Лучше бы я этого не делала. Ну уж нет. Я сейчас потеряю сознание».

— Вот как.

«Ничего. Со мной ничего не произошло. Не считая того, что резкая острая боль лишила меня рассудка. Я сейчас рухну без чувств. Вот возьму этот нож для разрезания бумаги и всажу в его сердце, в глаза, в свое сердце, в свои глаза».

— Это все, что ты хотел сказать? — Тереза вернулась к жизни. — Ах, прости. Поздравляю! Я так рада за вас! Когда произойдет это счастливое событие? Может, тебе

лучше обо всем мне рассказать? О моменте зачатия, например? Когда это случилось? Где? В нашей постели?

— Терри, не надо. Не делай этого.

— Ах какая я скверная девчонка! Только о себе и думаю, взяла и все тебе испортила. Ты, наверное, вне себя от радости. Да, тебе всегда хотелось иметь детей.

Сделав вид, что пришла в замешательство, она приставила палец к щеке.

— Да нет, это я, наверное, о ком-то другом подумала. Ну и глупая же я! Ты ведь не хотел детей. Никогда не хотел. Ни за что. Как бы сильно я их ни хотела.

— Все было совсем не так, и ты это знаешь.

Тереза быстро заходила взад-вперед.

— Ну и дура же я! Не совсем так все было? А ты скажи как! Может, я что-то неправильно поняла. Мне казалось, что, когда ты сказал: «Больше я не хочу детей», это означало, что больше ты детей не хочешь. Между тем это не первый раз, когда я тебя совершенно не понимаю. Пожалуйста, поправь меня.

Род пытался взять ее за руку, остановить ее, утешить. Но лучше бы он этого не делал.

— Не прикасайся ко мне! Ты прикасался к ней! Ты дал ей ребенка! Девятнадцать лет говорил, что любишь меня, и я тебе верила! Ты заставил меня чувствовать себя виноватой, заставил меня чувствовать, что я разрушила наш брак только тем, что села на диету. И все это время это была ложь. Ты совсем не любил меня.

— Любил, Терри. Ты должна поверить мне! Я тебя всегда любил! И по-прежнему люблю!

— Но не достаточно, чтобы дать мне ребенка!

В этот момент у Терезы подкосились колени, и она упала на пол. Юбка задралась, волосы рассыпались крысиными хвостами по залитому слезами лицу. Ей было все равно, как она выглядит. Не о чем было больше заботиться. Род опустился рядом с ней и обнял ее. У нее не было сил оттолкнуть его. Она нуждалась в утешении, ей необходимо было чье-то участие, нужно было, чтобы кто-то поддержал и не дал рассыпаться.

Ни он, ни она ничего не говорили. Оба плакали.

Наконец слезы кончились. Драма подошла к концу. Они снова оказались в офисе — двое взрослых, никто из них смертельно не болен. Просто им хотелось, чтобы жизнь сложилась иначе. Им хотелось оказаться где-то в другом месте, но сколько ни молись, в лучшее место просто так не перенестись. Чтобы выбраться из этой ситуации, нужно было пережить ее.

— Как ты?

Молчание нарушил Род.

Услышав его голос, Тереза вернулась к жизни. Она разгладила платье и бросилась к своему столу, на котором у нее стояло зеркало. Она увидела свое распухшее лицо с гнездом спутавшихся волос надо лбом.

— О Боже, на кого я похожа!

Род рассмеялся, хотя чувствовал себя скверно.

— Если бы загорелся дом, то ты бы сначала накрасилась, а потом позвала на помощь! Ты никогда не станешь другой!

— Вот тут ты ошибаешься. Я уже стала другой. Я думала, в этом вся проблема. Но похоже, я была не права.

Род повернулся к ней, чтобы она могла видеть его глаза, чтобы она могла видеть, что он

говорит правду.

— Ты не права насчет одного. Я всегда любил тебя. Какой бы ты ни была, толстой или тонкой, я любил тебя. Я и сейчас люблю тебя. Именно твой отказ поверить мне разрушил наш брак, ничто другое. Знаешь, каково мне было, когда ты обвиняла меня в том, что я не люблю тебя, каждый день обвиняла, все эти годы, что мы прожили вместе?

— Мне все ясно. То, что ты выбрал такую подружку, вполне доказывает — весьма четкий показатель того, каких женщин ты предпочитаешь. Так что я была не права. Но я расплатилась сполна, не так ли? Закончила я ни с чем, а ты получил все.

— Но так быть не должно.

Терезе почудилось, будто затеплилась надежда, и она не смогла ее оттолкнуть. Не захотела. Заходи, будь как дома. Я тебя уже давно не видела, хотела она крикнуть своей надежде. У нее так давно ее не было.

— Что ты хочешь этим сказать?

На лице Рода читалась уверенность.

— Посмотри на себя. Став такой, какой ты всегда хотела быть, ты чувствуешь себя гораздо увереннее. Ты должна кого-нибудь встретить. Ты ведь такой чудесный человек. Да любой мужчина будет гордиться, что он с тобой.

— Кроме тебя, — не могла она не сказать.

Не так все должно бы быть. Он должен попросить прощения, сказать, что не любит Мэри, что не хотел ребенка, хотел, чтобы Тереза родила его ребенка, что все это надо постараться забыть...

— Ничего у нас не вышло, — постарался он сказать как можно ласковее. Но ласково не получилось.

— Лучше бы ты сказал мне об этом немного раньше. Чтобы у меня было время начать новую жизнь.

Горечь ядом выливалась из нее.

Род попытался успокоить ее. Ему не хотелось, чтобы все получилось так скверно.

— Я все время надеялся, что все образуется. Я хотел, чтобы ты была счастлива, чтобы мы были счастливы. Я перепробовал все, но ничто не помогло. И я тебе ничем не помог.

— Что ж, время ты выбрал безукоризненно. Спасибо. Если ты раньше не замечал, то напомним тебе, что женщины в моем возрасте не встречают новых мужчин и не рожают от них. Они записываются в туристические клубы и принимаются плести макраме.

— Ну, не говори глупости, — нежно произнес Род. — Ты ведь не старая.

— А сколько лет Мэри?

Род не ответил. Оба знали, что ей тридцать.

Тереза сказала, точно сплюнула:

— Тридцать лет и беременна. Какая же она счастливая.

Она снова готова была разрыдаться.

— Если тебе станет от этого лучше, скажу — мне не нужен этот ребенок. И никогда не был нужен. Все вышло случайно.

Тереза посмотрела на него, точно он и сам был ребенком.

— Да ну? А тебе не кажется странным, что у тебя что-то получилось с новой подружкой, тогда как у меня за девятнадцать лет ничего не получилось?

— Если ты обвиняешь Мэри в том, что она сделала это умышленно, ты не права. Она даже сказала, что поймет, если я не захочу иметь с ним ничего общего.

— Ты что, совсем глупый? Конечно, она это сказала. Да она знает, что ты слишком порядочен, чтобы снимать с себя ответственность. Ловко она тебя заманила. Игра сделана! Хотела бы я сделать то же самое.

— Так почему же не сделала? — огрызнулся Род.

Терезу шокировал этот вопрос.

— Что это должно означать, черт побери? Уж не хочешь ли ты сказать, что мне надо было забеременеть, несмотря на то что ты ясно дал мне понять, что не хочешь детей?

Род отвернулся от нее.

— Я и сам не знаю, что говорю. Наверное, мне просто хотелось, чтобы решение приняла ты. Если бы ты просто поставила меня перед свершившимся фактом, может, у меня гора свалилась бы с плеч, и мне было бы легче принимать решение. Может, это меня и удерживало — мои обязательства.

Тереза в изумлении уставилась на него, широко раскрыв рот.

— Неужели я это слышу? Не верю. То есть мне следовало наплевать на твое весьма определенно высказанное решение, что у нас больше не будет детей? Скажи мне, каким образом я могла прочесть твои мысли и догадаться, что ты этого хотел?

Род смотрел на нее. В его глазах больше не было любви.

— Девятнадцать лет я должна была читать твои мысли про все на свете, этого ты от меня ждал? Я должна была точно знать, что говорить, чтобы привести в равновесие твое настроение, которое то и дело менялось. Любить тебя было недостаточно. Быть доброй с тобой было недостаточно. Принимать тебя, какой ты есть, поддерживать тебя было недостаточно. Что ж, теперь ты знаешь, каково это, когда тебя несправедливо обвиняют. Да, я тоже ждала от тебя, что ты будешь читать мои мысли. Да, это несправедливо. Ну не сучья ли жизнь?

С этого момента их браку пришел конец. Еще несколько минут назад они любили друг друга, но теперь поняли, что их любовь достигла последней черты, где она иссякнет или уничтожит сама себя. Оба верили, что любовь всепобеждающа, что любовь — это все. Теперь они столкнулись с жестокой правдой и узнали, что любовь — всего лишь скучное развлечение, которое мешает паре людей признать полную несовместимость, и с этим ничего не поделать, пока любовь существует. А когда любящие берут короткую передышку, вся грязь поднимается на поверхность и мутит воду.

А есть и такая грязь, которую не процедишь.

— Когда все это произошло?

Марина и Тереза перебрались в соковый бар, оставив на сегодня занятия. (Впрочем, каждая втайне была исполнена решимости продолжить вечером заведенный порядок в тиши своего дома.)

— На прошлой неделе.

— Тереза, да почему же ты мне раньше ничего не сказала? Тебе ведь пришлось все решать одной. Помимо всего прочего.

Это «все прочее» было новым камнем преткновения в поисках легкого похудения. Таблеток больше не было. Комитет выступил против внесения изменений в протокол, и женщины должны были отказываться от таблеток постепенно. Трудно было понять только то, почему Дэвид заверил их всех, что таблетки будут раздавать снова. Женщины отреагировали соответственно.

В ожидании нового нападения на увеличивающийся вес они решили позволить себе одну последнюю преддиету... впрочем, нет, это слово нельзя употреблять. Оргию. (Именно оргию, а не кутеж, потому что кутят те, кто на диете.) В течение семидесяти двух часов после объявления о том, что эксперимент закончен и их просят явиться в клинику для заключительного взвешивания, женщины прибавили в среднем по девять фунтов каждая.

Марине поручили сообщить эти новости Дэвиду. Он не проявил интереса. Все, что произошло с этими женщинами, больше не имеет отношения к исследованию (хотя с точки зрения СМИ было бы неинтересно, если бы они все остались такими же толстыми, как и в начале эксперимента). Кроме того, у него хватало и своих забот. Решение запретить ему возобновление эксперимента было опущено сверху в виде короткой записки в две строки. Никаких объяснений, только вето. В довершение ко всему эта занудная Джейн из компьютерного центра оставляла безумные сообщения на его автоответчике. Он еще не успел до нее добраться, но у него были плохие предчувствия относительно того, что она ему скажет.

Но что бы она ни сказала, он ничего не хочет слушать.

Ему нужно было сосредоточиться, чтобы свести результаты в убедительном отчете, призванном рассеять все сомнения, которые имелись у его начальства. Пока все складывалось хорошо. Пришлось поправить кое-какие цифры, чтобы преуменьшить некоторые наиболее драматические успехи, достигнутые группой, принимавшей «пустышки». Но это не проблема. Каким образом «Перрико» сможет оспорить эти результаты? Они и сами видели этих женщин. Джефф встречался со всеми женщинами, дивился произошедшим с ними переменами. Дэвид не раз обманывал, но ему не пришлось лгать насчет того, что его изобретение уникально и эффективно.

Разумеется, одного этого достаточно, чтобы выдать ему премию. А ему нужна эта премия. Немедленно. Потому что теперь он выплачивал акулам займа не только все увеличивающиеся проценты от первоначального кредита, но его плюс ко всему и шантажировали.

Он так и не смог вычислить, кто из безымянных громил, которым он принадлежал, поработал с его бумагами и пришел к выводу, что там что-то нечисто. Но кто-то ведь это сделал. Разузнал побольше насчет Дэвида Сэндхерста. Они дали в долг человеку, надеясь на возврат денег. Они знали об оксиметабулине и о том, при каких условиях ему будет выдана премия.

Пока они не собирались обнародовать «расхождения» в его бумагах и тем самым устранять возможность того, что этот господин когда-нибудь расплатится с ними. Между тем обнаружился еще один возможный источник получения прибыли.

Им было все равно, как он получит дополнительные средства. Уж кто-кто, а они-то знали, что деньги всегда можно найти, если ты действительно на мели. Ему нужно заплатить им за молчание, пока не будет получена премия. А потом, может быть — может быть! — они согласятся на сумму, покрывающую все разом, и дело закончится к удовольствию обеих сторон.

Он знал, что так не будет. Они всю кровь из него выпустят, держа над ним оружие, которое разрушит-таки его карьеру. Но сейчас он не заходил в мыслях так далеко. Днем его не покидало ощущение, будто он стоит на зыбучем песке. И только ночью Дэвид находил благословенное уединение. Надо все разложить по полочкам. И тогда, быть может, все выстроится само собой. Как уже не раз бывало. Правда, давно, очень давно.

В панику он не впадал потому, что испытывал разочарование в женщинах, которые, как ему казалось, испортили эксперимент своими обманами и невротами. Ему хотелось убить их всех. Однако вместо этого он решил поговорить с каждой из тех, кто принимал мнимое лекарство. Ему хотелось поскорее увидеть их лица, когда они узнают, как легко их тело и разум заставили изменить модель поведения. Неужели никто не почувствует себя обманутой? — подумал он. Это будет маленькой победой, но пока он может сделать только это.

На этой стадии его не сдерживали никакие соображения этического порядка. Женщины превратили этот эксперимент в посмешище. Но его работу им не разрушить. Он знал, что оксиметабулину другого шанса не дадут. Он слышал, как кто-то говорил, что только что начались испытания двух американских лекарств. Нет, это должно сработать. Он сделает так, что это сработает.

Он был настолько занят, что совершенно забыл позвонить Джейн и узнать, чего она хочет.

Тереза, как и Марина, была обременена несколькими лишними фунтами, а химического препарата, с помощью которого можно было попробовать сбросить этот груз, у нее не было. К тому же в личной жизни у обеих наблюдался вакуум, требовавший пищи. Марина и Энди расстались не по-дружески. Энди узнал, что Марина провела ночь в номере Пола, и не поверил, что она была на краю гибели. Не поверил он и тому, что Пол всю ночь убирал за ней и спал в кресле. Он что — чокнутый? Непохоже.

Его взбесило то, что она оказалась в объятиях соперника, и произошло это лишь через несколько часов после того, как Марина отказалась от него. Еще больше его взбесило то, что и Элеонора отвергла его в ту же ночь. Это была единственная симпатичная женщина в ТНСВ, которая отказывалась переспать с ним, а то, что у нее были какие-то отношения с Полом Джеромом, вызывало у Энди неумемную зависть.

После того как Марина получила свое место в совете, напряжение в ТНСВ спало. После бурных дискуссий ей удалось устроить так, что все сотрудники, ниже уровня директора, должны были получить скромный рождественский подарок, оплаченный из дополнительных средств «Спарклиз», которые ей удалось привлечь во время афинской конференции. Это сделало ее героиней дня. Она немного волновалась по поводу продолжительного отсутствия Энди, однако приписала это приступу меланхолии. Она знала, что он не болен серьезно, потому что Пол видел его на днях. Энди выглядел замечательно и хвастался костюмом.

Марине нравились ее новые обязанности. Она была слишком занята, чтобы все время думать о ночи, проведенной с Полом. После того, как она вошла в совет, один из ее коллег (в отсутствие Энди) принялся просматривать счета день за днем. По взаимному соглашению они временно прекратили все контакты в нерабочее время.

Но она продолжала поддерживать с Полом связь. Они почти каждый день разговаривали по телефону, и Марина всегда заглядывала в дверь, когда он находился в здании. Но никто из них толком не знал, как дать ход отношениям, начало которым было положено в ту ночь в Афинах, месяцем раньше.

Марину настораживало ее собственное поведение. Когда на следующее утро она проснулась в постели Пола, одетой, волосы выпачканы рвотой, ее еще раз стошнило, но на этот раз ей стало стыдно. От его заверений в том, что он не стал хуже о ней думать, ей сделалось и вовсе не по себе. Хоть то, что одежда на ней, говорило о том, что ничего

предосудительного не произошло. И потом, она достаточно хорошо знала Пола, чтобы быть уверенной в том, что он не воспользуется тем полубессознательным состоянием, в каком она оказалась.

Расстались они неловко. Марина возвратилась в номер Сюзи, куда перебралась после ссоры с Энди. Нет нужды говорить о том, что Сюзи там не было.

До окончания конференции она старалась избегать общества Пола. Он не давал ей повода чувствовать себя неловко, но в свете отягощающего ее чувства собственного достоинства ей было очень трудно принять его безупречную порядочность.

Вот так они и встретились с Терезой вечером в субботу в спортзале. Дома их никто не ждал, никто не мешал им есть всю ночь, никто не заботился о том, толстые они или тонкие. И вместе с тем Марина понимала, что ее положение гораздо лучше, чем у Терезы.

— Что ты будешь делать?

— И сама не знаю. Во взрослой жизни я не приняла ни одного решения без Рода. Я не думала, что когда-то буду жить одна. Я всегда была частью действия, где заняты двое. И это заставляло меня думать о многих других вещах.

— О детях? — осторожно спросила Марина.

— О детях. У меня было какое-то время, чтобы обдумать, что сказал Род. Поэтому я раньше и не говорила тебе об этом. Мне нужно было избавиться от гнева и вернуться к реальности.

— А в чем состоит реальность?

Тереза задумалась, поджав нижнюю губу.

— В том, что именно я не хотела детей. Род был прав. Если бы мне действительно нужен был ребенок, то он бы у меня был. Когда живешь с человеком столько, сколько я прожила с Родом, то знаешь, что к чему. Не обязательно все говорить вслух. Я знала, что, если забеременею, он примет это. Я чувствовала это в глубине души. Поэтому мне следует признать, что не сделала я этого именно потому, что не хотела.

— Еще не поздно, если ты этого хочешь.

Тереза покачала головой.

— Знаю. И еще я знаю, что это не то, чего я хочу. Скверно у него все это вышло. Надо ему было со мной поговорить. А может, мне поговорить с ним. Только я не знаю, когда это нужно было сделать. Все думаю о том, когда я должна была понять, что наш брак держится на неправде. Но не могу.

— Значит, все кончено? — спросила Марина.

— О да. Очень похоже на то.

Сказав это, Тереза не заплакала.

Скоро, думал Рик, очень скоро я ей все расскажу. У него опять застучала кровь в висках. Так больше продолжаться не может.

Сейчас, подумал он, сейчас все расскажу. И, точно его зов услышал какой-то безжалостный бог, входная дверь открылась, и он различил девичьи шаги Джилли, которая бежала к нему.

— Рик, дорогой! Я вернулась домой. Где ты? У меня фантастические новости!

— Я в кабинете, Джилли. Иди сюда. Нам надо поговорить.

В декабре женщины наконец набрались смелости, чтобы вернуться в ТФБП. В течение минувших недель подопытные кролики компании «Перрико» поддерживали друг с другом контакт. Глядя, как вес возвращается, несмотря на все их усилия контролировать свой рацион, они приходили во все большее отчаяние.

Марина первой указала на то, что было очевидно.

— Да неужели вам не ясно? Вот что мы делаем не так. Сколько раз Гейл объясняла нам? А ведь она была права. Как только вы попробуете контролировать свой рацион, он станет контролировать вас. А контролируют только плохие привычки.

Все вздохнули, прослушав в очередной раз эту резкую обличительную речь.

— Мы это уже слышали, Марина. Правильные слова, но что в них толку? — сказал кто-то от имени всех.

— Разве вы не помните, как все было? Когда вы были частью ТФБП, полностью разделяя ее философию, то ваш вес оставался стабильным. Разве это не справедливо по отношению к нам всем?

Все нехотя согласились.

Марина продолжала.

— Ладно, мы прибавили в весе, но мы, все мы, теперь гораздо худее, чем в то время, когда начался эксперимент с лекарством. Может, нам и не удастся похудеть до размера, о котором мы мечтаем, но мы можем остановить неизбежное сползание к тому, с чего начинали.

Всем было ясно, что это разумно. Если вернуться к философии ТФБП, то можно будет попытаться сохранить свой нынешний вес. Разумеется, это лучше, чем ничего.

И именно это предложение они намеревались донести до Гейл, когда тем вечером заходили в зал *en masse*^[41]. Это был один из открытых вечеров ТФБП, поэтому они на него и пришли. Столы с едой не планировались, так что можно будет избежать потенциальной территории конфликта. Не было и нужды говорить Гейл заранее, что придут все. Не хотелось, чтобы у нее появилась возможность не пускать их.

Насчет проявления осторожности они были правы. Гейл с радостью выгнала бы их вон, но по этому случаю собралось много представителей СМИ. Результаты исследования оксиметабулина должны быть обнародованы шестого января, и группа ТФБП уже выступила с критическими замечаниями по поводу эффективности лекарства.

Как следствие, Гейл стала своего рода знаменитостью. Марина тщательно осмотрела ее лицо и тело, стараясь обнаружить, какое воздействие на нее произвело столь пристальное внимание, но ничего не заметила. Гейл выглядела такой же, как всегда. Казалось, она была счастлива, как обычно, толще она не стала, но сказать ей было что. Ее улыбка исчезла, едва она увидела толпу давших усадку женщин, которые нервно толпились возле дверей. Камеры следили за ее взглядом. Было очевидно, что приподнятое настроение, царившее среди собравшихся, как раз в эту минуту пошло на убыль.

Гейл бесшумно двинулась им навстречу, старательно сдерживая свой гнев. Она подошла как можно ближе к Марине, чтобы журналисты не услышали ее первых слов. Те едва поспевали за этой энергичной женщиной.

— Что вы здесь делаете? Вас здесь не ждут.

— Гейл, мы здесь, потому что так надо. Нам нужна твоя помощь. Теперь мы поняли, что ты была всегда права. Ну вот, я и сказала это. Ты была права, а мы нет. Если хочешь, скажи это твоим приятелям из СМИ.

Гейл искоса посмотрела на Марину.

— Я уже слышала все это, помнишь? Когда ты отдала себя на нашу милость после твоего так называемого кризиса в Нью-Йорке. «О, Гейл, это было так ужасно! Я не могу кутить, хотя мне это хочется! Только ты можешь сделать так, чтобы почва не уходила из-под ног, и помочь мне совладать с конфликтом!» Помнишь?

Марина помнила. Эта неумелая пародия заставила ее съежиться. Но Гейл еще не закончила.

— И мы все помогли тебе. Мы поговорили, выразили тебе сочувствие, поставили себя на твое место, выслушали тебя. К концу вечера ты обрела подобие спокойствия. Разве не так?

Так и было.

— И что ты после этого сделала? Взяла свои маленькие пилюли, подключилась к программе, посвятила всю себя тому, чтобы стать Королевой таблетки для похудения, и назад не вернулась. Мы с сочувствием отнеслись к твоей проблеме, заполнили огромную эмоциональную пустоту, которую лекарство не могло восполнить, и дали тебе возможность продолжить участие в миссии «Перрико», чтобы ты изменилась. И после этого ты вернулась? И ждешь, что мы поможем тебе прекратить делать то, что ты делаешь, и не расставаться с четырнадцатым размером? Ну уж нет!

И она пошла прочь, не заботясь о том, что ее снимают в невыгодных ракурсах. Марина пошла за ней. Она схватила Гейл за руку и заставила ее выслушать себя.

— Ты не дала мне закончить. Эксперименту конец. Мы использовали эту возможность, потому что нам хотелось, чтобы из этого что-то вышло. Лекарства ничего не решили. Правда в том, что все произошло так быстро. Все. Мы все похудели быстрее, чем смогли осознать, что у нас новые стройные тела. Но мозги-то у нас остались такие же толстые. Постойте-ка, вы, толстухи, кричали они, что это там происходит? Что это вы себе вообразили, прыгая по улицам в узких джинсах?

Гейл набросилась на Марину, невежество которой вывело ее из себя.

— Да разве может умная женщина быть такой дурой? Что-то ведь привело к тому, что у тебя был огромный размер? Не еда, даже если ты думаешь, что это так. Ты предпочитала быть толстой. Сама того не ведая. Ты должна была быть толстой. Начав принимать эти таблетки, ты уничтожила защитный слой, который существовал в силу очевидных причин. Но причины-то никуда не делись. До сих пор. Иначе ты не оказалась бы здесь.

Это все равно что принимать аспирин, когда всюю истекаешь кровью. Все равно умрешь, может, правда, не будет так больно. Но если ты локализуешь источник кровотечения и остановишь его...

Она подняла руки. Больше ничего не нужно говорить.

Марина кивнула. Она все это знала. Она не знала, почему предпочитала быть толстой, но наконец была готова узнать, чтобы разобраться со всеми причинами.

— Гейл, мне нужна твоя помощь. Пожалуйста, помоги мне. Знаю, ты, должно быть, ненавидишь меня за то, что я продалась так быстро, но, по-моему, ты единственный человек, который поможет мне сойти с этого зыбучего песка.

Гейл обдумала эти слова. И сдалась, как уже бывало раньше. Ибо, в отличие от Дэвида и

фармацевтических компаний, стремившихся сделать состояние на несчастье толстушек, она не могла оставаться равнодушной.

— Мне выступать через несколько минут. Занимайте-ка лучше места, вы все, пока их не заняли. Сами видите, сегодня полно народу.

Когда она заговорила перед аудиторией, состоявшей почти из двухсот женщин, то говорила без бумажки, без пауз. После красноречивого изложения целей и задач ТФБП она перешла к более частным темам.

— Знаю, о чем вы все думаете. Я и сама об этом уже думала. Вы думаете, что приятно все это слушать, но ведь так и не настанет день, когда вы освободитесь от уз еды. Вы так и не сможете питаться без того, чтобы не отмечать калории на внутреннем калькуляторе, который пищит, когда их число измеряется четырьмя цифрами.

И я знаю, что вам нужно. Потому что и мне это было нужно. Вы хотите стать стройными.

По рядам прошелся недовольный ропот.

— Нет-нет, не спорьте. Это именно то, чего вы хотите. Или хотели. Но вы должны спросить у себя, почему вы хотите стать стройными. Для себя? Вы что, руку отдергиваете от отвращения всякий раз, когда прикасаетесь к своему телу? Не думаю. Вы хотите стать стройными, потому что вам сказали, что вы должны хотеть стать стройными.

Толстушки ведь никому не нужны, правда? Ни СМИ, ни нетболу^[42], ни тем парням, которые набирают команды регби. Нужны тонкие. И именно об этом вы думаете, когда смотрите в зеркало. Только вы знаете, почему продолжаете вести тот образ жизни, что делает вас несчастными, но у меня есть теория, которая, быть может, покажется некоторым из вас знакомой.

Думаю, многие из вас исключают себя из людского сообщества, потому что оставаться там — чертовски трудно из-за конкуренции. Скольким из вас пришлось прекратить заниматься спортом после школы, потому что у вас мало что получалось?

Повсюду закивали.

— Разве вам не нравилось заниматься спортом? Конечно, нравилось! Все дети любят играть в игры, бегать под солнцем, ощущать свою принадлежность к команде. Так почему же вы все бросили? Потому что всегда проигрывали. Вы подводили и себя, и свою команду и в результате переживали. Никому не нравится проигравший. Никто не хочет быть проигравшим.

Вы рано успели почувствовать вкус поражения, и он вам не понравился. Поэтому вы застраховались на тот случай, чтобы быть уверенными — больше это не повторится. Вы написали себе письмо, в котором подробно изложено, почему вы не будете участвовать в житейских играх. Извините, сказали вы как-то раз своим товарищам по команде, не могу сегодня играть, слишком толстая. Не могу танцевать, слишком толстая. Не получу эту работу, слишком толстая. Жить не могу, толстая слишком.

Но ведь это, по-вашему, несправедливо, правда? Вы смотрите в окно, видите, как развлекаются другие дети, как они веселятся. И что вы делаете? Вы не решаетесь выйти и присоединиться к ним. Не хватает сил. Они могут посмеяться над вами. Обозвать как-нибудь. И у вас возникает желание. Вам хочется, чтобы изменился мир. Да, это самое лучшее. Я останусь такой же, а все остальное изменится в угоду моим интересам.

А потом вы слышали о ТФБП. Ага, говорите вы, это то, что надо! Вот и ответ. Они изменят все. Изменяют меня, а если и не изменят, то могут изменить мир. В любом случае я

не проиграю.

Но этого не будет. Я не собираюсь вас изменить. Только вы сами можете сделать это. Только вы можете разобраться со своими злыми духами, набраться смелости, чтобы отогнать их. К еде это не имеет никакого отношения. Это имеет отношение к тому, почему вы предпочитаете еду. И мы не собираемся менять мир. Конечно же, нет. А журналисты, все эти писаки... Да они все бросятся к своим издателям с политкорректными статьями о том, что толстым быть хорошо, а тонким — плохо. Организуют на своих страницах показ мод с участием женщин в рейтузах шестнадцатого размера, а потом все отретушируют, дабы пощадить чувства читателей. Но когда вы пойдете по улице, эти читатели все равно будут вас жалеть.

Нет, мы не можем изменить мир. Все, что мы можем сделать, это привлечь внимание мира к его жестокости. Помогите нам, помогите друг другу. Но битва всегда персонифицирована. Каждый толстый человек должен бороться со своими страхами, а каждый тонкий — со своими предрассудками.

У Марины дух перехватило от такой пронизательности. Гейл будто прямо к ней обращалась. Но стоило Марине оглядеться, и она увидела по восхищенным лицам, что то же самое чувствовали и многие другие. Осознание того, что глубоко укоренившееся в ней несчастье не уникально и не так сложно, огорчило и одновременно утешило ее. Она почувствовала, что вела себя глупо, всю жизнь пытаясь развязать довольно незамысловатый узел, и вместе с тем находила утешение в том, что была не одинока в своей глупости.

Когда раздались аплодисменты, перед Мариной пролетела вся ее жизнь, со всеми унижениями и разочарованиями. У нее голова шла кругом от сознания того, сколь безыскусны были ее побуждения и поступки. Гейл спросила, есть ли вопросы. Ее незаурядная личность и громадный интеллект, по обыкновению, внушали страх аудитории, и никто не осмеливался заговорить. Но Марина нашла в себе силы поднять руку. Гейл внимательно посмотрела на нее.

— У меня вопрос, Гейл. Ты, очевидно, понимаешь, что заставляет многих женщин толстеть. Полагаю, ты и себя включаешь в эту группу.

Гейл жестом дала понять, что именно так обстоит дело. Марина продолжала.

— И как же так получается, что ты не изменилась, хотя и понимаешь это? Очевидно, ты больше не боишься жизни. Никто не станет обвинять тебя в том, что ты простой наблюдатель. Так почему же ты не сбросила лишний вес?

Гейл вздохнула, тряся головой.

— Я так разочарована в тебе, Марина. После твоего путешествия, твоего бесполезного путешествия, предпринятого с целью обойти эмоциональный стержень конфликта с миром и убрать только жир, который безропотно повиновался твоим подсознательным указаниям, ты по-прежнему думаешь, будто все делается для того, чтобы похудеть.

Марина оцетинилась.

— Нет, я так не думаю. Мой вопрос гораздо проще. Вот о чем я спрашиваю. Если тебе больше не нужно быть толстой, то почему ты толстая?

Вопрос был задан прямой, но оттого он показался более спорным, чем был на самом деле. Вопрос совершенно правомерный, и все с нетерпением ждали ответа. Гейл окинула взглядом лица собравшихся, ища хоть одного человека, кто без лишних слов понимает ее позицию. Такого человека она не увидела, и тем самым подтвердилось ее растущее в последнее время подозрение, что годы работы в ТФБП прошли даром.

— Удивительно, что мне приходится объясняться, особенно перед вами, посетившими собрания ТФБП какое-то время. Еще более удивительно, что вы, женщины, посвятившие годы причудам диеты, так и не разобрались в физиологической арифметике снижения веса.

Я остаюсь толстой, потому что не хочу садиться на диету. Нет, я больше никого на свете не боюсь. Я открыла нужные двери и стала членом всех клубов, всех команд. Когда они говорили, что я им не нужна, я силой вошла внутрь и заставила их принять меня, даже если они этого не хотели. Я сама себя приняла. И сама себя принимаю. Зачем терпеть все эти мучения, если в конце концов мне придется себя переделывать? Я могла с таким же успехом сесть на диету в самом начале и стать членом клуба, следуя правилам членства.

У Марины был озадаченный вид. Гейл прочитала ее мысли.

— Да, Марина, я хочу сказать, что меня устраивает мой вес. Я толстая, потому что таково мое предпочтение. Предпочтение. Я не против того, что я толстая. Я каждый день смотрюсь в зеркало и искренне, откровенно и неподдельно подтверждаю мое решение оставаться таким же человеком. Судя по выражению твоего лица, ты мне не веришь.

— Просто мне трудно поверить, что можно жить с твоим весом, если ты не переедаешь.

— Что за глупости! Конечно, переедаю! Я ем все, что только захочу. Потому что неважно, что я ем. Важно лишь, имеет ли какое-то значение вес. А мой вес не имеет для меня никакого значения. Если бы я хотела похудеть, то стала бы следить за тем, что ем. Именно так и худеют. Тебе ведь это известно, не так ли?

Марина покраснела, услышав это саркастическое замечание. Она вспомнила теорию Эммы насчет того, почему Гейл боится худеть, но больше в нее не верила. Неожиданно она испытала зависть к Гейл, притом такую сильную, что это ее напугало и одновременно воодушевило. Вот такой ей хочется быть. Не бояться жизни. Не бояться есть. Не бояться своего тела. Ей захотелось подпрыгнуть со вскинутыми руками, точно ее коснулся Святой Дух на собрании евангелистов. Ей захотелось поцеловать Гейл, встать рядом с ней...

В тот самый момент, когда она обдумывала для себя эту возможность, в конце зала открылась дверь. Она оглянулась, чтобы узнать, кто это там явился перед самым окончанием собрания. Это была еще одна толстая женщина, которая шла ссутулившись, чтобы не привлекать к себе внимания. И только когда эта женщина подошла ближе, разыскивая свободное место, Марина узнала ее.

Это была Эмма.

Час спустя Гейл, Марина и Эмма оказались в пабе. Потребовалось немало усилий, чтобы уговорить Гейл присоединиться к ним. Марине показалось, что сделать это было бы еще труднее, если бы Эмма похудела так же сильно, как потолстела.

Эмма была радостной и оживленной. Чрезмерно. Но не убедительно.

— Ты отлично выглядишь, Марина. На сколько ты похудела?

Марина чувствовала, как ремень на юбке врезался ей в тело. Она вздохнула полной грудью, чтобы возобновилась циркуляция крови.

— Ну, не знаю. После последнего посещения «Перрико» я и не взвешивалась. Я прилично поправилась с тех пор, как перестала принимать таблетки. Наверное, я вешу стоунов одиннадцать. Что-то около того.

— Да, я тоже прибавила немного после программы.

Гейл и Марина обменялись взглядами. Обе знали, что она не была в «Перрико» после того, как отказалась от программы несколько месяцев назад. Обоих тревожили изменения в ее облике и поведении. Марина предоставила Гейл право начать разговор. Та знала ее лучше, и было меньше вероятности, что она скажет что-то такое, что может травмировать Эмму.

Гейл повела себя осторожно и тактично.

— Где ты была все это время, Эм? Мы беспокоились. Я беспокоилась. Думала, не попала ли ты в беду.

Эмма так громко рассмеялась, что они обе подпрыгнули.

— Что за глупости! Не о чем беспокоиться. У меня была реакция на эти таблетки, вот и все. Я слишком сильно похудела, что сказалось на здоровье.

Гейл озадаченно смотрела на нее.

— И что ты сделала?

— Отправилась домой.

— Что значит «домой»?

Эмма снова рассмеялась. Ее смех внушал тревогу, ибо в нем не было ничего смешного.

— Непонятно, что ли! Домой — значит домой. Домой. К маме, папе и всем прочим. Они были очень рады видеть меня!

Она пила очень быстро, но трудно было сказать, как это на нее действует, поскольку она и так находилась в возбужденном состоянии. Марине не хотелось подрывать уверенность Эммы заявлением, что она знает о ее трудной жизни дома, поэтому сделала вид, что ничего не знает.

— Это хорошо. У вас близкие отношения?

Гейл сверкнула глазами, недовольная тем, что Марина подняла эту провокационную тему, но та не обратила на нее внимания. Что-то с Эммой было не так, и ей хотелось узнать, что именно. Это была их обязанность — заставить ее раскрыться, предложить себя в качестве звуковых отражателей, лишь бы она высказала все, что тревожит ее. Эмма, похоже, была не против ответить на этот вопрос.

— О да, очень! Они так гордятся мною. Они, правда, не совсем понимают, что я делаю, но я посылаю им копии всех моих статей. Всякий раз, когда у меня появляется возможность, я навещаю их. Я уже давно не была дома, поэтому решила нанести короткий визит, чтобы мама за мной поухаживала, как тогда, когда я была маленькой девочкой.

Марине захотелось расплакаться, обнять эту бедную девочку и попросить ее больше не притворяться. Но она не могла этого сделать.

— Это хорошо. И она за тобой ухаживала? — спросила она, надеясь, что ужасных родителей Эммы так тронул бы вид их похудевшей, вызывающей жалость дочери, что они принялись ухаживать за ней с любовью, которой ей так не хватает.

Эмма еще раз рассмеялась тем же смехом. Он становился все громче и пронзительнее и внушал все больший страх.

Она подняла руки, чтобы было видно ее располневшее тело.

— А ты как думаешь? Конечно, ухаживала! Кормила всем домашним, а больше мне ничего и не надо. Я уже и забыла, как мне не хватает маминой еды. Мы все сидели за одним столом. Как в старые добрые времена! Все, конечно, переженились. Кстати, знаете что? Я теперь тетушка. Мне и сказать об этом забыли, наверное, потому, что слишком заняты!

Гейл осторожно взяла Эмму за руку. Эмма тотчас отдернула руку, сделав вид, будто ей

понадобилось снять с блузки несуществующую ниточку.

— Я очень рада за тебя, Эмма, правда. Выглядишь ты хорошо. А как с журналистикой? В последнее время я что-то не вижу твоих статей. Во всяком случае, в знакомых журналах.

— А я занимаюсь историей с оксиметабулином. Ни на что другое времени нет. Устроила себе продолжительный отдых. Ко мне даже с Би-би-си обращались. Хотят сделать документальный фильм. Прямо в восторг пришли, когда узнали, что я была одним из подопытных кроликов!

Марина с тревогой посмотрела на нее.

— А они знают, что ты вышла из программы?

Эмма посмотрела на часы и стала собираться.

— Прости, что ты сказала? Ах, да. Уверена, что-то насчет этого им сказала. Да это и не важно. Им от меня нужно было только одно. Не Бог весть что. Смешно, право. Но совершенно понятно. Я их отлично поняла.

Гейл почувствовала, как у нее заныло где-то внизу живота.

— И что же это?

Эмма весело рассмеялась.

— Просто они мне сказали, что хотят, чтобы я немного похудела.

Эта фраза так и повисла в воздухе, и понимай ее как хочешь, а Эмма между тем принялась рыться в сумочке, чтобы занять свои трясущиеся руки.

— Ах, Эмма, — грустно произнесла Гейл.

— Да ведь это не проблема. То есть спроси у Марины. Она тебе расскажет, как быстро я сбросила вес, когда участвовала в программе. И я уверена, что принимала мнимое лекарство, потому что мне казалось, что оно не настоящее. Да мне и понадобится всего несколько недель. А посмотрите на все это с их точки зрения. История вышла бы гораздо более интересной, если бы я похудела. Они уже попросили у меня фотографии, где у меня самый большой вес. Всем нравится рассматривать фотографии «до и после».

— Но, Эмма, если ты принимала мнимое лекарство, тогда было бы правильнее показать, что ты не похудела. Это ведь и было главной задачей исследования.

Марина пыталась говорить так, чтобы Эмма посмотрела на вещи здраво. Но та была далека от этого.

— Но ведь я похудела. Ты видела. Я была худой, так ведь? Дэвид сказал, что я похудела быстрее всех остальных, — с гордостью прибавила она. — И потом, я решилась. Хватит вкусных маминых соусов.

У Марины в голове нарисовалась картина: злобная женщина кладет ложку сала в и без того неаппетитное варево, дабы наказать свою дочь за оригинальность.

— Теперь я питаюсь разумно и делаю упражнения. Спущу вес до восьми стоунов, и все будет в порядке. Никаких чрезвычайных мер. Не волнуйтесь, глупостей я не наделаю.

— И чей же он? — спросила Марина у Сюзи.

Сюзи была изумлена до крайности. Они с Мариной и не разговаривали о том уикенде в Афинах.

— Кена, разумеется. В Афинах ничего не было. Выяснилось, что я уже была беременной, когда туда поехала! Смешно, правда? Наверное, поэтому я и вела себя так безумно!

Марина прикусила губу. Теперь ей требовалось только разъяснить подноготную всех

других безумных дней в жизни Сюзи, и тогда все встанет на место. Она подавила в себе сарказм и обняла Сюзи, пустившись в поздравления. Она была рада снова видеть свою подругу счастливой. И почувствовала облегчение.

Кен тоже был рад беременности, главным образом потому, что Сюзи была рада. Ее ужасное настроение он приписал предродовому неврозу, охватившему ее из-за того, что она не могла обрадоваться ребенку так быстро, как ей того хотелось. Он согласился с тем, что в семье будет еще один ребенок. Все лучше, чем жить с кричащей старой ведьмой, в которую превратилась Сюзи.

Сюзи принялась рыться в хозяйственных сумках, горой лежавших вокруг нее на полу.

— Посмотри-ка, Му!

Сумки были забиты вещами для беременных. Ни для Кена, ни для детей там ничего не оказалось. Марина была рада, что Сюзи тратит время и деньги на себя, однако не была уверена, что это самое здоровое проявление самосознания.

Сюзи быстро поменяла не украшающие ее рейтузы и мешковатые блузки, которые носила, чтобы скрыть свою слоновью талию, на дизайнерскую одежду для беременных. Лучшее в беременности то, что с молчаливого согласия окружающих можно было толстой. Она неуклюже передвигалась, с гордостью выставив живот, хотя и была только на втором месяце. Ей хотелось, чтобы люди останавливали ее на улице. «Сюзи, Бог ты мой, — хотелось ей от них услышать, — да ты не потолстела ли?» На это она бы рассмеялась. «Ну да, — сказала бы она, — потолстела, потому что я беременна!» И они станут извиняться за свою ужасную ошибку и примутся охать и ахать по поводу ее положения. Да, предстоящие месяцы обещают быть хорошими.

А в конце их — кормление грудью!

— Ну, а ты как, Му? Мне это кажется, или у тебя тоже есть для меня новости?

Марина смутилась, но потом поняла, что Сюзи имеет в виду. Она покраснела от отчаяния и злости.

— Нет, я не беременна, если ты об этом подумала.

И она обхватила руками свой живот, как бы защищая его. Он был больше, чем пару месяцев назад, но отнюдь не огромный.

— Я прибавила несколько фунтов после окончания эксперимента, да и все остальные тоже.

Сюзи устыдилась своей оплошности.

— О Господи, прости меня! Мне не хотелось... Ты, наверное, разочарована! Столько пережить и вернуться к тому, с чего начала. Что это за чудесное лекарство такое? К чему все это было?

— Ну, теперь-то они знают, как долго нужно давать это лекарство и на что оно способно. Это все часть эксперимента. И я не жалею, что приняла в нем участие. Да я и сейчас на тонну худее, чем раньше. И я многое узнала. О себе. Я была и толстой, и тонкой. И впервые могу принимать осознанное решение, когда речь заходит о том, какой я хочу стать физически, о том, какой мне нужно стать. Я узнала много и о других людях.

— Ты про Энди говоришь? Есть один побочный эффект, который никто не предусмотрел! Если ты не похудела, то не стоило и проходить через все испытания с этим занудой.

Марина подняла брови. Это заключение показалось ей забавным.

— Не все было плохо, Сюзи. Я провела с Энди несколько самых счастливых дней.

Просто он немного... запутался, вот и все. Как и все мы. И потом, он был не единственным занудой.

— Что ты хочешь сказать? Почему, Корова Му, ты что-то утаиваешь от меня? Так кто же второй зануда?

— Дэвид Сэндхерст, — доверительно сообщила она с удовольствием, в котором послышалось нечто порочное.

Марина никак не могла ожидать, какую это вызовет реакцию. Сюзи побледнела и стала тяжело дышать.

— С тобой все в порядке, Сюзи? Да что это с тобой? Ребенок?

— Ты спала с Дэвидом? — слабым голосом спросила Сюзи. — Когда это случилось?

Марина пожалала плечами.

— Да я и не помню. Это и было-то всего один раз.

— Когда? — тихо спросила Сюзи.

Она принялась отрывать от бумажного пакета маленькие кусочки и нервно стучать ногами.

Марина вздрогнула. Наверное, это гормоны вынуждают ее вести себя так странно.

— Дай-ка подумать. В постели я с ним была в тот раз, когда ты позвонила мне на рассвете, помнишь?

Сюзи это помнила. Она провела ту бесконечную ночь, глядя, как медленно тикают часы, мучимая своими растущими объемами, не дававшими ей покоя, пока она сидела, терзаемая мыслью о том, что Дэвид бросил ее ради той, кто стройнее и красивее. Но даже в этой попытке самобичевания она и предположить не могла, что более стройной и более красивой соперницей окажется ее лучшая подруга. Лучшая подруга, та самая унылая, точно в воду опущенная лучшая подруга, рядом с которой любая другая симпатичная подружка покажется еще более худой и симпатичной. У Сюзи и Марины всегда так было. Сюзи никогда не соглашалась с этим, но правда всегда витала в воздухе, придавая их отношениям скрытый смысл.

Хотя ей и стыдно было признаться, что именно таковы ее чувства, она убедила себя в том, что дружба большинства знакомых ей женщин в основе своей столь же несправедлива и не выдерживает пристального внимания. В каждой паре один всегда лучше другого.

Ее чувства к Марине не стали от этого менее теплыми. Уж не сознательно ли она выбрала подругу, которая не столь симпатична, как она? Или сознательно? Но ведь именно так получается. Однако даже если и сознательно, это не умаляет стольких лет дружбы, которые каждая из женщин посвятила другой. Чтобы эта дружба сохранилась все эти годы, равновесие все-таки должно быть?

Однако в эту минуту Сюзи ощущала себя обиженной стороной. Марина сидела с озабоченным видом.

— Сюзи, да скажи же что-нибудь! В чем дело?

— Я скажу тебе, в чем дело. Дэвид был моим любовником.

Эту информацию она выдала спокойным голосом. Не было нужды для остроты ощущений добавлять барабанную дробь. Факт и без того драматический. Марина обработала эту новую для нее информацию в своем заново налаженном мозговом компьютере. Она настроила его на переработку все возрастающего количества неожиданных открытий, поступавших к ней едва ли не ежедневно.

Но она не могла ничего с собой поделать. Широкая побеждающая улыбка расплылась

по ее лицу, так что даже глаза закрылись от радости. Улыбка переросла в смех, тот грязный смех, который еще год назад не входил в ее репертуар общения.

— Не вижу ничего смешного! — горько воскликнула Сюзи. — Он разбил мое сердце. А я тебя с ним познакомила!

Марина не могла объяснить Сюзи, что тут смешного. Она так и не научилась быть жестокой, хотя Сюзи, вероятно, и заслужила легкую эмоциональную пощечину. Намеренно или нет, но за годы их дружбы она доставила Марине немало неприятностей. Марину охватил трепет при мысли о том, какая справедливость была восстановлена за одну ночь сексуального удовольствия (не такого уж и сомнительного) с бывшим любовником Сюзи.

Неравноправие в дружбе между Сюзи и Мариной возникло в то время, когда им было по десять лет, и с тех пор мало что изменилось. Быть может, Сюзи и завидовала Марининым профессиональным успехам, но опять же, это был не тот успех, к которому стремилась она. Марина с изумлением узнала, что Сюзи завидовала *всему*, что происходило в ее профессиональной жизни, но не более того. Во всех других областях, в личной жизни, Сюзи преуспела больше.

И сколько бы Сюзи ни волновалась о муже, детях и разного рода проблемах, для Марины она оставалась воплощением того, как женщина должна жить.

В глазах общества Сюзи выиграла марафон, тогда как Марина — всего лишь забег на короткую дистанцию.

Но теперь Марина столкнула Сюзи с качелей раз и навсегда. У них общий любовник. Мало того, этот самый любовник, когда пришло время выбирать, Марину демонстративно предпочел Сюзи. Тем самым у женщин появилось нечто общее, что не так-то просто разорвать. Вместе с проблемой лишнего веса, которую Марина передала Сюзи как олимпийский огонь, отныне их отношения следовало пересмотреть с точки зрения равенства. Не будь Сюзи беременна, у Марины могли бы возникнуть сомнения, смогут ли они пережить этот переходный период.

Сюзи была-таки беременной, но будущее исковеркано.

— Я прощаю тебя, Му. Хоть ты и вела себя отвратительно.

Марину рассмешил гнев ее подруги.

— Спасибо, Сюз! — сказала она, надеясь, что в ее ответе прозвучала благодарность.

Так легко быть великодушной. Это любовь делает человека таким.

— То есть ты приглашаешь меня на свидание?

Она чувствовала себя очень смелой, задавая этот вопрос. Ведь если она не права, то будет выглядеть очень глупой. И настойчивой.

Пол в отчаянии поднял брови.

— Конечно, на свидание! Что еще я мог иметь в виду?

Марина покраснела. Он только что без предупреждения появился в ее кабинете. Она и знать не знала, что он несколько дней набирался храбрости, прежде чем пригласить ее. Дюжину раз снимал телефонную трубку. Даже доехал до здания ТНСВ, но не выдержал и попросил таксиста вернуться.

— Да, но мне кажется, ты говорил, что на мюзиклы ходишь один или с семьей?

Пол пригрозил ей пальцем. Он почувствовал уверенность и повеселел оттого, что она приняла его предложение.

— Я этого не говорил. Я говорил, что лучше посмотрю мюзикл один, чем в обществе человека, который не сможет его оценить. Это должен быть кто-то особенный, а у меня в жизни таких людей было не слишком-то много.

Марина поняла, что это все равно что тебе пятнадцать, и унеслась далеко в своей юной фантазии. Вот что такое сильное увлечение, согревающее душу и тело, отвлекающее от всего на свете. В последний, полный событий год у них возникло глубокое и настоящее чувство, какое бывает у взрослых людей. Она «особенная». До Рождества еще неделя, и у нее это будет первое Рождество, которое она отметит в новом статусе.

Может, он купит ей большую открытку со словами «Счастливого Рождества тому, кто особенно дорог». Она видела, как счастливые люди покупают такие открытки в киосках. А может, он подарит ей самый настоящий подарок, который выбирают, крепко подумав, из тех, что покупают для «особенного» человека. А при мысли о том, что и она ему что-то подарит, она пришла в легкое возбуждение. Ведь и он для нее «особенный».

— Ты плачешь?

Он присел возле ее стула на корточки, как в тот вечер в Афинах, когда ее тошнило в его номере. Его вопрос удивил ее. Она поднесла палец к глазам, чтобы убедиться, действительно ли она плачет. Одновременно там же оказался его палец, и вместе они наткнулись на слезинку, которая с радостью легко катилась по ее полному лицу.

— Прости меня, — прошептала она, смутившись проявления своих чувств.

— Если только это хорошие слезы, а не печальные, — сказал Пол.

Он достал носовой платок и нежно вытер ей щеку.

— Хорошие. Я думала о Рождестве.

— И что же ты думала?

Марина посмотрела на него.

— Я могу надеяться, что это будет счастливое Рождество?

Пол смотрел в будущее дальше Рождества. Гораздо дальше.

— Обещаю тебе, счастливое.

И таковым оно и было. В ТНСВ начались две недели рождественских каникул. Пол и Марина использовали это время и провели все праздники вместе, кроме рождественского

дня.

Даже рождественский день оказался более счастливым, чем это было раньше. Нэнси и Дональд были добры и с Мариной, и друг с другом. Время от времени воцарялось молчание, но то были обычные семейные паузы, когда каждый член семьи вспоминает о том, что объединяет относительно разных людей в одну семью.

— Хорошее Рождество, — сказал Дональд после ужина. — Мне очень понравилось.

И Марину, и Нэнси изумило это заявление. Согласно молчаливым стандартам Дональда, это был почти шекспировский монолог.

Марина отважилась сказать что-то более серьезное.

— Это первый рождественский ужин, когда не звучали слова недоброжелательства. Ни с чьей стороны, — прибавила она, не забыв включить и себя в число потенциально виновных.

Нэнси не отрывала глаз от вязания.

— Теперь все по-другому. Раньше мы и думать не могли, чтобы сказать или сделать что-то такое, что может привлечь внимание к... ну ты понимаешь... ты была такая чувствительная. Мы боялись огорчить тебя.

Марина вспомнила, как раньше отмечали Рождество, и поняла, что ее мать права. Она всегда боялась рождественского ужина и следила за каждым отправляемым в рот куском, чтобы лишиться материнского оружия, которым та могла выстрелить в нее в традиционной ссоре после ужина. Она сдерживала себя, что вызывало у нее горечь и гнев, а потом истолковывала молчание как обвинение, против которого обязана была выступить.

— Не смотри на меня так! — с этих слов обычно все и начиналось.

В дальнейшем возможны были кое-какие варианты, но обычно кончалось тем, что Марина принималась кричать.

— Это не моя вина, что я толстая!

На что Нэнси преспокойно отвечала:

— А чья же?

На сей раз все было по-другому. Но в составе исполнителей произошла только одна замена. Марина вынуждена была согласиться, что напряжение последних лет возникало в основном из-за нее. Домашнюю обстановку она рассматривала как площадку для вольного боя, где первый удар всегда должна была получить она. И последний. Прежде чем продолжать разговор в серьезном тоне, предложенном матерью, Марина хорошо подумала.

— Ты ничего не сказала о том, что я пополнела.

При этих словах ее отец потянулся за своими садовыми перчатками, намереваясь скрыться в сарае.

— Прошу тебя, папа, не уходи. Я не собираюсь устраивать сцену.

Дональд неохотно сел. Он включил телевизор и, идя на уступку недовольному взгляду Нэнси, убавил звук и включил титры, надеясь, что его не вовлекут в этот разговор.

Прежде чем отвечать, Нэнси глубоко вздохнула.

— Да, я заметила, что ты немного пополнела по сравнению с тем, когда мы видели тебя в последний раз. Но, если честно, я почувствовала облегчение. Раньше ты была чересчур худой, и ты это знаешь. А как я тебе уже говорила, я теперь воспринимаю твой вес как вопрос частный, как нечто такое, что ты уже решила для себя, и я должна уважать это решение, а не осуждать.

Нэнси произнесла длинную речь, и Марина была ей благодарна. В награду она решила

довериться ей.

— Когда я приехала в прошлый раз, я вела себя нечестно. В смысле того, как я сбросила лишний вес.

И она рассказала своим родителям об эксперименте с оксиметабулином. Она ничего не утаила (кроме своего загула с ученым, открывшим лекарство, — ведь это ее родители, в конце концов!). Дональд даже забыл, что собирался смотреть телевизор, так он был захвачен рассказом о коррупции и мошенничестве. Лишь одно его огорчало: рассказу недоставало секса, в противном случае получился бы хороший мини-сериал.

Нэнси превратилась в возмущенную мать, готовую ради защиты своей дочери броситься в бой, чтобы исправить нанесенную ей обиду.

— Мама, да забудь ты об этом. Все уже кончилось. Мне больше не нужны эти таблетки. Я даже не знаю, настоящий я принимала препарат или «пустышку», так что все могло произойти подсознательно. Да меня это больше и не волнует. Да, я тебе говорила, что примирилась со своими размерами и купилась на философию ТФБП, но это была ложь.

— Я и сама догадалась, когда увидела, насколько ты похудела в прошлом году в декабре.

— Но теперь все изменилось. Я правда все расставила по полочкам. У меня действительно больше нет с этим проблем.

Нэнси пристально посмотрела на нее и все увидела — под самой кожей Марины светился этот свет, такой уязвимый.

— Тут не обошлось без мужчины.

Это было утверждение, а не вопрос, и то, что Марина удивилась, лишь подтвердило правоту матери. Она была рада тому, что угадала, что в жизни дочери есть новый смысл. Впервые с тех пор, как Марина была ребенком, она почувствовала себя настоящей матерью.

Марина не могла больше скрывать свои новости.

— Ах, мама, он замечательный! Его зовут Пол. Он тебе понравится, я это знаю. Он такой... милый. И любит мюзиклы. И тебе, папа, он тоже понравится! Он без ума от садоводства. У него маленький дворик, но он и там работает.

Она умолкла.

— Что такое? — спросила она, удивляясь тому, что родители смотрят на нее так странно.

— Мы еще никогда не видели тебя такой, — сказала Нэнси.

— Какой?

Нужное слово нашел Дональд.

— Счастливой.

— Клянусь, ты сказала им, что я милый, — проворчал Пол.

Марина поцеловала его в глаза.

— Ну конечно. Родителям это надо говорить. Обязательно. А что я должна была сказать?

Пол заключил ее в свои объятия и принялся целовать от кончиков пальцев до шеи.

— Что я самый замечательный любовник, который у тебя когда-то был. Что ты умираешь от удовольствия. Что мы занимались любовью во всех комнатах. Ну и всякое такое.

Марина закрыла глаза и отдалась своим чувствам. В течение дня у нее минуты не было, когда она не упивалась бы радостью, которую дарил ей Пол. Он научил ее смотреть на свое

тело как на средство получения удовольствия, а не как на инструмент пыток. В любовных сценах она ничем не сдерживала себя, придя к выводу, что если этому замечательному мужчине нравится каждый дюйм ее тела, то и она должна вести себя соответственно.

Она любила его и знала это. Интересно — откуда человек знает, что любит кого-то? Да просто знает, и все, как говорится. И это правда! — хотелось ей кричать. Просто знаешь, и все. А я знаю!

Она и ни в чем другом себя не сдерживала. Накануне Рождества они отправились в супермаркет и потратили почти сто фунтов на вкусную еду. Они покупали все, что хотели. Пока Марина хватала пирожные, ветчину и дико дорогую вишню, Пол выбирал бельгийский шоколад, копченого лосося, шоколадную кукурузу и шампанское.

Они и ели не так, как обычно едят. Еда была для них прелюдией к таким серьезным делам, как бизнес и любовь. В январе Марина оглянулась на весело проведенные праздники и сделала удивительное открытие: она поправилась. Слишком много ела и потому поправилась. Как и все нормальные люди в Рождество! Но это не имело никакого значения.

В канун Нового года Пол попросил ее руки.

— А почему ты так долго думал? — ответила она.

— С Новым годом, дорогой!

— С Новым годом, Джилли.

Рик и Джилли чокнулись бокалами. По настоянию Джилли в бокале у Рика было шампанское. Если ей нельзя пить, то это не значит, что он не должен праздновать. Особенно если есть что праздновать!

— Я все еще не могу забыть выражение твоего лица, которое появилось, когда я сказала тебе! — весело повторила Джилли в сотый раз после того, как сообщила новости.

Рик улыбнулся, надеясь, что мышцы лица работают в его пользу.

— Да-а, сюрприз еще тот.

— Знаю! Представь себе — и это через столько лет после Лорны! Эти врачи и сами не знают, что говорят. Ничего не знают! Это ведь так замечательно, правда? У нас теперь появится столько возможностей. Брошу учиться, чтобы быть матерью полный рабочий день. Да и ты мог бы подумать о том, чтобы посвящать этому какое-то время. Ты и сам говорил, что работа иногда тебя угнетает. А деньги нам больше не нужны. Ты ведь счастлив?

— Конечно, счастлив.

Рик притянул Джилли к себе и крепко стиснул ее, чтобы она не видела его слез.

Он в сотый раз прокрутил в голове, сколько воли от него потребовалось, чтобы его палец передвинул корнуолльскую папку с экрана монитора в корзину «удалено». Он не испытывал гордости от того, что перед ним возникла эта новая непрощенная ответственность. Джилли нарисовала ему восемнадцать лет его нового будущего. Ему не оставалось ничего другого, как принять его.

Он мог бы сделать кое-что. Убежать. Но, разумеется, этого он делать не станет. Хотелось бы ему быть человеком, не обремененным моральным грузом, взваленным ему на плечи. Но он не такой.

Можно покончить с собой. Но это был бы мелодраматический шаг, свидетельствующий о том, что в той боли, которую он испытывает, есть нечто уникальное, особенное, с чем живому существу не справиться. А после рождественских размышлений, подогретых алкоголем, он понял, что самая большая его трагедия состоит в его ординарности.

Его болезнь была физического свойства. От боли, от этой растущей боли никто не застрахован. Его преступление было следствием сверхожиданий. Наказание? Как и всем нам, ему придется брести и дальше, удовлетвориться тем, что имеешь, похоронить мечты и молиться.

Чувствовал ли он боль острее, чем другие? Да откуда ему знать, смеялся он, хотя ему было не смешно. Может, все остальные спрятали свои чувства так же глубоко, как и он? Может, таковы правила, может, таким способом и выживают?

А он выживет. Он такой. Хотя как он протянет еще восемнадцать лет, он не имел представления.

Но он вдруг взял и представил себе. У него еще есть хибара в Корнуолле. За нее заплачено. Она существует и никуда не денется. Как и он. Пока. Но мечтать можно. И строить планы. И фантазировать.

Новый год Энди провел в сборах. Его назначение подтвердилось, и ему нужно было переезжать как можно быстрее. Решившись, он поймал себя на том, что счастлив, что у него такая перспектива. Да, он знает, что они все скажут. Несколько лет назад он бы и сам сказал то же самое. Даже несколько месяцев назад.

Маленькая рыбка в большом пруду.

Но если подумать, это так очевидно, так справедливо. Он перебирается в менее крупную компанию. Вкладывает деньги. Сразу становится членом совета директоров. Занимается делами. Делается заметным человеком. Приобретает имя. Начинает все сначала. Переделывает себя.

Он смирился с тем, что не может соперничать с Риком вечно. Они не одинаковые люди. И никогда такими не были. Он выстроит карьеру в другом месте. Может, и не такую блестящую, как у Рика. Он найдет женщину, которую полюбит, и оседет где-нибудь. Пусть и не такую прекрасную, как Джилли.

Интересно, будет ли Рик не доставать его. И будет ли ему не доставать Рика. Разумеется, они пообещают друг другу, что будут поддерживать связь. Но не станут этого делать. Энди рассмеялся при мысли о том, что Рик уезжает из Лондона, чтобы провести с ним уикенд. Да Рик — типичный горожанин! Свежий воздух и тишина вызывают у него аллергию. Нет, в новый дом Энди он не приедет.

В этот день он осознанно освободился от зависти, и у него дух перехватило от ветерка свободы, пронесшегося в его душе.

На следующий день он должен стать одним из директоров небольшого, но успешного рекламного агентства. В Труро.

Труро, Корнуолл.

Похороны никогда не бывают веселым событием, но похороны Эммы были особенно тяжелы в связи с сопутствующими обстоятельствами.

Марина, Тереза и Гейл сидели вместе. Пришли еще несколько членов ТФБП, и благодаря этому число собравшихся увеличилось. Заглянули два редактора журналов, но в целом реакция на успешную профессиональную жизнь умершей была печальная, ибо скорбеть по поводу ее кончины собралось меньше двадцати человек.

Возможно, людей оттолкнуло то, что она покончила с собой. Смерть должна выбирать вас, а не наоборот. И хотя выбранный Эммой надежный способ самоубийства (таблетки и разрезанные запястья в чужой комнате, снятой на Рождество) явно не был криком о помощи, возникало, пожалуй, невысказанное ощущение, будто происшествие было рассчитано на то, чтобы привлечь к нему внимание, а потом забыть, как о проделке ребенка.

Как и на всех похоронах, никто не знал, как себя вести. Казалось неуместным затевать разговор с совершенно незнакомыми людьми, которые могли быть вне себя от горя, потеряв члена семьи. К счастью, члены семьи Эммы не руководствовались никакими правилами.

Присутствовали оба родителя и еще четыре человека, бывшие, очевидно, единокровными братьями и сестрами. Все чувствовали себя неловко в костюмах и платьях, взятых на время у тех, кто был на целых шесть дюймов меньше ростом. Они почти не предпринимали усилий, чтобы держаться так, как подобает в подобных случаях. Казалось, они только что вылезли из кроватей после затянувшейся за полночь вечеринки накануне, нацепили на себя чужую одежду, посмотрели, как смешно выглядят, но этим и ограничились.

Они выглядели точно так, как Эмма описывала их Гейл. Но Гейл вспомнила, что она ведь была литератором, хорошим литератором. Она умела выбирать верные слова. Так почему же она не смогла найти слова, когда это действительно было ей нужно? Перед ней встал образ ее подруги, умирающей в одиночестве, медленно, медленно, тогда как все остальные люди на свете щелкают орешки, смеются над скверными шутками и смотрят телепрограмму под названием «Дураки и лошади». Она даже подумала, а было ли у Эммы что поест.

После службы родители Эммы представились подругам своей дочери. Они радостно протягивали руки, точно по завершении сделки по продаже подержанной машины.

— Джек и Руби Лэмминг. Вы с нашей Эм не журналистикой занимались?

Подруги задумались — а что это за люди? Потребовалось какое-то время, чтобы догадаться, что Эмма, наверное, взяла себе фамилию Лэммингтон. Еще одно изменение образа, мрачно подумал кто-то. Гейл, по обыкновению, взяла бразды правления.

— Я Гейл Бэтхерст. А это Марина и Тереза. Мы все были... близкими подругами Эммы. Скорбим о вашей утрате.

Джек Лэмминг тепло пожал ей руку.

— Спасибо, любовь моя. Но если честно, все так обернулось, что нас это ничуть не удивило. Она всегда была странная. Мы так и не поняли ее. Выпьете с нами?

Завтрак по усопшей организовался сам собой без особых протокольных процедур. Марина сказала Терезе, чтобы они шли, а она к ним присоединится позднее.

Она и сама не знала, почему ей захотелось побыть в церкви еще какое-то время. Или почему ей захотелось остаться одной. И дело не в том, что она во что-то такое верила. Молиться казалось ей лицемерным. Да и за кого ей молиться? За Эмму слишком поздно, а остальные выживут. А можно молиться за жизнь, которая лучше, чем просто существование?

Через десять минут она ушла. Она никогда никому не рассказывала о том, что произошло в церкви. Да и говорить-то было нечего. Ни тебе видения, ни божественного участия. Только удивительное понимание того, что, возможно, она приобщилась к чему-то большему, более значимому и важному. Возможно, она приобщилась к тому, что существует надежда, даже спасение для всех.

Пройдет еще много времени, прежде чем у нее будет возможность прийти к вере сознательно. В этот день у нее появилось такое чувство, будто дверь приоткрылась лишь чуть-чуть. Такого ощущения спокойствия она не испытывала еще никогда в жизни.

Лэмминги придерживали двери паба, пропуская женщин вперед. Тереза тепло поблагодарила Джека. Она любила хорошие манеры. И только когда он крикнул ей вслед: «Мне пинту горького и виски вдогонку, любовь моя, а жене и детям по пинте лагеря!», она поняла, что он придерживал дверь, чтобы не покупать всем напитки.

— Даже на похоронах дочери не залезет к себе в карман, — прошипела Тереза театральным шепотом, когда к ней подошла Марина.

— Тсс! Он услышит тебя.

— А мне все равно. Должно быть стыдно!

— Терри, да ты посмотри на них. У них, наверное, ни пенса. А мы можем себе это позволить.

— Ты, пожалуй, и можешь. А мне надо следить за своими деньгами. Род разорвал наш союз. Просит меня выплатить ему его долю, чтобы он смог купить себе дом, деву Марию и будущего наследника.

Марина в ужасе уставилась на свою подругу. За то короткое время, что они были знакомы, она делала это слишком часто.

— Ах, прости, Терри. Этому, наверное, и конца нет? Что ты собираешься делать?

Тереза залпом выпила то, что ей налили, и немедленно попросила бармена повторить.

— Возьму заем в банке, найму нового торгового агента, сделаю так, чтобы бизнес работал, постараюсь выжить, таким вот образом.

Марина исчерпала свой запас банальностей. Она стиснула руку Терезы и пробормотала что-то неотчетливое и утешительное. Тереза шутливо отмахнулась от нее.

— Спасибо, и все такое, но сегодня день Эммы. Я, во всяком случае, жива.

Они подняли бокалы за Эмму, желая ей покоя и достоинства на том свете, а потом вернулись к семье, которая проявляла нетерпение. День выдался дорогим. Кончилось дело тем, что Марина отдала свою кредитную карточку старшему бармену, чтобы тот снял с нее приличную сумму.

Разговор не клеился, пока алкоголь не снял общее напряжение. Гейл первой узнала самую печальную правду. Раздумывая, что бы сказать более существенное, она заговорила о последней поездке Эммы домой.

— Вы, во всяком случае, смогли провести с ней какое-то время незадолго перед тем, как она умерла. Для вас это, наверное, большое утешение.

Джек и Руби озадаченно переглянулись.

— Не знаю, о чем вы. Мы ее не видели э-э-э... лет пять. Она всегда присылала нам разные вещи, подарки, статьи. Мы, правда, ничего в этом не понимали, но она никогда не навещала нас. Мы, видите ли, много ниже ее.

Остальные члены семьи что-то пробормотали в знак согласия. Очевидно, в уютном семейном кругу эту тему не раз с недовольством обсуждали.

Обдумывая этот факт, Гейл, Марина и Тереза сидели молча. Перед ними возник вопрос, на который они никогда не найдут ответа: где Эмма провела те недели, когда, как она утверждала, находилась дома и с удовольствием смотрела по телевизору «Маленький домик в прерии». Но где бы они ни была, она, наверное, только и делала, что ела, ибо прибавила весьма существенно. Наведя справки в журналах, они также узнали, что в это время она не выполняла никакую работу. Несколько раз не успевала сдать работу в срок, и ее запросто вычеркнули из мира свободных художников, где в силу конкуренции ненадежность нетерпима.

Они сидели и вспоминали о том, что она говорила в тот последний вечер, когда явилась на собрание ТФБП. Они так и не поняли, что с ней. Наверное, это была ее последняя попытка получить помощь. Или поддержку. Или хоть что-то еще. Но что бы ей ни было нужно от своих подруг, они трагическим образом подвели ее. От этого проклятья им никогда не уйти, и они немного обиделись на Эмму за то, что она оставила им в завещание вечную вину.

Письма она не оставила. Это было знаком полного и крайнего отчаяния. Ей нечего было сказать. Она совершенно отделяла себя от жизни и всего, что связывало ее с нею. Просто она приняла решение перестать быть. У нее не было намерения связывать концы. Ее занимал только один конец. Ее собственный.

Дэвид Сэндхерст прочитал о самоубийстве Эммы в газете, когда летел 3 января над Атлантикой в самолете. Глупая корова, подумал он. Ему хотелось пожалеть ее, почувствовать себя человеком, но он не мог. Осталась только жалость к самому себе. И он изливал ее ведрами.

По крайней мере меня в этом винить не будут, размышлял он. Оксиметабулин она не принимала. Да ей это и не было нужно. Она оказалась настолько безумной, что ее организм мог сам производить вещества, управляющие мозгом. И никто об этом не узнает. Прежде чем выехать из страны, он стер все данные, имеющие отношение к эксперименту.

Всегда оставалась вероятность, что готовые на шантаж акулы займа попытаются сделать что-нибудь с украденными у него бумагами. Но теперь в этом не было никакого смысла. Его карьера закончилась. Эксперимент был дискредитирован. Что-либо извлечь из этой прискорбной ситуации невозможно.

Ему пришлось работать быстро. Джейн в конце концов вычислила его дома в Новый год. Он впервые встречал новый год один. К этому времени его светская жизнь кончилась. Каждая минута жизни была потрачена на поиски денег, выплату долгов и увиливание от тех, кто пытался получить у него деньги. Пришло время, наступил критический момент. Время для чудес. Ибо это то, что ему теперь нужно.

Через сорок восемь часов те страшные люди должны были явиться за деньгами. Они, правда, не сказали «в противном случае», но именно это и имели в виду. К тому времени его премия должна быть в банке. Должна быть. Альтернативный сценарий он не рассматривал. Спустя пару дней обрушится поток писем и звонков от всех его кредиторов, а вслед за тем

быстро последуют судебные распоряжения.

Ему оставалось только ждать. С данными по оксиметабулину ему нечего больше делать. Он сделал все от себя зависящее и надеялся лишь на то, что этих результатов будет достаточно для того, чтобы компания «Перрико» выдала характеристику — «успешное завершение».

Думал ли он тогда, что оставался хоть какой-то шанс, что так и произойдет? Да, думал. Это была его последняя, единственная надежда. Да ведь он родился счастливым, не так ли?

И когда зазвонил телефон, он снял трубку, чувствуя нечто вроде оптимизма. Может, это его припозднившаяся удача?

— Мерзавец, — первым делом произнес чей-то голос.

Личность звонившей по голосу определить не удалось. Большинство женщин, которых он знал, обращались к нему так только в том случае, если хотели увидеться с ним. Он попробовал закинуть удочку подальше.

— И вас с Новым годом! Чем могу быть полезен?

Женщина заговорила недовольным голосом.

— Скорее, чем я могу быть полезна? А полезна я могу быть немногим, но ты и этого не заслуживаешь. Тобой недоволен Джефф Перриам. Я чуть не потеряла работу из-за тебя!

Джейн. Ей понадобилось несколько предложений, чтобы сообщить ему, что его карьера закончилась. Вот сука.

— Что случилось?

— А ты как думаешь? Он заставил меня открыть тот файл, который тебя интересовал, и увидел, что ты регулярно заходил на файл, который от тебя специально защитили! Что-то ты мне об этом не говорил.

— Что конкретно ему известно?

Дэвид начал терять самообладание.

— Я тебе сказала. Все! — закричала Джейн. — Он знает, что ты подделал цифры. Он знает, что ты этим занимался из своей квартиры. И ты этого не сможешь отрицать. В настоящий момент его интересует одно: нарушил ли ты закон. Но что бы ни произошло, ты в большой, большой беде. А я рада, черт возьми. И будь здоров. С Новым годом!

И с этими словами она бросила трубку.

Все кончилось. Все. Критический момент миновал. Госпожа Удача нашла кого-то другого. Теперь она будет помогать этому другому строить жизнь, чтобы потом разрушить ее. Премии не будет. Ничего не будет. Выхода нет.

Он быстро оглянулся на прожитые годы, с их надеждами и разочарованиями. У него не много ушло на это времени. С одной стороны, были его долги. С ними ему не совладать, а акулы займа сделали его положение опасным.

С другой стороны, единственное, чем он дорожил из того, что имел, был оксиметабулин. Он по-прежнему был убежден, что разбогатеет на препарате. Когда-нибудь. Где-нибудь. Эти таблетки действуют. Почему этого никто не понимает? Он изобрел нечто такое, что принесет счастье миллионам, а бюрократы вступили в заговор, чтобы помешать ему вывести это лекарство на мировой рынок.

Ну и черт с ними всеми. Он возьмет свой мяч и будет играть на другой площадке. А им ничего не оставит. Он будет учиться на ошибках и в следующий раз эксперимент у него получится. В этот раз он будет вооружен знаниями, которых раньше у него не было. Теперь у

него появилось твердое убеждение, что нет женщины, которая способна контролировать свои отношения с едой. Если такая женщина и существует, то ей не нужен оксиметабулин, а потому и экспериментировать с ней нечего.

Но он найдет способ сделать так, чтобы его проект сработал успешно, и больше не попадется. Он уже и имя придумал, под которым объявится в Южной Африке — Дэвид Тинн^[43]. Да, думал он, женщинам это понравится. Они все легковерны, все.

Он начнет все сначала. Может, на сей раз со своей собственной лабораторией. Может, деньги займет, просто чтобы начать.

Прежде чем уехать, он сделал одно последнее небольшое дело, просто чтобы удовлетворить каприз. Эти женщины разрушили его карьеру тем, что питались ненормально. Он хотел, чтобы они узнали, насколько они глупы. Поэтому он разослал короткие записки всем участницам, которые в ходе эксперимента принимали «пустышку». Он не задумывался, что, возможно, делает отличный подарок, внушая им уверенность в способности изменить свое тело, тогда как они думали, что слишком слабы совершить это без медицинской помощи.

В свою квартиру Марина вернулась только 4 января. Она уже жила вместе с Полом и пришла домой, чтобы взять одежду и кое-какие вещи и перенести все это к нему. В почтовом ящике лежали в основном новогодние поздравительные открытки, от тех, кто забыл прислать открытки на Рождество.

Она решила посмотреть их потом вместе с Полом и посмеяться от души, воображая сцены, разыгранные в канун Рождества: «Я думал, ты уже послал ей открытку». — «Это твоя подруга, не моя!» — «Так съезди и сам опусти ей открытку в почтовый ящик» — «Не выйдет! Она сразу догадается, как это пришло нам в голову». — «А мы приклеим марку и размажем краску, чтобы было похоже на почтовый штемпель». Не один глоток шерри пришлось в отчаянии пропустить, прежде чем было принято решение отправить кого-то за открыткой с пожеланием «Нового года от Вашего друга!».

Продолжая радоваться предстоящему развлечению, она вдруг увидела небольшой конверт. Поначалу ей показалось, что он пуст, но когда она открыла его, то увидела внутри записку. Марина развернула ее. Сверху было написано: «От Дэвида Сэндхерста», а ниже нацарапаны пять слов:

Ты принимала «пустышку», ты, пустышка!

Только минут через двадцать она поняла, что сидит на полу и неотрывно смотрит в бумажку. Пять слов, которые изменили ее жизнь. Которые изменили ее всю. Теперь она снова другой человек. Теперь она стала человеком, который может худеть сам по себе, силой своей воли. Теперь она может и пополнеть, но, если захочет, в любое время снова похудеет.

Оксиметабулин оказался самым действенным лекарством.

Спасибо тебе, спасибо, спасибо, прошептала она Дэвиду, где бы ты ни находился. Интересно, а кто еще принимал «пустышку», подумала она. И тут вспомнила о Терезе. Тереза была уверена, что принимает «пустышку». Вот будет здорово, если и она получит

такую же записку! Это обрадует ее. Она бросилась к телефону.

— Привет, Терри, это Марина. Решила тебе позвонить. Ты получила что-нибудь по почте?

— А почему ты спрашиваешь? Письмо от адвокатов Рода, из налоговой инспекции, и еще тысячу открыток Роду и мне от знакомых, которые не знают о том, что мы разошлись. Тебя это интересует?

Значит, Тереза принимала лекарство. Однако всегда верила, что глотает именно «пустышки», ей хотелось в это верить. Тем самым она способна была сесть на диету, потом еще на одну. На этом основании ей было нетрудно убедить себя, что в ее власти контролировать свое питание. Зная, что все в ее силах, она сможет справиться с собой, даже если произойдет срыв.

И никакой химии, так что у Марины не было права лишать Терезу надежды.

Нет, это ложь. Надо ей все сказать.

— Да нет. Просто я получила письмо... обыкновенное письмо с просьбой разослать его другим адресатам. Вот и все, глупое письмо с просьбой. Просто мне интересно, не получала ли ты такое же.

— Нет, а если бы получила, сразу бы в корзину выбросила. Вот что я бы сделала. Да выброси ты это из головы.

Так Марина и сделала.

Тереза заткнула пальцами уши, сделав вид, будто ее замучил детский плач.

Марина ущипнула Терезу за руку и увела ее в сад. Был прохладный декабрьский день, поэтому для того, чтобы согреться, им пришлось шагать быстро.

— Ну как ты, Терри?

— Развод был окончательно оформлен в среду. Теперь я свободная женщина. Гип-гип, ура! Так почему же я не чувствую себя свободной?

— На это нужно время, да ты и сама это знаешь.

— Вообще-то вчера у меня было свидание с мужчиной, — вдруг произнесла Тереза застенчиво.

Марина резко обернулась к ней.

— И ты мне ничего не сказала! Это же фантастика! Кто он? Как все прошло? Я хочу все знать!

Тереза взяла Марину под руку и снова пошла быстрее.

— Да не заводись ты так. А вообще все прошло плохо. Он торговый агент. Я познакомилась с ним на танцевальном вечере, о котором рассказывала тебе в прошлом месяце. Да нет, я вру. Не так все и плохо. Но ничего не было.

— Вы еще будете встречаться?

— Не знаю. Возможно.

— Возможно! — завизжала Марина. — Да это же замечательно! Еще полгода назад ты говорила, что никогда больше не будешь ни с кем встречаться. А теперь говоришь «возможно».

— Самое смешное то, что он мне как-то сказал, что предпочитает более полных женщин.

Марина взглянула на Терезу. Эта тема по-прежнему оставалась запретной, и Марине было интересно, как Тереза отреагировала на подобное заявление. Тереза вернула вес, который утратила, когда принимала оксиметабулин, и прибавила немного сверху. Выглядела она замечательно и лишний вес воспринимала нормально, однако не вполне была счастлива своим положением.

На ее лице появилась лукавая улыбка.

— Я поверила ему. Правда, поверила. Роду я так не верила.

— Ах, Терри! Я так рада за тебя. Это так чудесно! Ты, наверное, чувствуешь себя теперь такой уверенной, убедившись наконец, что можешь понравиться мужчине.

— Да ведь со мной невозможно жить! Я кончу, как Сюзи. Моя неоспоримая красота расцветает только тогда, когда я стою рядом с женщинами, которые не так красивы, как я.

— Тсс, она услышит! — прошептала Марина, с беспокойством посмотрев в сторону дома.

— А, ерунда. Я видела, как она только что пробралась в ванную для гостей вместе со своей сумкой. Уж мы-то знаем, что это значит. Теперь ее полчаса не увидишь.

Обе захихикали, поджав животы. И тут Марина в испуге закрыла рот рукой.

— О Господи, мне бы лучше убрать сырный соус, чтобы у нее не появилось соблазна добавить в него кое-что особенное.

Тереза с отвращением засунула палец себе в рот.

— Слишком грубо! Поосторожнее, я потеряю аппетит, а я не могу худеть, иначе лишусь своих поклонников.

— Марина! Иди сюда! — закричал Пол из дома.

— Извини, — сказала Марина.

— Да ладно, — ответила Тереза.

Они вернулись в дом. Пол стоял рядом с ребенком, который все никак не мог успокоиться. Быстрым уверенным движением Марина взяла ребенка и поднесла его к груди. Она опустилась на диван, и Тереза села рядом с ней.

— Согласись, Сюзи была права насчет грудного кормления. Ты тощая как жердь!

Марина глаз не могла оторвать от красивого личика ребенка.

— Я и не знаю, сколько сейчас вешу. Я почти не сплю, а присесть могу только во время кормления, тут хочешь не хочешь похудеешь. Но знаешь что? Мне все равно.

Тереза с любовью смотрела на свою подругу, на лице которой было написано блаженство.

— Верю. Чертовски завидую тебе, но верю. Ах да, забыла спросить. Ты вчера вечером видела Гейл по ящику?

Марина широко раскрыла глаза.

— Да, и глазам своим не могла поверить. Фантастически выглядит, вся такая крепкая и энергичная.

Тереза согласилась.

— Согласись, впечатляет — документальный фильм на Би-би-си, и все про нее. Здорово.

— Она этого заслуживает. Она столько женщинам делала добро. Я тоже ей многим обязана.

— Да мы все ей обязаны. Ты поблагодарила ее?

— Да. Мы встречались на конференции «Перрико». Одно разочарование. «Окончательных выводов нет, исследования продолжатся», и все такое. Она была очень огорчена. Хотела сорвать презентацию, а презентации-то и не было. Но я ей все равно сказала, какие перемены она внесла в мою жизнь, в наши жизни. По-моему, она была довольна, но Гейл непредсказуема.

— Это потому, что она не ждет награды. Она верит во все это.

— Смешно, правда?

Марина смотрела куда-то в пустоту.

— Что смешно?

— Гейл, наверное, самая счастливая из нас всех. Всегда счастлива собой. Живет себе, будучи честной по отношению к себе и ко всем вокруг. Она победительница, и всегда такой была.

Тереза задумалась над этими словами.

— Тогда почему же мы ее не слушали? То есть слушали, но не до конца?

— А люди вообще не умеют слушать. Это главная черта у нас у всех. Или слушают, а потом идут и делают то, что давно решили, каким бы глупым ни было их поведение.

Тереза погладила ребенка по головке.

— А если Сара не станет тебя слушать и учиться у тебя, тогда что?

Марина крепче прижала девочку к себе.

— Сара будет исключением. Я, во всяком случае, каждый день буду ей говорить, какая

она красивая. Никогда в ее присутствии не произнесу слово «диета». Уж об этом я позабочусь.

Какое-то время они сидели молча. Лишь слышно было, как девочка сосет грудь. Тереза нарушила молчание.

— Вся эта история с «Перрико» такая странная, тебе не кажется? Да и Дэвид исчез.

Марина не отрывала глаз от ребенка.

— Может быть. Меня это больше не интересует. Не могу поверить, что когда-то это было самой важной частью моей жизни.

— Я тоже.

Марина скептически посмотрела на нее. Тереза заметила этот взгляд и подняла руки.

— Ну хорошо, хорошо, немного соврала. Я не говорю, что не съела бы еще одну таблетку, попадись она мне. Но в следующий раз это для меня не будет вопросом жизни.

— Значит, ты чему-то научилась. Урок не прошел бесследно.

— Конечно, не прошел. Но у меня к тебе есть еще один вопрос, Марина.

— Давай спрашивай!

— Дело не в том, что я тебе не доверяю, но ты можешь мне сказать, в каких блюдах, приготовленных тобою на ужин, вообще нет молочных продуктов?

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

---

notes

Ив Сен-Лоран. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

Мера веса — 14 английских фунтов, или 6.34 килограмма.

Футбольная команда из города Тотнем.

Сеть универсамов в Англии.

Район Лондона.

Положение обязывает (*фр.*).

Журнал «Космополитен» входит в круг чтения молодых энергичных женщин.

На третьих страницах английских бульварных газет обыкновенно помещают фото полуобнаженной женщины.

От сочетания английских слов *breakfast* («завтрак») и *lunch* («обед»).

Популярный комедийный актер.

Знаменитый телеведущий.

Хит группы «Osmonds» (1970-е годы).

Второй день Рождества, когда слуги, посыльные и проч. получают подарки.

Густав Малер (1860–1911) — австрийский композитор, автор симфоний и кантат.

От англ. *situation comedy* — «комедия положений».

Американская телеведущая.

Американский киноактер. С 1950-х годов снимался в амплуа мужественных героев.

Американская актриса. Снималась в знаменитом фильме «Когда Гарри встретился с Сэлли».

Знаменитый мюзикл (1970) американского композитора Дж. Бока.

Американский киноактер, снимался в 1930-1950-х годах.

Американский композитор, автор мюзиклов (1893–1964).

Намек (*φρ.*).

Героиня одноименного американского фильма (1977) режиссера В. Аллена.

Приятного аппетита (*фр.*).

Американский телевизионный сериал.

Американский мюзикл.

Роман американской писательницы Жаклин Сюзан (1966), названный критиками одним из двадцати бестселлеров XX века.

Царица племени икенов, жившего в восточной Англии. После смерти ее мужа, князя Прасутага, в 61 г. н. э., римляне захватили ее княжество, и Боудикка возглавила восстание. История Боудикки рассказана Тацитом.

Речь идет о диком олене из книги австрийского писателя С. Зальцмана (1869–1945) «Бемби» (1923).

Магазин на Слоун-сквер в Лондоне.

Современная популярная американская киноактриса.

Сеть магазинов модной одежды.

Г. Суонсон (Свенссон, 1899–1983) — американская актриса, сыгравшая главную роль в фильме «Бульвар Сансет» (1950).

Город в составе Большого Лондона.

По пути (*фр.*).

Американская киноактриса (1929–1993). Лауреат премии «Оскар» (1953).

«Маркс и Спенсер», сеть магазинов.

Свенгали, в романе Дж. Дюморье «Трилби» (1894) — музыкант, обладающий магическим воздействием на людей.

Блимп — на рисунках английского карикатуриста Д. Лоу (1891–1963) тучный и важный полковник.

Знаменитый английский футболист.

Гуртом, толпой (*фр.*).

Род баскетбола для девочек.

Генри Фредерик Тинн (1905–1992) — английский аристократ. В 1949 году превратил свое поместье, существовавшее с XVI века, в туристический центр.